

Чему белая раса может научиться у индейцев

Джордж Уортон Джеймс

What the White Race May Learn from the Indian

BY

GEORGE WHARTON JAMES

The Project Gutenberg eBook of What the White Race May Learn from the Indian.

Эта электронная книга может быть использована любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать, дарить или повторно использовать ее на условиях Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или размещенной на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Чему белая раса может научиться у индейцев

Автор: Джордж Уортон Джеймс

Дата выхода: 15 ноября 2016 [eBook #53532]

Последнее обновление: 23 октября 2024 г.

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Ларри Б. Харрисоном, Уэйном Хэммондом и командой Online Distributed Proofreading Team на сайте <http://www.pgdp.net> (Этот файл был создан на основе изображений, щедро предоставленных Интернет-архивом)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА "ГУТЕНБЕРГ" ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА "ЧЕМУ БЕЛАЯ РАСА МОЖЕТ НАУЧИТЬСЯ У ИНДЕЙЦЕВ" ***

ЧЕМУ БЕЛАЯ РАСА МОЖЕТ НАУЧИТЬСЯ У ИНДЕЙЦЕВ

КНИГИ ДЖОРДЖА УОРТОНА ДЖЕЙМСА

Чему белая раса может научиться у индейцев.

В Большом каньоне и вокруг него.

Индейцы пустыни Пэйнт.

В старых миссиях Калифорнии и за их пределами.

Чудеса пустыни Колорадо.

История Скраггlsa.

Индейские корзины.

Как делать индейские и другие корзины.

Справочник путешественника по Южной Калифорнии.

Свет маяка.

ГРУППА ДЕВИЦ ХОПИ И СТАРИК В МАШОНГАНАВИ.

Чему белая раса может научиться у индейцев

ДЖОРДЖ УОРТОН ДЖЕЙМС

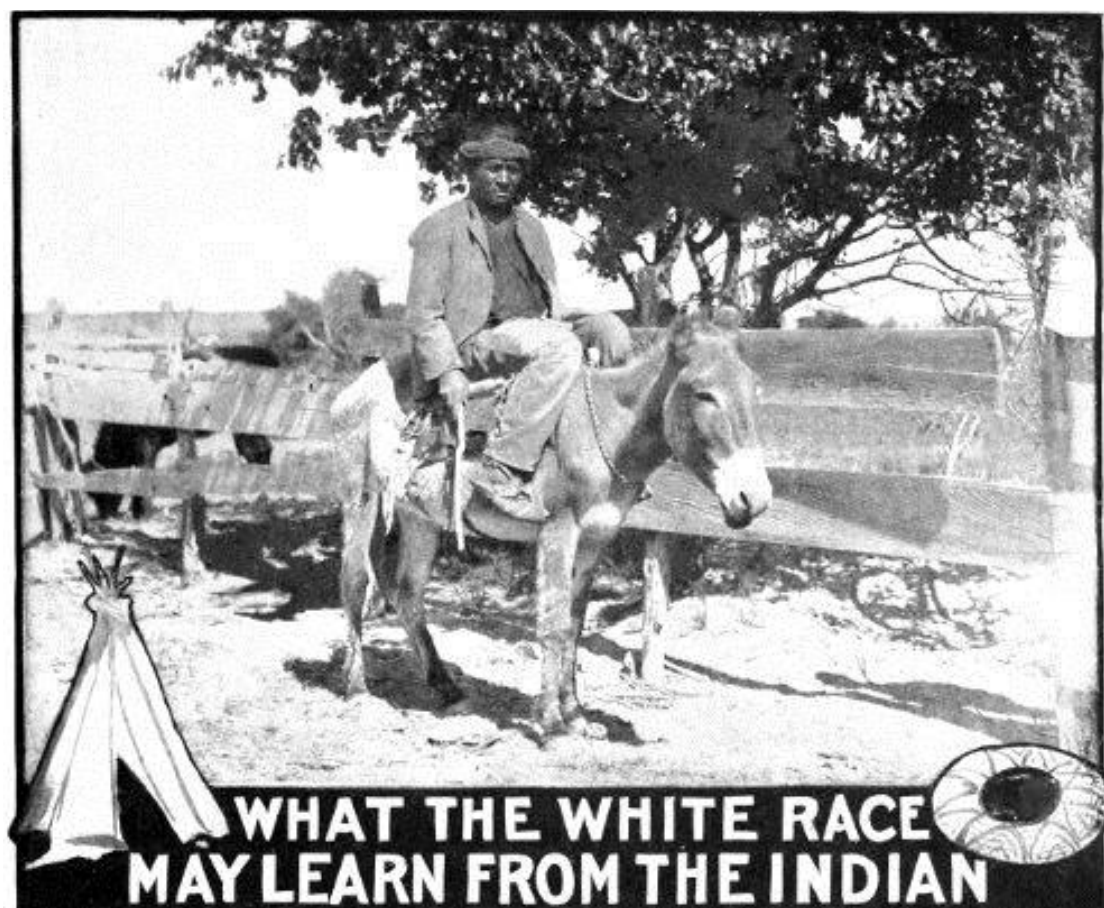
Автор книг "В Большом Каньоне и вокруг него", "Индийские корзины", "Как делать индейские и другие корзины", "Практическое плетение корзин", "Индейцы окрашенной пустыни", "Справочник путешественника по Южной Калифорнии", "В старых миссиях Калифорнии и за ее пределами", "История Скраггlsa", "Чудеса пустыни Колорадо", "По стране Рамоны", "Жить лучезарной жизнью", "Свет маяка" и других.

ЧИКАГО
ФОРБС И КОМПАНИЯ
1908

Авторское право, 1908 год
ЭДИТ Э. ФАРНСВОРТ

Издательство "Лейксайд"
R. R. DONNELLEY & SONS COMPANY
ЧИКАГО

ЧЕМУ БЕЛАЯ РАСА МОЖЕТ НАУЧИТЬСЯ У ИНДЕЙЦЕВ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я не хочу, чтобы подумали, будто я огульно одобряю все, что делает и чем является индеец. В индейцах есть множество вещей, которые достойны порицания и которых следует избегать. Большинство индейцев курят, и для меня эта привычка отвратительна и тошнотворна. Индейцы часто носят грязную одежду. Они часто грубы в своих поступках, словах и юморе. Некоторые из их привычек отвратительны. Я видел, как индейские мальчики и мужчины жестоко обращаются с беспомощными животными, пока моя кровь не закипала от негодования, которое я не мог подавить, и я отбирал у них животных. Они обычно мстительны и неустанно преследуют своих врагов. Они часто довольствуются нечистой и грязной водой, в то время как немного тщательного труда позволило бы им получить довольно хорошую воду.

И действительно, во многих вещах и способах, в которых я лично убедился, индейцы заслуживают не одобрения, а порицания, и их методов жизни следует избегать. Но из-за этого я не закрываю глаза на многие положительные моменты его жизни. Мой разум бесполезен для меня, если он не учит меня, что принимать, а что отвергать, и глуп тот, кто отказывается принимать добро от человека или расы, если этот человек или раса не совершенны во всем. На земле нет совершенства, по крайней мере в человеке, и все добро, которое я когда-либо получал от людей, было от несовершенных мужчин и женщин. Поэтому я полностью признаю несовершенство индейца, но при этом беру у него уроки в тех вещах, которые делают жизнь полнее, богаче, лучше.

Не следует также думать, что все, что здесь сказано об индейцах, с которыми я общался, можно сказать обо всех индейцах. Индейцы не все одинаковы, так же как и белые мужчины и женщины. Среди белых женщин можно найти грязных, отвратительных нерях, но мы не осуждаем всех белых женщин на основании этого неоспоримого факта. Так и с индейцами. Некоторые из них хорошие, некоторые безразличные, некоторые плохие. Поэтому, имея дело с ними как с расой, народом, я поступаю так же, как и со своей собственной расой: беру то, что кажется мне расовыми характеристиками, или, другими словами, то, что проявляется в жизни лучших мужчин и женщин и что, как мне кажется, отражает их привычные цели, стремления и желания.

Эта книга не претендует на полноту или всесторонность. Она носит лишь рекомендательный характер. Поле для исследования гораздо шире, чем то, которое мне удалось охватить. Главы, из которых состоит эта книга, были написаны вдали от справочных изданий и просто как стенограммы воспоминаний, которые промелькнули в моей голове в момент написания. Тем не менее я верю, что во всем, что я сказал, я строго придерживался границ истины и писал только то, что мне лично известно как факт.

Первоначальные статьи, из которых были сделаны эти страницы, были написаны в различных безлюдных местах - в вагонах, во время путешествия между Тихим океаном и Атлантикой, на эстакадах метрополии, стоя за столом моего нью-йоркского друга в его офисе на Бродвее, даже в лесах Мичигана и в глубинах Большого каньона. Две новые главы были написаны в доме моего друга Басса, в Басс-Кэмпе, Гранд-Каньон, но основное расширение и пересмотр произошли в колледже Санта-Клара, где находится восьмая миссия в цепи францисканских миссий Альта-Калифорнии. Колокола церкви Миссии ежечасно звонили в моих ушах, а "Ангелус" и другие призывы к молитве вызывали у меня приятные воспоминания о старых добрых падре, основавших эту и другие миссии, а также показывали мне фотографии современных преданных священников, участвующих в их торжественных службах. Я слышал веселые крики мальчиков этого колледжа во время их игр, ведь иезуиты -

воспитатели мальчиков католической церкви. Здесь, в стенах этой старой миссии, я призываю белую расу включить в свою цивилизацию все хорошее, что есть в индейской цивилизации; отказаться от вредных вещей своей псевдоцивилизованной, искусственной и слишком рафинированной жизни и вернуться к простой, здоровой и естественной жизни, которой индейцы в основном жили до и после того, как они попали под власть испанских падре.

Если все или что-то из того, что здесь представлено, приведет кого-то из моих читателей к более доброму и честному отношению к индейцам, я буду благодарен, и эта книга в полной мере выполнит свою миссию.

Джордж Уортон Джеймс.

Санта-Клара, Калифорния, 27 ноября 1907 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА	СТРАНИЦА
Предисловие	9
I. Белая раса и ее отношение к индейцам	15
II. Белая раса и ее цивилизация	28
III. Индеец и носовое и глубокое дыхание	39
IV. Индеец и жизнь вне дома	49
V. Индеец и сон за дверью	70
VI. Индеец как ходок, наездник и скалолаз	79
VII. Индеец под дождем и в грязи	93
VIII. Индеец и физический труд	105
IX. Индеец и физический труд для девушек и женщин	111
X. Индеец и диета	119
XI. Индеец и образование	130
XII. Индеец и гостеприимство	143
XIII. Индеец и некоторые социальные черты и обычаи	156
XIV. Индеец и некоторые предметы роскоши	162
XV. Индеец и половой вопрос	175
XVI. Индианка и ее ребенок	183
XVII. Индеец и святость наготы	197
XVIII. Индеец и откровенность	204
XIX. Индеец и реппинг	207
XX. Индеец и излишества жизни	210
XXI. Индеец и душевное равновесие	217
XXII. Индеец и самоограничение	229
XXIII. Индеец и привязанность	235
XXIV. Индеец и искусство	240
XXV. Индеец и религиозные культы	250

XXVI.	Индеец и бессмертие	259
XXVII.	В гостях у индейцев	265
XXVIII.	Заключение	268

ГЛАВА I

БЕЛАЯ РАСА И ЕЕ ОТНОШЕНИЕ К ИНДЕЙЦАМ

С тех пор как белая раса стала править на американском континенте, она рассматривала индейцев - а под ними я подразумеваю всех здешних аборигенов - как низших во всех отношениях. И мало-помалу на этой гипотезе выросли различные настроения и афоризмы, которые настолько управляли действиями людей, никогда не видящих под поверхностью вещей и не обладающих собственной силой мысли, что наша национальная литература пропиталась чудовищной концепцией, согласно которой "единственный хороший индеец - это мертвый индеец". Подвиги определенного класса скаутов и охотников на индейцев восхваляются в книгах без числа, так что даже школьники каждый год убегают на запад, каждый с поясом патронов на талии и револьвером в набедренном кармане, *чтобы поохотиться на индейцев*. Добрые мужчины и женщины, люди с самым высоким характером, как выяснилось, испытывают к индейцам антипатию, которая не является ни моральной, ни христианской. Люди, обладающие высочайшей честностью в обычных делах, будут убедительно и с очевидной уверенностью в справедливости своих доводов утверждать, что индеец не имеет в этой стране никаких прав, которые мы обязаны уважать. Они находятся здесь лишь по принуждению, и все, что правительство Соединенных Штатов делает для них, является чистой и бескорыстной филантропией, за которую индейцы должны быть только благодарны и смиренны.

На мой взгляд, такое положение вещей просто ужасно. Если предшествующее владение дает право на любое право на землю, то индеец владеет землей Соединенных Штатов по преимущественному праву. Так называемый аргумент, что индеец неразумно *использует* землю и поэтому стоит на пути прогресса и должен быть удален, и далее, что мы, народ Соединенных Штатов, являемся провиденциально назначенными инструментами для этого удаления, является для меня настолько софистическим, настолько явно неискренним, настолько ужасно жестоким, что у меня нет терпения ни слушать, ни отвечать на него.

Если это так, то как же быть с огромными землевладельцами, которых наши законы берегут и защищают? Разве они владеют землей для полезных и благих целей? Помогают ли они "делу цивилизации" своим безжалостным и хватким контролем над миллионами акров, которые они в целом завладели так незаконно и безнравственно? Тысячи, а то и миллионы акров земли находятся в руках сравнительно небольшого числа людей, не задумывающихся об общем благе. Единственная мысль в их умах - эгоистическая: "Что я могу из этого извлечь?".

Давайте будем честны с собой и будем называть вещи своими именами в нашем отношении к слабой расе. Если индеец стоит на пути, и мы намерены отобрать у него землю, давайте, по крайней мере, будем достаточно мужественны, чтобы признать себя ворами и грабителями, и сделаем это так, как делали старые европейские бароны - силой оружия, честно и весело: "У вас есть эти широкие акры: Они нужны мне. Я вызываю вас на поединок: победителю принадлежит добыча". И начался поединок. И тот, кто был сильнее, получил акры и замок.

Давайте пойдем к индейцу и скажем: "Мне нужны твои земли, твои охотничьи угодья, твои леса, твои водоемы, твои источники, твои реки, твои кукурузные поля, твои горы, твои

каньоны. Они нужны мне для моего собственного использования. Я сильнее вас; нас больше, чем вас. Они должны быть у меня. Тебе придется довольствоваться меньшим. Я их возьму", - и переходит к грабежу. Но давайте не будем презирать подлость, называя нашу кражу "благожелательной ассимиляцией", "проявлением судьбы" или "стремлением к высшему благу индейцев". Нация, как и раса, может совершать подлые поступки, но пусть она не добавляет к своему прочему злу презренное преступление сознательного лицемерия. Бессознательного лицемера можно пожалеть и избавить его от лицемерия, но сознательный лицемер - это зловоние в ноздрях всех честных мужчин и женщин. Большая часть простого народа Соединенных Штатов не осознает лицемерного отношения к индейцам со стороны своих лидеров, будь то избранные или назначенные чиновники или самоизбранные филантропы и реформаторы. Поэтому, хотя я и хотел бы "встряхнуть" их и заставить осознать свою долю в лицемерии нации, у меня нет чувства осуждения по отношению к ним. С другой стороны, я отношусь к сознательным хамам и лицемерам, которые используют индейцев в качестве прикрытия для собственного эгоистичного возвеличивания и продвижения, так же, как, по преданию, Господь относился к "теплым" церквям, когда воскликнул: "Я извергну тебя из уст Моих".

В своем обращении с индейцами мы были лжецами, ворами, развратителями нравов их женщин, развратниками их девиц, развратниками их юношей, лжесвидетелями и убийцами. Мы лгали им о своих добрых, мирных и благородных намерениях; мы давали им обещания, которые никогда не собирались выполнять, и делали это только для того, чтобы добиться своих корыстных и меркантильных целей самым простым способом, а затем отказывались от своих обещаний без зазрения совести и без угрызений совести. Мы украли у них почти все, что у них было из земель и мирского имущества. Всего два или три года назад я присутствовал при аресте индейца племени хавасупай за то, что он подстрелил оленя не по сезону, его привлекли к суду и оштрафовали на крупную сумму, в то время как его собственный отец бродил по окрестностям, охотясь, как это делали его предки на протяжении веков, и не было никаких законов или судов белых людей, запрещавших им делать то, что было для них так же естественно, как пить воду, которую они находили, есть фрукты и ягоды, которые они проезжали, или дышать воздухом, когда они ехали по дороге. Закон белого человека в отношении охоты на оленей и антилоп основан на эгоизме белого человека, который за несколько поколений истребил всех бизонов, большинство горных баранов, лосей, лосих и оставил лишь сравнительный остаток оленей и антилоп. Индеец никогда не нуждался в таких законах. Он всегда был достаточно бескорыстен, чтобы оставить достаточное количество этой дичи для разведения, или, если не бескорыстие было причиной его сдержанности, его собственные интересы в накоплении мяса приносились в жертву общему благу его народа, который также нуждался в мясе и должен был иметь возможность получать его каждый год. Поэтому сегодня мы законодательно перекрываем нормальный и естественный источник снабжения индейцев мясом, без каких-либо консультаций с ними и абсолютно без права на обращение в суд или возмещение ущерба, потому что мы сами - представители белой расы - настолько беспредельно эгоистичны, настолько корыстны, настолько безразличны к будущим потребностям расы, что без такого закона мы уничтожим всю дичь в течение нескольких коротких лет.

ПЛЕТЕНИЕ КОРЗИН ВАЛЛАПАИ.

Кто же из тех, кто изучал индейца и отношение к нему белого человека, не знает о мерзком обращении, которому подвергались замужние женщины и девицы от рук "высших" людей. Пусть будет полностью написана история дьявольского разврата, которому подвергались молодые индейские девушки со стороны индейских агентов и учителей, и даже самые яростные клеветники на индейцев будут вынуждены повесить голову от стыда. Для тех, кто знает, название Перриса - индейской школы в Южной Калифорнии - вызывает воспоминания о преступлениях такого рода, что кровь стынет в жилах против белого изверга, совершившего их, а я сейчас, когда пишу, нахожусь рядом с резервацией Хавасупай в северной Аризоне, откуда один из учителей был вынужден тайно уехать из-за обнаруженных им безнравственных отношений с индейскими женщинами и девушками. Всего десять лет назад имя женщины валлапай было почти синонимом безнравственности из-за разлагающего влияния белых мужчин, и одной из самых жалких вещей, которые я когда-либо слышал, было безнадежное "Что мы можем с этим сделать?" одного индейского вождя в

пустыне Колорадо, когда я говорил с ним о деморализации женщин его народа. По сути, его ответ гласил: "Белые так приперли нас к стенке, что мы часто голодаем, а быть безнравственным гораздо легче, чем голодать".

Затем прочитайте отчеты различных индейских агентов по всей стране, которые пытались добиться соблюдения законов, запрещающих белым продавать спиртное индейцам. И чиновники, и суды часто проявляли безразличие к благополучию индейцев и, как правило, стремились защитить белого человека в его "корыстных интересах", а не защитить молодых людей из индейских племен от дурного влияния спиртного. Снова и снова я присутствовал на советах индейцев и слышал, как старики выступали против огненной воды белого человека. Хавасупаи объявляют ее *han-a-to-op-o-gi*, "очень плохой", навахо *da-shon-de*, "от лукавого", и все вместе настаивают на том, чтобы их молодые люди были ограждены от ее деморализующего влияния. И все же редко можно встретить *праздник*, на котором какой-нибудь мерзкий белый негодяй не готов продать собственную душу и нарушить законы как белых, так и индейцев, чтобы получить немного грязной прибыли, предоставив какой-нибудь отвратительный отвар, который он продает под видом виски тем, чья моральная стойкость недостаточно сильна, чтобы противостоять искушению.

ИСКУСНЫЙ ПЛЕТЕЛЬЩИК КОРЗИН ИЗ ПЛЕМЕНИ ХОПИ.

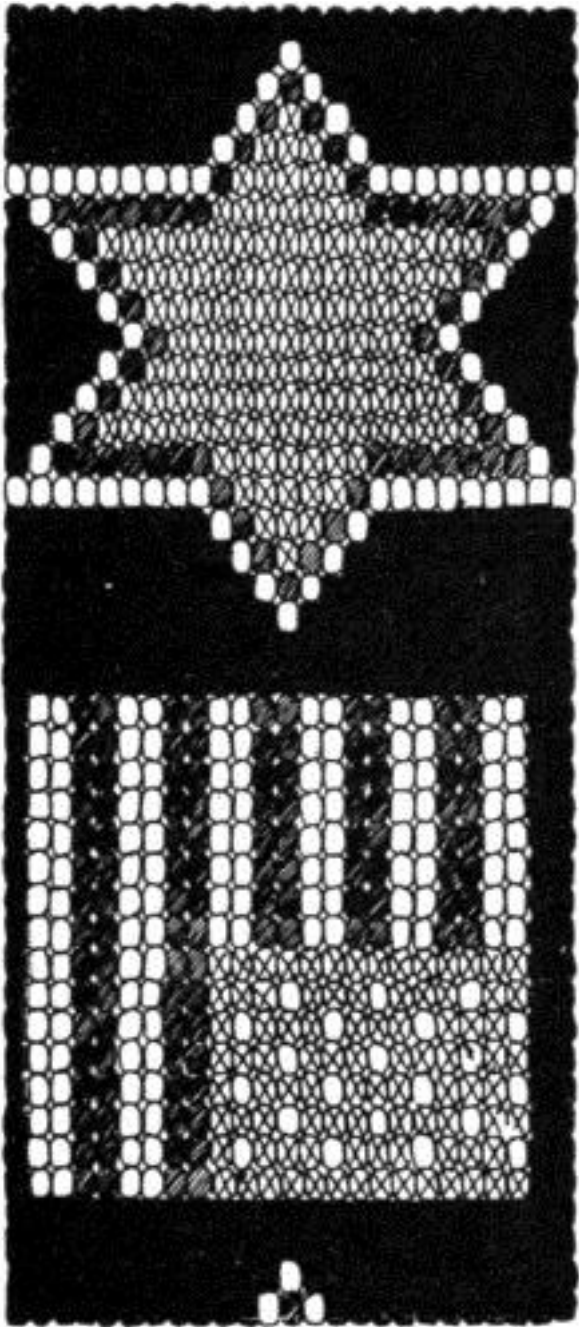
А что касается лжесвидетельства в наших отношениях с индейцами: почитайте записи о разорванных договорах, нарушенных обещаниях и пренебрежении клятвами, которые приводит Хелен Хант Джексон в своей книге "Век бесчестия", а затем скажите, насколько обоснованно это обвинение.

И все же, когда индеец осмеливался возмутиться жестоким и отвратительным обращением с ним в стольких случаях и в таком страшном разнообразии, его называли "вероломным, мстительным, злобным, убийственным", потому что в своем справедливом и праведном негодовании и гневе он поднимался и решал убить всех, кого мог найти из ненавистной белой расы. Несомненно, его война не всегда была цивилизованной. Но почему это должно быть так? Да и как она может быть такой? Он не цивилизован. Он не знает "христианских" принципов в войне, которую "христианские" люди навязали ему в качестве акта самообороны. Он дикарь, сражающийся с дикой жестокостью и дикой решимостью, чтобы

сохранить свой дом, дом своих предков, для себя, своих детей и их детей". Оом Пол Крюгер сказал англичанам, что если они навяжут бурам войну за обладание Трансваалем, то выиграют ее ценой, которая "поразит человечество". И все же тысячи добрых американцев почитали Оом Пола за его "храбрость", "патриотизм", "богоподобную решимость отстаивать права своего народа". Но если наш индеец делает то же самое, защищая свой дом, и убивает множество солдат, посланных прогнать его, он виновен в убийственном предательстве; его убийства - это "резня", и он должен быть уничтожен как можно скорее.

Кто хоть раз слышал, чтобы к смерти Кастера и его солдат применялся какой-либо другой термин, кроме "резни"? Резня Кастера так же "привычна, как бытовые слова". И все же, что такое резня? Вебстер говорит: "1. Убийство значительного числа людей при обстоятельствах, отличающихся зверством или жестокостью или противоречащих обычаям цивилизованных людей. 2. Убийство". Приняв во внимание эти определения, посмотрите на обстоятельства дела. Я не хочу, чтобы мои слова были восприняты как осуждение Кастера. Он был генералом, получившим приказ, и, как покорный слуга, стремился его выполнить. (Спорный вопрос о том, подчинялся ли он приказам или пренебрегал ими, я оставляю на усмотрение самих военных). Я осуждаю не Кастера или какого-либо другого человека, а государственную, национальную политику. Армии Кастера было приказано выступить против этих людей и насильно изгнать их из места, которое они выбрали своим домом - и которое было их домом на протяжении веков, прежде чем белый человек когда-либо ступал на этот континент, - и отвезти их в резервацию, которая им не нравилась, и при выборе которой их желания, стремления или комфорт никоим образом не учитывались. Белые солдаты были вооружены, и хорошо известно, что они намеревались применить это оружие. Если бы они напали на индейцев исподтишка или с помощью какой-нибудь хитрости, то сделали бы это без зазрения совести, и никому бы не пришло в голову упрекнуть их, даже если бы в драке, которая, несомненно, последовала бы, все индейцы были бы убиты. Это была бы славная победа, и мы должны были бы благодарить Бога за то, что Он направляет наших солдат в их "почетной" войне. Но, к сожалению, инцидент повернулся в другую сторону.

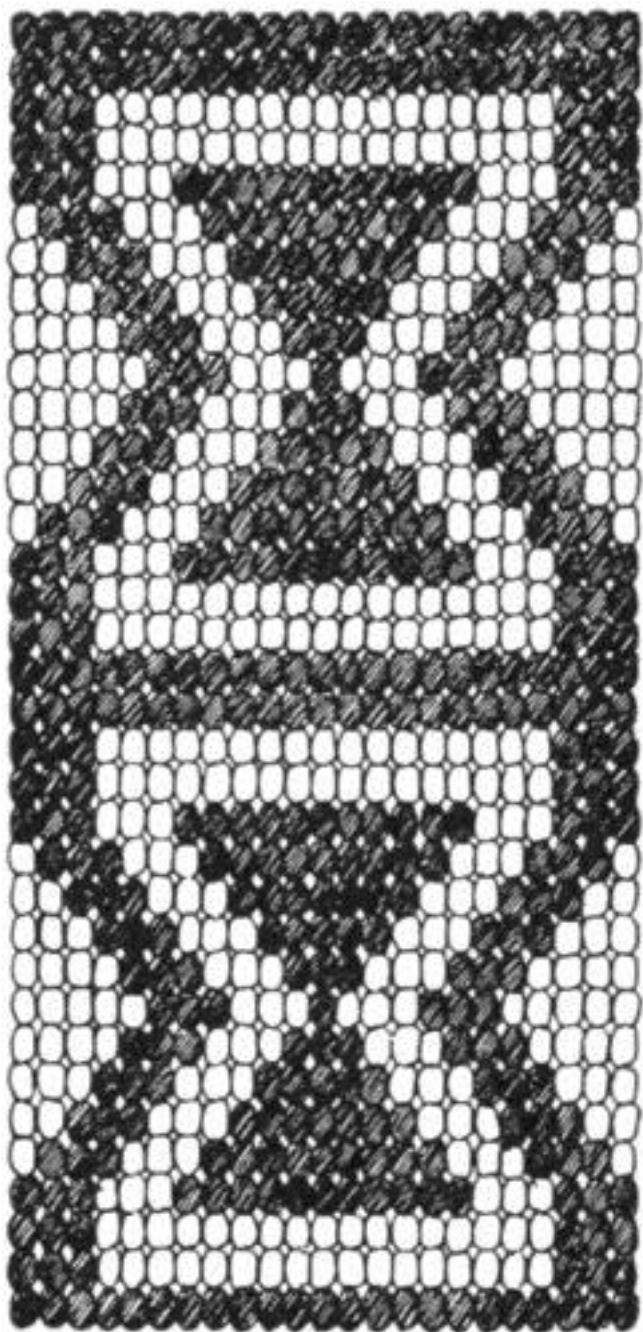
Предполагаемые похитители оказались пойманными; предполагаемые удивленцы - удивленными; предполагаемые убийцы - убитыми. Кастер и его отряд, храбрые и галантные, как и подобает солдатам Соединенных Штатов, - и я с жаром отвергну любое клеветническое замечание об обратном, - были окружены, удивлены и убиты до единого человека".

ИНДЕЙСКИЕ ИЗДЕЛИЯ ИЗ БИСЕРА
ИНТЕРЕСНЫЙ ДИЗАЙН.

Плачьте над могилой Кастера, плачьте над могилами его людей, плачьте вместе с вдовами и сиротами этих внезапно удивленных и убитых солдат. У меня самого не раз текли слезы, когда я читал и перечитывал подробности этой ужасной трагедии; но все же, плача, не будьте бесчестны и неблагодарны к победителям, какими бы индейцами они ни были. По свидетельству не менее авторитетного человека, чем генерал Чарльз Кинг, который лично и близко знал сиу на протяжении многих лет, они всегда были гостеприимными друзьями белой расы, пока один командир племени, чье имя должно быть предано осквернению всей нацией, проникнутый идеей, что единственный хороший индеец - это мертвый индеец, не предал и хладнокровно убил нескольких из них, которые поверили его обещаниям и отдали себя в его руки. В результате все племя приняло эту расправу в свое сердце, как и подобает истинным патриотам, и с того дня и по сей день большая часть сиу ненавидит белую расу неизменной, горькой ненавистью мстительного дикаря.

Снова и снова, когда я посещал индейские школы, вдумчивые юноши и девушки приходили ко мне с жалобами на американскую историю, которую их заставляли изучать. В их простой, почти бесцветной манере выражать свои мысли посторонний человек никогда бы не догадался о яростном гневе, который бушевал внутри, но который я был слишком опытен в индейских нравах, чтобы не заметить. Послушайте, что говорили некоторые из них: "Когда мы читаем в истории Соединенных Штатов о белых мужчинах, которые сражаются, защищая свои семьи, свои дома, свои кукурузные поля, свои города и свои охотничьи угодья, их всегда называют "патриотами", а детей призывают следовать примеру этих храбрых, благородных и галантных мужчин. Но когда индейцы - наши предки, даже наши собственные родители - сражались, защищая нас и наши дома, кукурузные поля и охотничьи угодья, их называют мстительными и безжалостными дикарями, кровавыми убийцами и всем остальным, что вызывает отвращение. Вы - друг индейцев: не могли бы вы когда-нибудь написать для нас историю Соединенных Штатов, в которой не будет такой злой и жестокой лжи о наших предках, потому что они любили свои дома настолько, чтобы сражаться за них - даже против таких сильных врагов, какими были вы". И я поклялся, что если когда-нибудь у меня будет время, силы и я почувствую себя компетентным, я напишу такую историю.

ИНДИЙСКАЯ ВЫШИВКА БИСЕРОМ.

И все же это далеко не все обвинения, которые я должен предъявить своей расе в ее отношении к индейцам. Не довольствуясь тем, что мы лишили его мирских благ, мы добавили оскорбление к оскорблению и нанесли ему гораздо более глубокую и режущую рану, отказав ему, его женам и дочерям в моральных, поэтических и духовных качествах, которыми они обладают. Для многих представителей высшей (!) расы это полная бессмыслица. Мысль о том, что у индейца есть какие-то чувства, которые нужно задеть! Какая нелепость! И все же, не боясь возразить, я утверждаю, что многие индейцы чувствуют игнорирование добрых, поэтических, эстетических, религиозных или духовных качеств, которыми они обладают, гораздо острее, чем физические обиды, которые им причинили. Как раса, мы предвзяты, фанатичны и "большоголовы", когда смотрим на любую другую расу. Наши предрассудки возникают естественным образом. Англичанин свысока смотрит на "француза, поедающего лягушек", и привык говорить, что он может облизать десяток или дюжину таких. И француз, и англичанин с насмешкой относятся к пьющим пиво немцам и

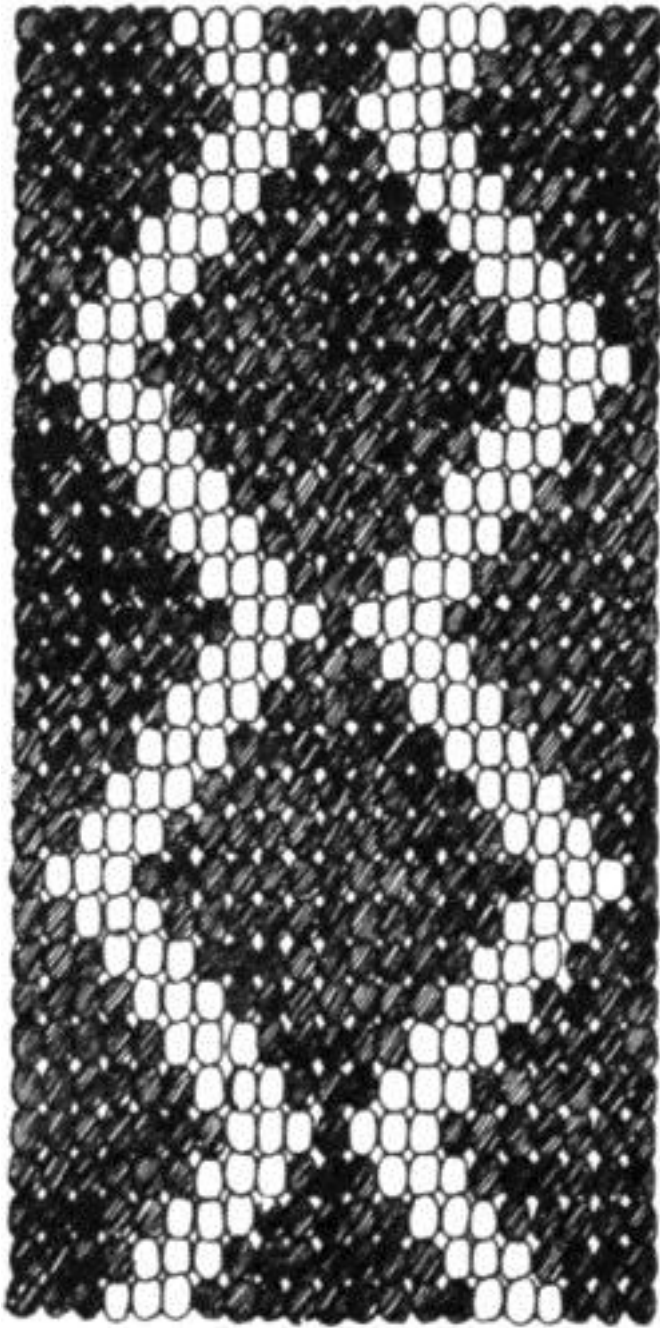
непоколебимым голландцам, но Франция должна помнить Седан, а Англия до сих пор сокрушается при имени Ван Тромпа. Дело в том, что ни одна нация не может позволить себе смотреть на другую свысока, так же как ни одна цивилизация не может позволить себе превозносить другую. У каждой из них есть свои достоинства, свои "товары", свои преимущества. Франция, Англия, Германия, Америка никогда не сравнялись, а тем более не превзошли архитектуру Греции, Египта и Рима. Соединенные Штаты, при всей своей хвастливости и бахвальстве, никогда не имели поэта, равного старому слепому Гомеру или итальянскому Данте. Немецкий Гете достоин стоять бок о бок с английским Шекспиром, а архитектура грубых и вульгарных "готов" - высший венец всех построек в гордой и самодовольной англоязычной "стране-матери".

Так же я научился смотреть на индейца. У него есть много вещей, которые мы можем использовать с пользой для себя, и некоторые из них были представлены на следующих страницах. В следующей главе мне предстоит сделать несколько необходимых оговорок и замечаний, которые, я надеюсь, терпение читателя позволит ему внимательно рассмотреть.

ГЛАВА II

БЕЛАЯ РАСА И ЕЕ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Я ни в коем случае не являюсь слепым поклонником нашей так называемой "высшей" и "продвинутой" цивилизации. Я не думаю, что в некоторых вещах мы продвинулись так далеко, как греки. Наша цивилизация во многих отношениях является притворной, никудышной, пряничной, мишурной, фальшивой, показушной, меркантильной, обманчивой. Если бы я писал эту книгу как обвинительный акт против нашей цивилизации, то в обвинительном заключении не было бы недостатка в пунктах, и для каждого обвинения можно было бы найти множество доказательств.

ИНДЕЙСКАЯ ВЫШИВКА БИСЕРОМ
С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ГРЕМУЧЕЙ ЗМЕИ

Как нация, мы не умеем рационально питаться; мало кто спит, как положено; наши привычки к алкоголю не могут быть намного хуже; наша одежда чопорна, формальна, условна, отвратительна и нездорова; наши головные уборы - это бред глупости. Большая часть нашей архитектуры слабо подражательна, хлипкая, без достоинства, характера и стабильности; большая часть нашей религии - это скорее профессия, чем жизнь; наша система образования выпускает анемичных и полуподготовленных учеников, которые наглядно демонстрируют истину о том, что "мало знаний - опасная вещь". А что касается нашей правовой системы, то если бы группа сумасшедших из ближайшей психушки не смогла состряпать для нас более совершенную юриспруденцию, чем та, что сейчас прокликает наше гражданство, я был бы удивлен. Ни один честный человек, как в законе, так и вне его, не отрицает, что "закон", который Браунинг с такой силой сатиризирует как "патентный процесс извлечения истины", превратился в систему формализма, прецедентов,

условностей, формальностей. Дело может быть рассмотрено, стоять городу, округу или штату тысячи долларов, решение вынесено, и все равно, *по простой формальности, которая ни на йоту не влияет на реальную суть дела*, решение будет отменено, и либо преступник, чью вину никто не отрицает, будет освобожден, либо будет назначен новый суд с сопутствующими расходами. Глупость такой системы! Какой идиотизм в том, что *люди* тратят время, силы и энергию на такие глупости. Я верю, что мир станет лучше, если вся правовая система, от верховного суда Соединенных Штатов до самого мелкого суда, будет упразднена одним ударом, и мы вернемся к решениям старых людей каждой общины, известных своим здравым смыслом, бесстрашием и честностью.

РАМОНА И ЕЕ ЗВЕЗДНАЯ КОРЗИНА.

Возможно, кто-то, прочитав эти строки, сочтет меня недержателем и всеобщим разбойником, выступающим против нашей цивилизации. Такой вывод был бы вопиющей ошибкой. Я не выступаю ни против чего, кроме того, что считаю плохим, - плохим в том смысле, что оно влияет на тела, умы или души ее граждан. Я не выступаю против беспроводного телеграфа, океанских кабелей, железной дороги, телефона, фонографа, фортепиано, автомобиля, льдогенератора, холодильной машины, газового освещения, газа для отопления и приготовления пищи, электрического освещения и обогревателя, электрических железных дорог, газет, журналов, книг и тысячи и одной вещи, которой отмечен наш век и наша цивилизация. Но я выступаю против злоупотребления и извращения

этих вещей. Я выступаю против системы, позволяющей азартным игрокам обманывать простых людей, надувая акции компаний беспроводной телеграфии, кабельных, железнодорожных и других. Мне очень нравятся некоторые фонографы, но я против того, чтобы мой сосед включал свой фонограф на всю ночь. Я считаю, что уголь-нефть - это хорошо, но я против цивилизации, которая позволяет нескольким людям так контролировать этот Богом данный природный продукт, что они могут за несколько коротких лет сколотить состояния, которые настолько превосходят состояния королей древности, что делают богатство Крёза похожим на "тридцать центов". Я верю в образование; но я серьезно, искренне и постоянно выступаю против так называемого образования (с которым в большей или меньшей степени связаны почти все наши современные системы), которое ценит забальзамированные знания книг больше, чем личное, практическое, экспериментальное знание самих вещей. Я люблю книги и имел бы такую же большую библиотеку, как в Британском музее, если бы мог себе это позволить; но я настойчиво выступаю против цивилизации, которая заставляет своих членов принимать то, что они находят в книгах, больше, чем то, что они сами додумывают". Хоакин Миллер, кажется, сказал грубую и глупую вещь, когда на вопрос Элберта Хаббарда "Где ваши книги?" ответил отрывисто: "К черту книги. Когда мне нужна книга, я ее пишу", а на самом деле он выразил глубокую и проникновенную мысль. Он хотел показать свое абсолютное презрение к идее, что мы читаем книги для того, чтобы помочь мыслить. Дело в том, что чтение слишком большого количества книг - это определенное препятствие для мысли - позитивное препятствие для мысли. Я не верю в заранее приготовленную пищу ни для тела, ни для ума, ни для души; поэтому я против тех черт нашей цивилизации, которые дают нам пищу, которую нужно только проглотить (а не пережевывать и наслаждаться), чтобы получить питательные вещества; которые дают нам уже готовые мысли, которые мы должны принять, иначе нас сочтут необразованными; те крохи социальных обычаев, которые легкомысленные четыреста человек снисходительно позволяют падать нам со своих столов и которые мы должны соблюдать или подвергнуться остракизму как "хамы" и "вульгарные"; и те особенности нашей теологической системы, которые дают нам заранее приготовленную духовную пищу, которую мы должны принять и следовать ей или быть проклятыми. Я готов пойти и питаться вместе с шотландцами и лошадьми (*вспомните* глупое замечание Джонсона об овсянке), и считаться необразованным, и подвергаться остракизму как хам и вульгарный человек, и даже быть проклятым на словах, что, слава Богу, совсем не так далеко, как Он позволяет одному человеку "проклясть" другого. Ибо я выступаю против всего этого.

Я не пессимист в отношении нашей цивилизации: Я оптимист. Однако часто мой оптимизм приобретает пессимистическую окраску. А как может быть иначе?

Может ли любой мыслящий человек испытывать уважение - да что там, вообще уважение - к той стадии цивилизации, которая позволяет сколачивать колоссальные состояния за счет монополизации продажи *предметов первой необходимости*, когда бедняки, вынужденные покупать эти предметы первой необходимости, с каждым годом становятся все беднее и беднее?

ИНДИЙСКАЯ ВЫШИВКА БИСЕРОМ
ГРЕЧЕСКИЙ ЛАД.

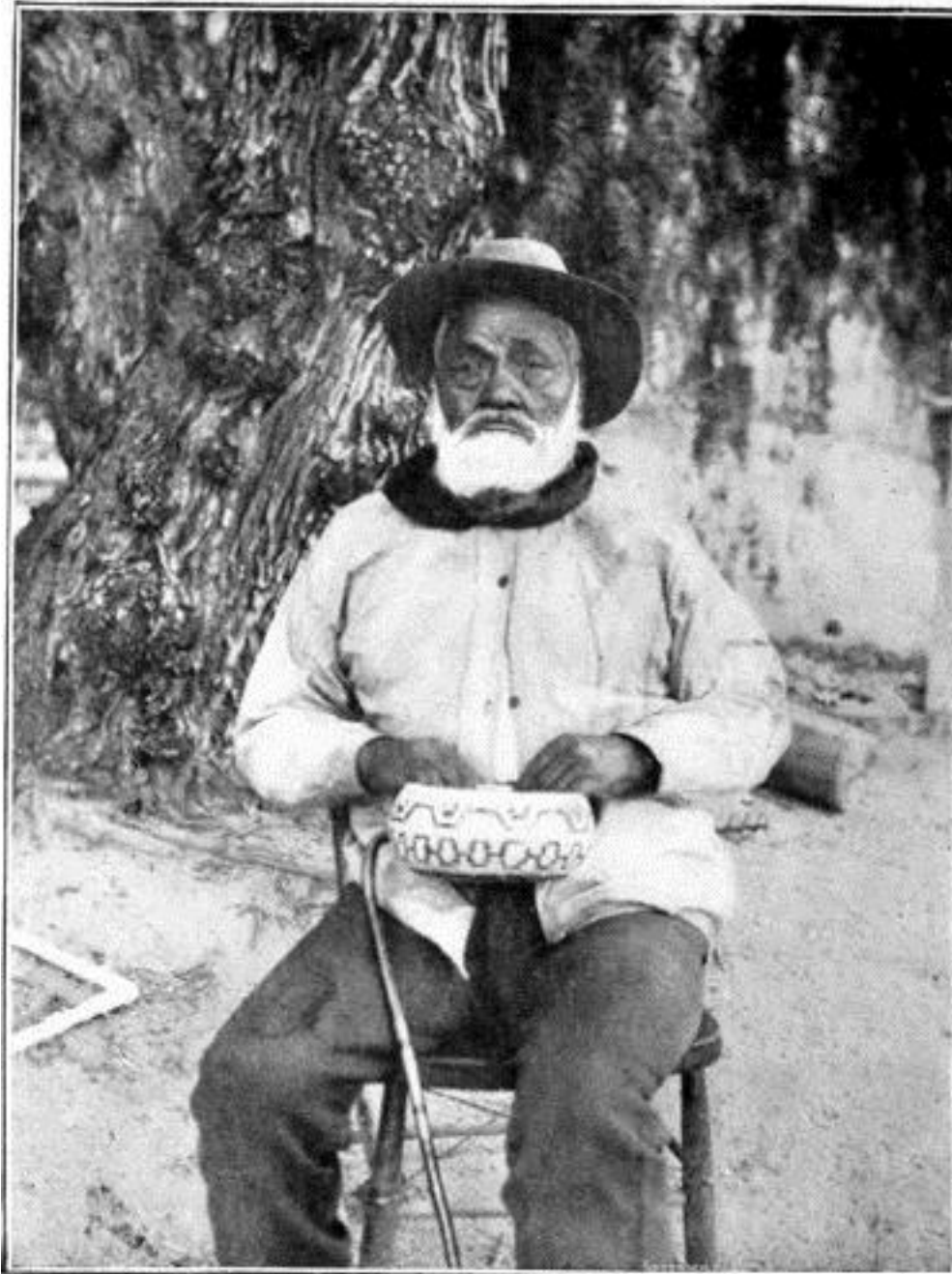
Могу ли я уважать какую-либо цивилизацию, которая на протяжении 125 лет своего существования отказывалась принимать законы о сохранении чистоты пищи своих бедняков? Богатые могут покупать что и где угодно, но за все время нашего существования мы были настолько связаны по рукам и ногам теми, кто делает деньги, чтобы испортить наши продукты питания и добавить еще несколько миллионов к своей грязной копилке нечестивых долларов, что закрывали глаза на физическую и духовную деморализацию, которая наступает у бедных из-за отравленных смесей, выдаваемых им - под защитой законов Соединенных Штатов - в качестве продуктов питания.

Могу ли я уважать учебное заведение, которое воспитывает умы своих детей за счет их тел? У которого так мало здравого смысла и здравых рассуждений, что он подвергает своих детей

жестоким конкурсным экзаменам, в то время как они должны укреплять свое тело в критическом подростковом возрасте?

Могу ли я преклониться перед цивилизацией, чьи высших учебных заведений - Гарвард, Йель, Принстон, Корнелл, Нью-Йорк, Колумбия, Джонс Хопкинс, а также множество других менее значимых учебных заведений - каждый год высылают от пяти до тридцати процентов своих студентов с подорванным здоровьем? Что толку от всей книжной выучки, накопленной за все века, если у человека нет физического здоровья, чтобы ею наслаждаться? Только в прошлом году ко мне пришел выпускник Гарварда, который получил высокую степень в изучении права и был признан вполне подготовленным к тому, чтобы начать заниматься своей профессией. Но его здоровье было подорвано. Он был нервной и физической развалиной. Его врачи предписали ему полный покой в течение года и предположили, что пять лет - не слишком большой срок для его восстановления. Когда этот молодой человек попросил меня высказать ему свои откровенные соображения по этому поводу, я спросил его, не думает ли он, что имбецилы могли бы еще хуже испортить его "образование", чем нынешняя система, которая развивала его интеллект, но так пренебрегала потребностями его тела, что интеллект был бессилен действовать.

Пусть за меня ответят стенания агонии бесчисленных мертвецов, которых торопило в могилу это идолопоклонство бессмысленному, безбожному, бессердечному Молоху под названием "образование", когда люди просят меня уважать эту черту нашей высшей цивилизации, и к этим стенаниям пусть добавятся стенания пробудившихся родителей, которые слишком поздно поняли, к каким действиям, сродни убийству, привело их слепое поклонение этому идолу. Добавьте к этому крики боли с десяти тысяч кроватей страданий, занятых теми, кто еще жив, но чьи тела "сломались" в результате "чрезмерного обучения".

ИНДЕЕЦ САБОБА С КОРЗИНОЙ, В КОТОРОЙ СИМВОЛИЗИРУЕТСЯ ИСТОРИЯ ЕГО ПЛЕМЕНИ.

Добавьте к этой огромной пирамиде горя душевные терзания по поводу изгнанных надежд, сорванных амбиций, полностью утраченных желаний и целей, и вы поймете, почему я не поклоняюсь этой святыне. Если бы мне пришлось выбирать - как каждому родителю для своих маленьких детей, еще не способных мыслить, - между счастливой, потому что физически здоровой, жизнью, хотя и необразованной школами, и образованной и несчастной, потому что нездоровой, жизнью детей, я бы сказал: Дайте мне невежество (книги и школы) и здоровье, чем образование (книги и школы) и разбитое, нервное, раздражительное тело. Но ни в коем случае не нужно иметь необразованных детей, даже если они никогда не должны видеть школу. Пока я пишу (я наслаждаюсь несколькими днями на "ободе" Гранд-Каньона), я ежедневно встречаюсь с замечательной семьей. Мужчина намного выше среднего по уровню *школьного* и книжного *образования*. Он выдающийся врач, известный не только в пределах своего большого штата, но и во всех Соединенных Штатах и Европе; его методы в значительной степени одобрены людьми, стоящими во главе

профессии, а его прибыльная и огромная практика демонстрирует успех его системы при полном одобрении самых консервативных представителей его жестко консервативной профессии. До недавнего времени он был профессором одного из крупнейших университетов США, а потому компетентен судить о методах самых высоких учебных заведений изнутри. У него достаточно денег, чтобы поселить своих двух дочерей там, где он пожелает, и проводить большую часть времени рядом с ними. Однако он намеренно (и, как мне кажется, очень мудро) не отдал их в школу и в первую очередь заботится о силе и бодрости их тел. Обе они ездят верхом (разумеется, верхом) с уверенностью и самообладанием опытных вакеро; обе могут совершать длительные путешествия, верхом или пешком, которые изнурили бы большинство юношей-студентов; и сейчас, в возрасте 15 и 17 лет, они являются образцами физического здоровья и красоты, и в то же время старшая сестра *лучше* обучена практическим, здравым, полезным, жизненным делам мужчин и женщин, чем любая девушка ее возраста, которую я когда-либо встречал. Поэтому я воспринимаю этот урок как еще одно доказательство истинности моей позиции и снова отказываюсь склониться перед великим фетишем нашей современной цивилизации - "схоластическим образованием".

В прошлом существовали замечательные цивилизации - Персия, Малая Азия, Этрурия, Греция, Рим, Египет, мавры, - и все же они исчезли. До нас дошли лишь некоторые остатки: храмы в пустыне, занесенные песком пропилеи, откопанные вазы и резьба, великолепная архитектура, возвышенные мраморы и будоражающая душу литература. Где же народы, создавшие эти вещи? Почему они не смогли распространить свой род настолько хорошо, чтобы хотя бы сохранить свои расы в целостности и сохранности и удержать завоеванное? Мы знаем, что они этого не сделали. Почему? Назовите это моральной или физической деградацией, или тем и другим вместе, но неоспоримым фактом является то, что физическая слабость делала потомков этих народов неспособными жить на высоких планах своих предков или делала их легкой добычей для более сильной и энергичной расы. Я полностью склоняюсь к убеждению, что именно их моральный упадок привел к физической деградации; но я также твердо верю, что лучшая и истинная мораль может быть поддержана в здоровом и энергичном теле, чем в больном и истощенном.

Поэтому я со всей искренностью призываю наших подрастающих мальчиков и девочек, наших юношей и девушек, а особенно наших будущих родителей, к более здоровой физической жизни. Нельзя ожидать здорового потомства от больного. Отцы и матери расы должны быть укреплены физически. Каждый ребенок должен быть здоровым, счастливым и радостным, как *при рождении*, так и *при вынашивании*. Солнечный свет любви должен падать с лиц обоих родителей в глаза ребенка в первый момент его жизни. Так эликсир радости попадает в его сердце, а радость так же необходима для правильного развития ребенка, как солнечный свет для цветка. Этот - физический мир, пусть даже это лишь мимолетные явления, и от его осознания во многом зависит наше счастье. Наши друзья из Христианской Науки видят в физической дисгармонии лишь ошибку смертного разума, которую должен продемонстрировать божественный разум. Эта демонстрация, однако, приводит к эффекту, который мы называем физическим здоровьем. Это то, чего я жажду, ищу, к чему стремлюсь - для себя, своей семьи, своих детей, своей расы. Любые средства, которые могут быть успешно использованы для достижения этой цели, я верю в них и искренне одобряю. Давайте называть это как угодно и добиваться этого, как можем, но желанной вещью в нашей национальной и индивидуальной жизни сегодня является здоровье, - здоровье всего человека, тела, ума, души. Поскольку я твердо верю, что у индейцев есть идеи, которые, если их воплотить в жизнь, помогут нам достичь этой славной

цели, я осмелился предложить этой гордой и надменной белой расе сесть у их ног и поучиться у них.

ДАТ-СО-ЛА-ЛЕ, ПЛЕТЕЛЬЩИК КОРЗИН ИЗ ПЛЕМЕНИ УИСО, НЕКОТОРЫЕ ИЗ КОРЗИН КОТОРОГО БЫЛИ ПРОДАНЫ ПО БАСНОСЛОВНЫМ ЦЕНАМ.

Я сам начал жизнь с серьезным недугом и в течение двадцати двух лет редко избавлялся от боли. Нервная раздражительность требовала постоянной борьбы. Но когда я начал осознавать пользу жизни, проведенной в великой Божьей природе, и посвятил большую часть своего времени подъему и спуску по отвесным стенам каньонов, поездкам по равнинам и горам Невады и Калифорнии, странствиям по асептическим пустыням Юго-Запада, гребле и плаванию в водах великой реки Колорадо, ночной сон под открытым небом, а кроме того, близкое общение со многими племенами индейцев и обучение у них простому,

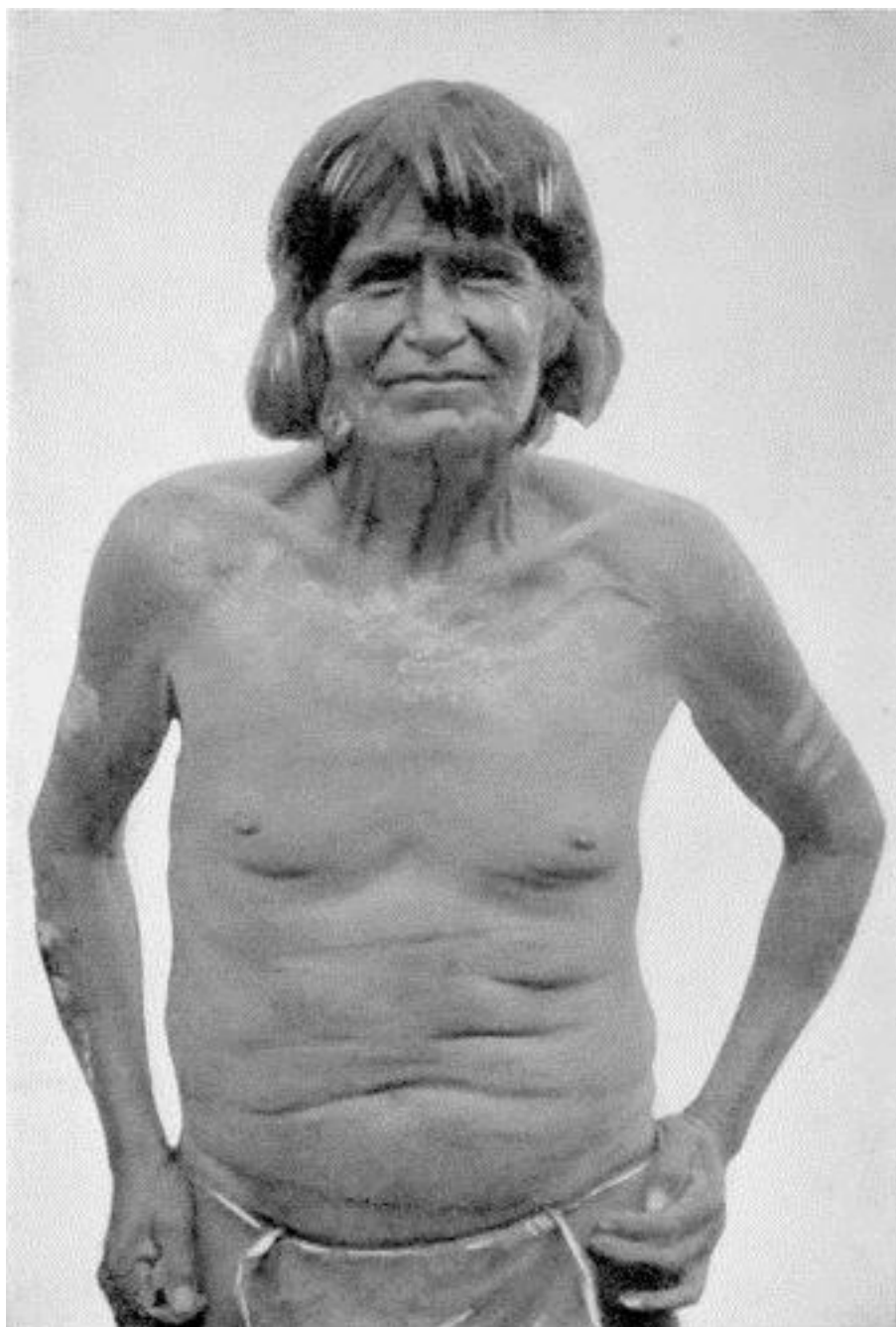
естественному, а значит, здоровому образу жизни - все это не только дало мне почти идеальное здоровье, но и послужило материалом, из которого сделана эта книга.

ГЛАВА III

ИНДЕЕЦ, НОСОВОЕ И ГЛУБОКОЕ ДЫХАНИЕ

Индеец абсолютно верит в носовое дыхание. Снова и снова я видел, как индийская мать, как только ее ребенок родился, наблюдала за ним, чтобы убедиться, что он дышит правильно. Если нет, она сразу же сжимала губы ребенка и держала их сжатыми до тех пор, пока дыхание не становилось легким и естественным через ноздри. Если и это не помогало, я наблюдал, как она брала полоску кожи и завязывала ее в виде повязки под подбородком и на макушке головы, сжимая челюсти, а затем другой повязкой из кожи закрывала губы малыша. Таким образом, привычка к носовому дыханию формировалась сразу же, как только ребенок видел свет, и он не знал другого способа.

Проходя по улицам любого большого города, человек видит тусклые и пустые глаза, бездеятельное лицо человека, дышащего ртом; ведь, как хорошо известно каждому врачу, человек, дышащий ртом, страдает от отсутствия памяти и общей тупости интеллекта. Мало того, он привычно подвергает себя ненужному риску заболеваний. При дыхании через нос болезнетворные микробы, которыми изобилуют улицы наших городов и которые разносятся по воздуху каждым попутным ветром, попадают на клейкую слизь или в капилляры слизистых оболочек. Волнообразные дыхательные пути носа заставляют предположить, что они построены специально для этой цели, поскольку микробы, если они избегают попадания под одним углом, наверняка попадают ловушку при повороте под другим. Когда эта слизь выводится при "сморкании", микробы уходят вместе с ней, и болезнь предотвращается. Но когда эти микробы попадают в организм через рот, они попадают прямо в горло, бронхиальные трубы и легкие, и если они живые и сильные, то поселяются там, пускают корни и распространяются с такой страшной быстротой, что за очень короткое время появляется новый пациент с туберкулезом, дифтерией, тифом или какой-нибудь другой болезнью. Поэтому подражайте индийцам. Дышите через нос; не используйте его как орган речи. В то же время, когда вы заботитесь о себе, следите за своими детьми, и даже если вам придется перевязывать их во время сна, как это делают индийцы, заставляйте их рано формировать эту полезную и здоровую привычку носового дыхания.

ИНДЕЕЦ ДЕМОНИСТРИРУЕТ ЭФФЕКТ ГЛУБОКОГО ДЫХАНИЯ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ЛЕГКИХ.

Но индейцы не только дышат через нос: они также являются экспертами в искусстве глубокого дыхания. Упражнения по глубокому дыханию на открытом воздухе, которые каждое утро проводятся в санатории в Батл-Крике, показывают, что мы учимся у них этой полезной и благотворной привычке. Когда я впервые начал посещать хопи в северной Аризоне, каждое утро меня будили в ранние часы, когда я спал в своих одеялах под открытым небом у подножия мезы, на которой расположены города, коровьи колокольчики, как будто несколько коров выгоняли на пастбище. Но днем я не видел ни коров, ни каких-либо признаков их существования. Когда я спросил, где они, мои вопросы не вызвали ничего, кроме удивленного взгляда. Коровы? У них не было коров. О чем это я? Тогда я объяснил про колокольчики, и, пока я объяснял, до моих ушей донесся веселый смех. "Коровы? Это не коровы. Завтра утром, когда услышишь их, вскакивай и смотри". Я так и сделал и, к своему изумлению, увидел, как сквозь утренние сумерки бегут несколько десятков (более или менее) голых молодых людей, на каждом из которых болтался коровий колокольчик на веревке или

ремешке вокруг талии. Позже я узнал, что этот бег совершался по религиозным соображениям. Каждый молодой человек должен был пробежать десять, пятнадцать, двадцать миль и даже удвоить это расстояние, по определенным утрам, как вопрос религии. Это развивает объем легких, который нельзя назвать иначе как чудесным.

Эта большая емкость легких сама по себе является огромным источником здоровья, бодрости, энергии и силы. Это означает способность принимать большее количество кислорода для очищения и оживления крови. Половина жителей наших городов не знает, что такое настоящая жизнь, потому что их кровь недостаточно насыщена кислородом. Люди, полные жизни, энергии и силы, - мужчины и женщины, которые добиваются успехов, - как правило, имеют большой объем легких или обладают способностью использовать все, что у них есть, с максимальной пользой.

Для оратора, певца, юриста, проповедника или учителя этот большой объем легких бесценен; ведь при прочих равных условиях голос будет более чистым и звонким, если легкие, брюшная полость и диафрагма наполнены или растянуты большим количеством воздуха. Они действуют как резонирующая звуковая камера, которая в значительной степени повышает качество голоса.

В течение многих лет я наблюдал за всеми нашими величайшими оперными певцами, актерами, ораторами и ораторами, и те, кто обладает сладкими и звонкими голосами, дышат глубоко, владеют и контролируют эти вместительные легкие. Всего несколько недель назад я ходил послушать Сару Бернар, самую замечательную актрису в мире, которая в свои шестьдесят три года по-прежнему покоряет тысячи людей не только чудесами своего искусства, но и изумительным качеством голоса. Что же я обнаружила? Женщину, которая усвоила этот урок глубокого дыхания, как дышат индейцы. Она дышит полной грудью, наполняя легкие так, что они выпирают из ребер. У нее нет линии талии, ее тело опускается (как у Венеры) почти по прямой линии от подмышек до бедер. В результате, имея такую резонирующую воздушную полость, она едва ли поднимает свой голос выше разговорного тона, и все же его легко слышат две-три тысячи человек.

Нет нужды добавлять, что каждая индианка достаточно умна, чтобы ценить здоровье, объем легких и способность говорить с силой, бодростью и энергией больше, чем "модный внешний вид"; поэтому ни одна из них в своем родном состоянии не может быть настолько глупа, чтобы носить корсеты.

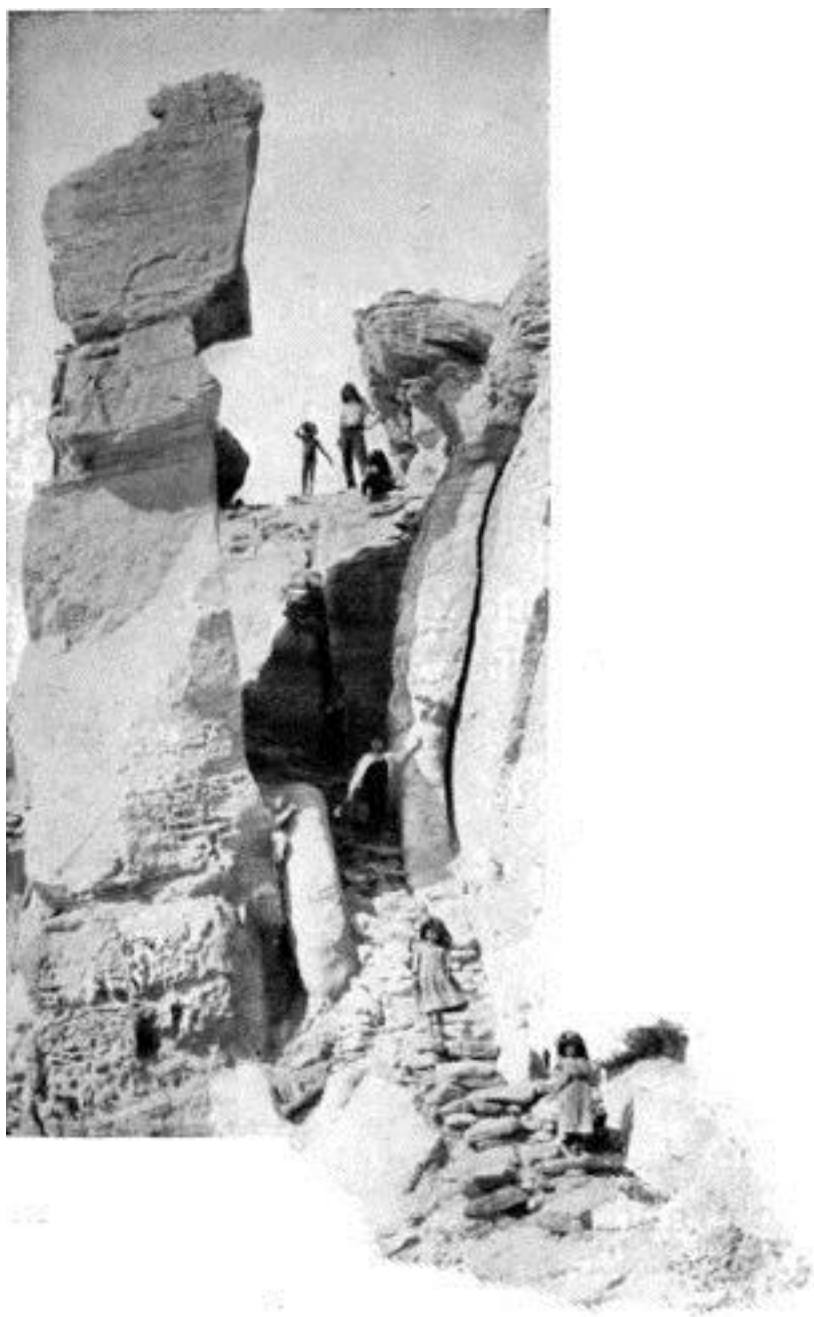
Я не знал ни одной индианки, которая "нуждалась бы в корсете, разве вы не знаете, чтобы поддерживать ее, чтобы поддерживать ее слабую спину". Конечно, если белая женщина крупная и мясистая и ценит внешность больше, чем здоровье, я полагаю, что она все равно поступит по-своему, но эту другую причину, которую женщины приводят для использования корсета, я никогда не слышал из уст индианки. Она сильна и здорова и не нуждается в искусственной поддержке. Я очень сожалею, что в то время как разумные женщины отказываются от корсетов или, по крайней мере, существенно ослабляют их, мужчины начинают носить ремни вместо подтяжек. Обхватывать талию и сдавливать жизненно важные органы так же вредно для мужчины, как и для женщины. Это плохо, абсолютно, полностью, основательно плохо, в любое время, при любых обстоятельствах, для всех людей. Осиная талия, будь то у мужчин или женщин, - признак либо безрассудства, либо грубого невежества, либо сознательного предпочтения ложной фигуры нормальной и здоровой. Бедра - важная часть анатомии человека. Как хорошо сказал доктор Келлогг:

"Ни одно физическое достоинство не имеет такого значения для долгой и энергичной жизни, как вместительные легкие". Интенсивность и эффективность жизни человека в значительной

степени зависят от количества воздуха, которое он привычно впускает и выпускает из своих легких, так же как интенсивность огня, при наличии большого количества топлива, зависит от скорости, с которой воздух вступает контакт с топливом. Было установлено, что жизненная емкость легких в значительной степени зависит от роста человека; таким образом, чем выше человек, тем больше его жизненная емкость легких при прочих равных условиях. В следующей таблице показана емкость легких, а точнее, количество воздуха, которое может быть вытеснено из легких, так называемая жизненная емкость, для мужчин разного роста:

Рост Дюймы	Вес Фунты	Жизненная емкость Кубические дюймы
64	115	205
65	126	228
66	126	230
67	133	244
68	134	248
69	140	254
70	141	256
71	150	272
72	151	287

"Подходящее время для развития грудной клетки - детство и юность. Лучшим из всех средств для увеличения объема грудной клетки является бег и активные виды спорта всех видов. Подъем в гору, спуск по лестнице и всевозможные упражнения, вызывающие сильные дыхательные движения, являются эффективными средствами для развития грудной клетки. Упражнения такого рода намного превосходят так называемые дыхательные упражнения любого рода. Дыхательные упражнения, при которых легкие вынуждены насильно втягивать в себя большее количество воздуха, чем обычно, очень скоро надоедают. Усилия являются полностью добровольными, и мышцы вскоре устают. Однако, когда жажда воздуха возникает в результате активного упражнения, наполняющего кровь углекислым газом, так что необходимо более глубокое и быстрое дыхание, чтобы избавить организм от этого ядовитого газа и получить вместо него кислород, акт дыхания перестает быть трудным, неловким или утомительным, а, напротив, доставляет удовольствие и удовлетворение. Импульс, идущий изнутри, из так называемых дыхательных центров, так возбуждает дыхательные мышцы, что они заставляют грудную клетку выполнять самые сильные дыхательные движения с наибольшей легкостью, вентилируя каждую часть легких, заполняя каждую воздушную клетку до предела.

ОДНА ИЗ
ТРОП, ПО КОТОРЫМ ХОПИ ПОДНИМАЮТСЯ НА ПОЛНОЙ СКОРОСТИ.

"У бегунов всегда большая и активная грудная клетка, в то время как у людей, ведущих сидячий образ жизни, она ограничена в объеме и имеет жесткие стенки. Когда грудная клетка не растягивается до предела ежедневно, она быстро теряет свою гибкость. Это особенно актуально после тридцати лет. У людей, перешагнувших средний возраст, жесткость грудной клетки настолько велика, что значительного увеличения ее размеров быть не может. За счет развития дыхательных мышц объем грудной клетки может быть в некоторой степени увеличен, но подходящее время для развития грудной клетки - детство и юность. Кроме того, в этот период целостность сердца позволяет без вреда для здоровья выполнять энергичные упражнения, которые необходимы для обеспечения наивысшей степени развития грудной клетки.

"Вероятно, лучшим из всех упражнений для развития грудной клетки и дыхательных способностей является плавание. Положение тела, когда голова откинута назад, а грудная клетка выдвинута вперед, и активные движения рук и конечностей делают плавание наиболее эффективным дыхательным упражнением. Соприкосновение холодной воды с кожей также активно стимулирует движение грудной клетки, в то же время оно делает возможными длительные и энергичные мышечные движения, повышая энергию и активность мышц.

"Специальные дыхательные упражнения, а также те активные мышечные движения, которые вызывают жажду воздуха, полезны для легких, поскольку поддерживают гибкость грудной клетки, укрепляют дыхательные мышцы и вентилируют легкие. Эти движения также оказывают необычайно благотворное влияние на желудок, печень и другие органы, расположенные под диафрагмой. При каждом сокращении диафрагмы печень, желудок и соседние органы получают мощное сжатие, так сказать, опорожнение крови, содержащейся в этих частях, как при сжатии опорожняется влажная губка. Все движения, увеличивающие силу брюшных мышц, являются важным средством помощи и улучшения функции дыхания".

Из этого следует, что все, что препятствует полной и свободной работе легких, особенно их нижних отделов, наносит прямой вред организму. Мужчинам нужна вся емкость и сила легких, которую они могут получить, чтобы поддерживать свою энергию в жизненной битве; а женщин, особенно молодых, которые должны стать будущими матерями расы, следует учить тому, что искусство здорового, глубокого дыхания - одно из прекрасных искусств, и самое важное из тех, которым они могут научиться.

ТКАЧИХА ОДЕЯЛ НАВАХО В СВОЕЙ РАБОЧЕЙ МАСТЕРСКОЙ ПОД ОТКРЫТЫМ НЕБОМ.

ГЛАВА IV

ИНДЕЕЦ И ЖИЗНЬ НА СВЕЖЕМ ВОЗДУХЕ

Индеец абсолютно убежден в достоинствах жизни на свежем воздухе, причем не в качестве эпизодического занятия, а в качестве его регулярной, установленной, единообразной привычки. Он *живет* за дверью; не только его тело остается на открытом воздухе, но и его разум, его душа всегда там. За исключением очень холодной погоды, его дом свободен для любого дуновения ветерка. Он смеется над "сквозняками". "Простуда" - это то, о чем он совершенно ничего не знает. Когда он узнает, что белые люди закрываются в домах, куда не может проникнуть свежий, чистый, свободный воздух равнин и пустынь, часто наполненный полезными запахами сосен, елей, бальзамов леса, он качает головой от глупости и чувствует себя так же, как если бы увидел человека, захлопывающего дверь перед лицом своего лучшего друга. Практически он спит за дверью, ест за дверью, работает за дверью. Когда женщины делают свои корзины и гончарные изделия, они всегда выходят за дверь, а их лучшие работы по бисероплетению всегда выполняются под открытым небом. Мужчины делают свои луки и стрелы, одеваются в баксы, шьют мокасины и одежду из баксов, а также проводят почти все свои церемонии за дверью.

Наши величайшие ученые борцы с туберкулезом подражают индейцам в том, что даже зимой на Востоке они требуют, чтобы их пациенты спали под открытым небом. Чистый воздух и его обилие - вот их крик.

"Простуда" возникает не от дыхания "ночным воздухом", а, как правило, от воспаления слизистых оболочек, вызванного нечистым воздухом, - воздухом отапливаемой комнаты, из которой весь чистый воздух был израсходован путем вдыхания снова и снова в легкие ее заблуждающихся обитателей, и каждый выдох посылает с ним новое количество яда, чтобы ослабить то небольшое хорошее, что осталось.

Мужчины часто ходят в городские спортзалы, чтобы получить физическую нагрузку. Воздух там витаминизирован присутствием других людей, а поскольку дыхание усиливается в результате упражнений, в легкие попадает нечистый воздух, и главная цель упражнений сводится на нет. Ведь гимнастика нужна не столько для развития мышц, сколько для стимулирования общего действия всего тела. Энергичные упражнения требуют глубокого дыхания; если вдыхаемый воздух чист, кровь, таким образом, становится более насыщенной кислородом или живительной. Циркулируя, эта живительная кровь несет новую силу и энергию всем частям тела, так что весь человек ощущает возросшую бодрость. Но если воздух нечист, то вместо жизни кровь получает смерть. Поэтому, по возможности, все энергичные упражнения должны проводиться за дверью, на чистом воздухе и при солнечном свете, а если это невозможно, то все двери, окна и проходы, через которые наружный воздух может поступать внутрь, должны быть широко открыты и *держаться открытыми* в течение всего времени занятий. Если приходят зрители и из-за них закрывают окна и двери, это наносит вред занимающимся. Лучше выпустить зрителей, чем закрыть чистый воздух Божий.

Как жаль, что наша цивилизация не может сделать для нас ничего лучшего, чем превратить нас в рабов закрытых помещений, так что мы вынуждены ходить и заниматься искусственными упражнениями, чтобы сохранить свое здоровье. Подумайте о бодрости и силе, выносливости и мощи, радости и здоровье, которыми обладают мужчины и женщины, живущие на свежем воздухе. Пусть каждый, кто хочет узнать, что это значит, прочитает книгу Джона Мьюира "*Горы Калифорнии*". В ней он рассказывает о своем многолетнем опыте восхождения на ужасно трудные вершины Сьерраса, об исследовании ледников, о ночевках

во время снежных бурь в самую глубь зимы без верхней одежды или одного одеяла. Одно из самых захватывающих впечатлений рассказано просто, как рассказ ребенка. Он оказался на улице во время сильного ветра. Он рассказывает: "Когда зашумела буря, я не терял времени и выскочил в лес, чтобы насладиться ею. Ведь в таких случаях у природы всегда есть что показать нам, и опасность для жизни и конечностей едва ли больше, чем если бы человек уныло сидел под крышей".

Представьте себе городского жителя, светского человека, который намеренно выходит в грозу, *чтобы насладиться ею*.

"Было еще раннее утро, когда я обнаружил, что нахожусь в дрейфе. Над холмами лился восхитительный солнечный свет. Я слышал, как в течение нескольких часов падали деревья со скоростью одно за другим каждые две-три минуты; некоторые были вырваны с корнем, отчасти из-за рыхлой, пропитанной водой земли; другие сломаны прямо поперек, где слабость, вызванная огнем, определила место. Жесты различных деревьев представляли собой восхитительное зрелище. Молодые сахарные сосны, легкие и пушистые, как беличьи хвосты, склонялись почти до земли, а величественные старые патриархи, чьи массивные стволы были испытаны сотней бурь, торжественно покачивались над ними, их длинные, дугообразные ветви плавно струились под порывами ветра, и каждая иголочка трепетала и пела, проливая острые лучи света, как бриллиант.

"Я плыл среди этой страстной музыки и движения, пересекая многие поляны от хребта к хребту, часто останавливаясь в тени скал, чтобы укрыться или поглазеть и послушать. Даже когда грандиозный гимн достиг своего наивысшего звучания, я отчетливо слышал различные тона отдельных деревьев - елей, пихт, сосен и безлистных дубов, - и даже бесконечно нежный шелест увядших трав у моих ног. Каждое из них выражало себя по-своему - пело свою песню и делало свои особые жесты, - демонстрируя такое богатство разнообразия, какого я не встречал ни в одном другом лесу.

"Ближе к полудню, после долгого, томительного карабка по зарослям орешника и кеанотуса, я добрался до вершины самого высокого хребта в округе; и тут мне пришло в голову, что было бы неплохо забраться на одно из деревьев, чтобы получить более широкий обзор и поближе прислушаться к эоловой музыке самых верхних иголок. Но в сложившихся обстоятельствах выбор дерева был делом серьезным. Одно из них, у которого не очень крепкая нога, представляло опасность сорваться вниз или быть задетым другими в случае падения; другое было без ветвей на значительной высоте над землей и в то же время слишком большим, чтобы за него можно было ухватиться руками и ногами при подъеме; другие же были расположены не слишком удачно для обзора. Осторожно оглядевшись по сторонам, я выбрал самую высокую из группы елей Дугласа, которые росли близко друг к другу, как пучки травы, и ни одна из которых, казалось, не могла упасть, если не упадут все остальные. Хотя они были сравнительно молодыми, их высота составляла около ста футов, а их тонкие колючие верхушки раскачивались и кружились в диком экстазе. Привыкший лазить по деревьям, занимаясь ботаническими исследованиями, я без труда взобрался на вершину этого дерева и никогда прежде не испытывал столь благородного восторга от движения. Стройные верхушки хлопали и покачивались в страстном потоке, изгибаясь и кружась взад-вперед, по кругу, вычерчивая неопишуемые комбинации вертикальных и горизонтальных изгибов, а я цеплялся за них, крепко держась за мышцы, как бокоплав за тростник.

ХАВАСУПАЙ, ОДЕВАЮЩИЙСЯ В БАКСКИН.

"В своих самых диких взмахах моя верхушка описывала дугу от двадцати до тридцати градусов, но я был уверен в ее упругости, видя, как другие представители того же вида подвергались еще более суровым испытаниям - сгибались почти до земли, правда, в сильные снегопады - и не сломали ни одного волокна. Таким образом, я был в безопасности и мог спокойно наслаждаться ветром в пульсе и любоваться волнующимся лесом с моего превосходного вида.....

"Я часами сидел на своем возвышенном месте, часто закрывая глаза, чтобы насладиться музыкой или спокойно насладиться восхитительным ароматом, который струился мимо".

Какой опыт, и какое счастье ощущать себя способным наслаждаться им! Я знаю, что это такое. За много лет до того, как прочитал это, у меня был похожий опыт, когда я ехал через высокие Сьерры от границ Орегона, Невады и Калифорнии в южную Калифорнию. Представьте себе обычного делового человека, или клерка, или банкира, или проповедника, или адвоката, или врача, который осмелился бы забраться на такое высокое дерево, да еще в такую грозу. И все же один день, проведенный таким образом, стоит больше, чем год жизни любого обычного человека.

Эдвард Робсон Тейлор, поэт, мэр Сан-Франциско, однажды выразил свою глубокую признательность за то, что природа дает человеку, который любит ее настолько, чтобы

испытать ее. И он много раз проходил это испытание - в Сьеррах, в лесах, в пустынях, в Большом каньоне, а также на берегу залива Сан-Франциско. Он писал:

"В том, кто на суровой груди гор
Находит свою радость и свой покой,
Кто делает сосну своим товарищем и с изюминкой
По великим ледникам и родственным им снегам,
В нем заложена сила, которая в тяжелейшем испытании
Против всех дьяволов опасностей".

Кроме того, в Божьей природе есть чудесные целительные силы. *Vis medicatrix Naturæ* - не выдумка воображения. Если бы больные люди знали достаточно, были достаточно мудры, чтобы выйти на природу и отказаться от всех цивилизованных способов жизни, подниматься в горы, спать на сосновых ветвях, купаться в ручьях, работать на земле, плескаться в горячих или холодных источниках, есть спелые фрукты и орехи и ежедневно купать все тело в ярком солнечном свете, они бы обрели здоровье и бодрость, которых никогда прежде не знали.

Я часто удивлялся, почему вдумчивые белые люди не замечают, что безумие практически неизвестно среди индейцев. Почему? Наш великий Эмерсон однажды дал четкий ответ.

"Практика восточных народов, особенно персов, заключалась в том, что безумцы по собственному желанию уходили из городов в пустыню и, если им нравилось, общались с дикими животными. По их мнению, дикие звери, особенно газели, собираются вокруг безумца и живут с ним дружно. В таком общении пациент находил что-то целебное, благодаря чему успокаивался, а иногда и восстанавливался. Но безумцев больше, чем тех, кого так называют, или тех, кто находится на лечении в больницах. Толпа в городах, в отелях, театрах, за карточными столами, спекулянты, которые спешат вложить деньги под десять, двадцать, сто процентов, все они в большей или меньшей степени безумны - все это указывает на мораль и убеждает нас искать в поле здоровье ума".

Но не только природа исцеляет *разум*: *больная душа* находит там лекарство и здоровье.

Любимый всеми Роберт Луис Стивенсон хорошо понимал эту радость от пребывания на природе. Среди многих других прекрасных высказываний на эту тему он однажды написал следующее, которое полностью выражает мою мысль:

"Мытье в одной из божьих рек под открытым небом представляется мне чем-то вроде веселой торжественности или полуязыческого акта поклонения. Может быть, мытье посуды в спальне и делает тело чище; но воображение не принимает никакого участия в таком очищении".

БАБУШКА-АПАЧИ И НЕСКОЛЬКО КОРЗИН ЕЕ СОБСТВЕННОГО ДИЗАЙНА И ПЛЕТЕНИЯ. ВСЕ ОНИ СДЕЛАНЫ НА ОТКРЫТОМ ВОЗДУХЕ.

Один из наших великих художников и писателей, чья жизнь оборвалась несколько лет назад в печальном затмении, писал с ясностью видения о том, чему научил его ужасный опыт: "Я испытываю странную тоску по великим простым первозданным вещам, таким как море, которое для меня не меньшая мать, чем земля. Мне кажется, что мы все слишком много смотрим на природу и слишком мало живем с ней. Я вижу большое здравомыслие в отношении греков. Они никогда не болтали о закатах, не обсуждали, действительно ли тени на траве сиреневые или нет. Но они видели, что море - для пловца, а земля - для ног бегуна. Они любили деревья за тень, которую те отбрасывали, а лес - за тишину в полдень. Виноградарь обвивал свои волосы плющом, чтобы уберечься от солнечных лучей, когда он наклонялся над молодыми побегами; а для художника и атлета, двух типов, которые дала нам Греция, они плели гирлянды из листьев горького лавра и дикой петрушки, которые иначе не приносили пользы людям. ... Я уверен, что в элементарных силах происходит очищение, и хочу вернуться к ним и жить в их присутствии".

Насколько буквально соответствует действительности эта уверенность в очищении в великих элементарных силах и местах природы, и как индеец ежедневно демонстрирует ее. Тысячи людей могут подтвердить это. Здесь человек успокаивается. Ухмыляющиеся лица ненависти не преследуют его здесь. Природа бесстрашна к охотничьему человеку. Она готова к тому, чтобы ее добивались и завоевывали, а затем открывает свои богатые сокровища для самых виновных и самых порочных людей, пока они не обретут правильный угол зрения, затем желание очиститься, затем раскаяние, затем уверенность в прощении и, наконец, самоуважение. Тогда они способны вернуться (если того потребует необходимость) в цивилизацию и понести любое наказание, которое может быть назначено, ибо в суровых объятиях Природы они впитали силу и мощь, - силу воли и силу души, чтобы осмелиться и сделать то, к чему их побуждает высшее внутри них.

Кто читал "*De Profundis*" этого непостоянного и яркого гения, Оскара Уайльда, не ощущал печального пафоса и в то же время напряженной правды его заключительных слов? Они похожи на индейские по своей непосредственной правде и исконной силе.

"Все суды - это суды над жизнью, так же как все приговоры - это смертные приговоры; и трижды меня судили. В первый раз я вышел из ложи, чтобы быть арестованным, во второй раз - чтобы меня отвели обратно в дом заключения, в третий раз - чтобы посадить в тюрьму на два года. Общество, как мы его создали, не найдет для меня места, не предложит ничего; но у природы, чьи сладкие дожди падают на несправедливых и справедливых, есть расщелины в скалах, где я могу спрятаться, и тайные долины, в тишине которых я могу плакать без помех. Она усыпает ночь звездами, чтобы я мог ходить во тьме, не спотыкаясь, и посылает ветер над моими следами, чтобы никто не мог выследить меня и причинить мне вред. Она очистит меня в великих водах и горькими травами сделает меня целым".

Это одно из великих чудес жизни на свежем воздухе, которому не мешало бы поучиться усталым и грешным представителям белой расы.

Но не только здоровье ума и души возвращается к грешникам в великом Божьем мире: самые энергичные и чистые, здоровые и совершенные умы и души расширяются и укрепляются при таком контакте. Будда, Магомет, Моисей, Давид, Илия, Христос - все они были любителями отдыха на природе. Вашингтон, Линкольн и Гарфилд - все они были людьми, живущими вне дома. В уединении и первобытной откровенности свободной жизни за дверью человек учится мыслить по-своему, не скованный условностями и предрассудками. Он видит вещи такими, какие они есть. Его душа не одета, и больше не может быть никакого обмана или притворства. Так он становится личностью, а не просто заучкой чужих мыслей и не просто попугаем чужих идей. Эдвин Маркхэм никогда не смог бы написать "*Человека с мотыгой*", если бы жил только в городе. Он никогда бы не увидел достаточно глубоко, и он никогда бы не осмелился отважиться на обычные предрассудки цивилизованного (?) мира, как он это сделал в своей поэме, если бы был воспитан в городе. Но поскольку он мыслил обнаженно перед Богом и собственной душой, он был вынужден увидеть чудовищность превращения человека - сына Божьего, созданного по Его образу и подобию, - в простой ком глины. Мысль о том, что это стихотворение - размышление о труде, - полная чушь. Это всего лишь протест, сильный, энергичный, мощный, как удар грома, против того, чтобы заставлять некоторых людей трудиться так тяжело, что у них не остается ни времени, ни возможности для умственных и духовных занятий, и они даже теряют желание и надежду обрести их. Труд облагораживает, но человек создан для чего-то большего, чем просто физический труд. Неравное распределение дел в этой жизни приводит к тому, что одни люди не имеют физического труда, к их огромному недостатку, а другие не имеют ничего, кроме физического труда, к их же недостатку. Нахождение справедливого равновесия между этими двумя крайностями, а затем помощь людям обеих крайностей, чтобы они увидели необходимость помогать друг другу или взять на себя часть бремени другого, приведет к немедленной пользе расы в неисчислимой степени, как для тела, так и для ума и души. И именно за это я ратую, искренне призывая своих собратьев так выстроить свою жизнь, чтобы достичь счастливой середины и тем самым *жить* (а не просто говорить) достоинством труда, а также радостью умственных и духовных занятий.

Нельзя упускать из виду и еще один важный момент. В результате такой жизни на свежем воздухе индеец рано встает и рано ложится спать. Цивилизованная привычка превращать ночь в день, жить в бликах газового и электрического света, на первый взгляд, искусственна, неестественна и нездорова. Она неоправдана с любой точки зрения. О нем нельзя сказать ни одного хорошего слова. День создан для работы, ночь - для отдыха и сна. Использование

искусственного света в той степени, в какой мы потворствуем ему в цивилизации, постепенно превращает нормальное зрение в редкость. Дети рождаются с миоптическими и другими глазными заболеваниями. Иногда кажется, что больше людей всех возрастов носят очки, чем пользуются своим естественным зрением, и это лишь одно из многих печальных последствий, частично вытекающих из нашего отказа от естественного использования времени дня и ночи.

СЧАСТЛИВЫЕ И ЗДОРОВЫЕ ДЕТИ ХОПИ, ВЫПРАШИВАЮЩИЕ У АВТОРА КОНФЕТЫ.

Многие мужчины, литераторы и другие, ждут вечера, чтобы заняться своими делами. Они часто стимулируют себя кофе и даже более крепкими напитками, а затем работают до "позднего часа" при искусственном освещении, *после того как они уже проделали изрядную дневную работу*. Раньше мы слышали много слов похвалы в адрес молодых людей в школе и колледже, которые "работали до полуночи". Будь моя воля, я бы "использовал кожаный ремень" против всех этих сжигателей своих физических и умственных сил в то время, когда, по замыслу Бога, они должны спать и спать. Время для умственной работы - раннее утро после крепкого, здорового, хорошего ночного сна. Тело укреплено, ум освежен, мысли текут легко и непринужденно, потому что вся усталость исчезла под влиянием "сладкого восстановителя усталой природы". Умственная работа, выполненная в такое время, не только доставляет удовольствие, но и делается хорошо, правильно, потому что для нее созданы все условия.

Но и это еще не все. Рано вставший человек получает душевное и духовное удовольствие, о котором не знает тот, кто спит допоздна. Одна из самых красивых корзин в моей исторической коллекции индейских корзин сделана женщиной из Коауилы, которая изобразила на ней белый свет утра, пробивающийся сквозь темные силуэты острия гигантских кактусов. Таким образом, ее эстетическое наслаждение стало вдохновением для создания настоящего произведения искусства.

Как много теряют белые люди, не видя и не зная красоты раннего утра - часов, предшествующих рассвету, и первых лучей солнца! Как-то утром перед восходом солнца мы с подругой стояли на улице, глядя на изысканный нежный свет над горными вершинами, и она высказала эту мысль, а всего за несколько дней до этого я сказала ее своей подруге, когда мы пробирались от отеля *El Tovar* в Гранд-Каньоне к O'Neill Point, чтобы встретить восход. Элиша Саффорд красноречиво говорит об этом следующим образом:

КРАСОТА УТРА

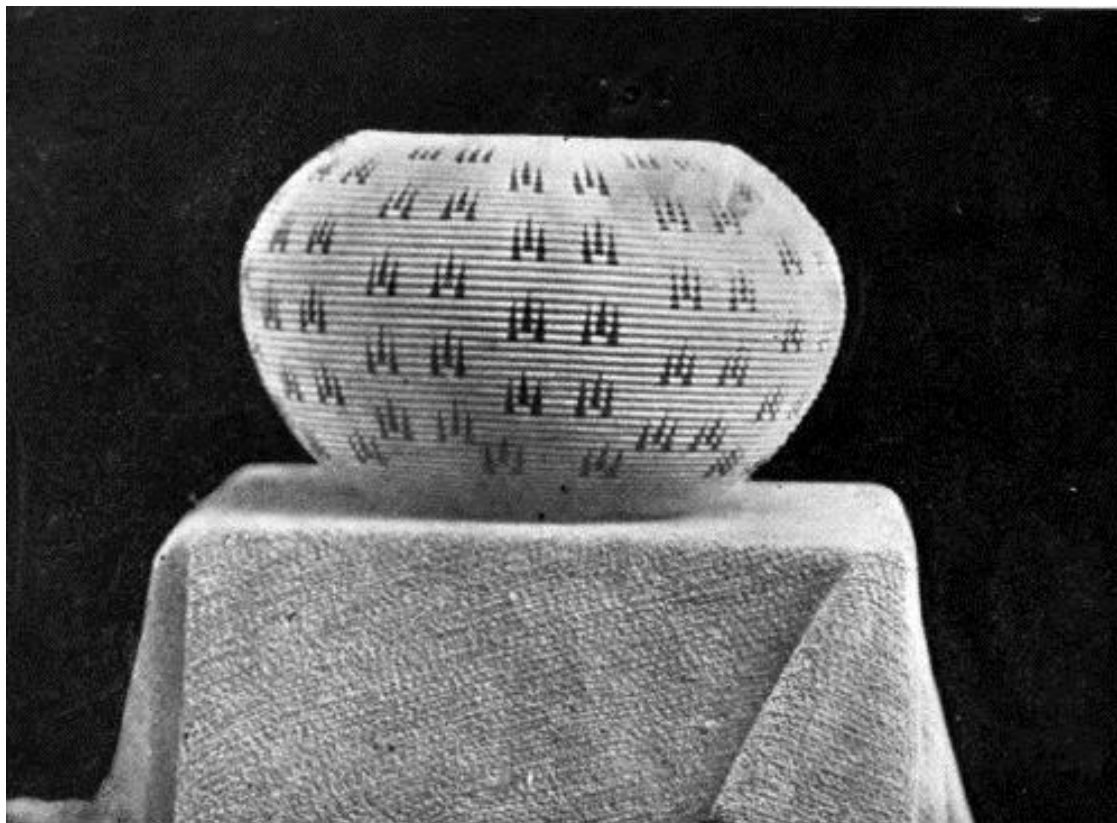
О, красота утра! Оно осыпает своим великолепием
С пунцовых одежд восхода, с лазурной короны гор;
Оно улыбается на волнистых полях, оно плещется в ручьях,
Оно дышит своей искрящейся музыкой в восторге от наших снов.

Оно плывет по прозрачному воздуху в радужных облаках тумана,
Оно переливается в сияющих небесах жемчугом и аметистом,
Он сверкает в каждом горящем водоеме, он бушует в траве,
Он рассыпает волны славы на тени, когда они проходят мимо.

Он крадется среди дремавших деревьев и напевает лесу,
воздушной нотой и нежным голосом, под убывающими пленэрами;
Он зовет, и вот! Лесные тормоза, холмы и запутанные болота -
Мир жизни и тайн, кипящий своими обитателями.

Он трепещет на благоухающем ветру, и там, куда устремляется его пыл,
Тысяча легкокрылых хористов выводит свои песнопения;
Тысяча эхо хлопает в ладоши, и с их росистых ложа
Миллион алых цветов с испуганными головками выглядывают наружу.

О, красота утра! Она льется на наши уши:
Музыка вселенной, перезвон сфер;
Из закрытых лесов и лиственных долин доносятся ее мелодичные переливы,
Пока вся земля не погрузится в свет, а весь мир - в песни!

ИНДИЙСКАЯ КОРЗИНА, ДЕМОНИСТРИРУЮЩАЯ ВЛИЯНИЕ ПРИРОДЫ В ДИЗАЙНЕ.

Всем детям, а особенно городским, нужна жизнь на свежем воздухе. Мужчины и женщины, к сожалению, тоже нуждаются в ней, но если старшие не могут ее иметь в силу извращенных социальных условий, то наши законотворцы должны позаботиться о том, чтобы детям было лучше. Общеизвестно, что города скоро вымрут, если их огромное население не будет постоянно пополняться сыновьями и дочерьми из деревни. Так что вместо того, чтобы позволять нашим городским детям расти неидеальными мужчинами, давайте найдем способ выводить их из дома и все больше и больше гулять на природе. Упражнения на свежем воздухе, где чистый воздух проникает в легкие, личный контакт с почвой и физическая работа на ней, а также личный контакт с деревьями, цветами и всеми растущими вещами, животными на ферме и в поле, скалами и горами, холмами и долинами, водопадами и ручьями, пустынями и каньонами - все это необходимо. Кто не хотел бы спеть вместе с Эдвином Маркхэмом:

"Я скачу по горным вершинам, я скачу,
Я нашел свою жизнь и доволен!".

Конечно, городские дети смогут жить на природе, только если их родители, наши педагоги и политики будут стремиться к этому. И в какой-то мере это должно быть сделано. Какой радостью для многих городских мальчишек было бы разрешение поехать и поработать в деревне в определенное время года! Те, кто видел городских детей, которых фонды "Свежий воздух" ежегодно вывозят в деревню, а филантропы - на судах в Нью-Йоркский залив или Бостонскую гавань, знают, какой восторг, радость и здоровье они получают от этих прогулок. Все это указывает на огромную, страшную, ужасную необходимость каким-то образом дать нашим городским детям, мужчинам и женщинам больше жизни на свежем воздухе.

Сразу после землетрясения в Сан-Франциско доктор Дж. Х. Келлог, редактор журнала *Good Health*, в своей убедительной манере написал о некоторых уроках, которые люди могли бы извлечь из этой катастрофы. Вот один из них, касающийся именно этого вопроса:

ИНДЕЕЦ МОНО ГОТОВИТ КУКУРУЗНУЮ КАШУ В
КОРЗИНЕ У КОСТРА.

"Триста тысяч человек узнали, что можно жить вне дома, и что вне дома безопаснее, чем в помещении.

"Люди, которые всю жизнь спали на пуховых кроватях, защищенные толстыми стенами из кирпича или камня, забаррикадировавшись от опасного (?) воздуха ночи, обнаружили, что можно провести ночь на незащищенном склоне холма без риска для жизни, и более чем вероятно, что, как и в случае с землетрясением в Чарльстоне, не мало современных троглодитов, которые едва ли видели свет дня раньше, получили реальную пользу, будучи вынуждены выйти на свежий воздух и солнечный свет.

"Большие палаточные колонии, с такой оперативностью созданные военными властями под эффективным руководством умелого генерала Фанстона, могут стать постоянными домами для некоторых из тысяч людей, которые впервые в жизни вкушают сладость жизни вне дома. Человек - существо, живущее на открытом воздухе, предназначенное для жизни среди безудержной свежести, его кожа омывается утренними росами или вечерними ливнями, подрумянивается и дезинфицируется солнцем, питается тропическими фруктами, радуется

тропическим птицам и цветам. Только благодаря долгим поколениям, живущим в искусственных условиях, цивилизованный человек привык к нездоровым и порождающим болезни влияниям современного дома настолько, что их можно хоть в малой степени переносить. Но этот иммунитет лишь кажущийся. Атмосфера, которая через полгода убьет готтентота или бабуина, через некоторое время убьет и президента банка или *магната* траста. И если эти обитатели палаток настолько прочувствуют существенные преимущества жизни вне дома, что откажутся возвращаться к прежним нездоровым условиям антиземлетрясенных дней, они извлекут значительную пользу из своего опыта, каким бы ужасным он ни был. Нужны землетрясения, циклоны и приливные волны, чтобы вытолкнуть нас из неестественной и дегенеративной колеи, в которую нас постоянно загоняют условности.

"Какие преимущества имеет человек в коричневом камне перед человеком в палатке? Только эти: Бледное лицо вместо коричневой кожи, естественной для его вида; обложенный язык, отсутствие аппетита и пищеварения, вместо острой тяги к еде и великолепной пищеварительной энергии обитателя палатки; больная голова, смятенный ум и подавленное настроение, вместо бодрости и энергии, умственной и физической, и свободы от боли и пессимизма, присущих жителям, живущим вне дома; ранняя чахотка, или апоплексия, или парез, или рак желудка, или артериосклероз, - сухая гниль тела, которая незаметно ослабляет опоры и рушит фундамент цитадели жизни."

Почему в наших городах летом, во Флориде и на Юге, да и на Западе в целом, мы не следуем французскому обычаю есть вне дома?

Американские гости Парижа в летнее время всегда были впечатлены распространенным там обычаем обедать вне дома. Тротуары перед кафе и ресторанами всегда настолько заняты стульями и столами, что пешеходам часто приходится выходить на улицу, чтобы пройти мимо. Это давно стало летним обычаем в Париже, но с наступлением холодов столы и стулья исчезали каждый год, и обедающие возвращались в тесный, насыщенный никотином воздух душных маленьких столовых. Но в прошлом году, как сообщает лондонский корреспондент "*Outlook*", один предприимчивый француз, обнаружив, что его покровители очень привязаны к его столовой под открытым небом, а места внутри не хватает, решил устроить для своих гостей комфортные условия на открытом воздухе с помощью большого мангала, установленного на тротуаре. Другие последовали его примеру, и через некоторое время улицы были уставлены мангалами от Маделин до Бастилии, к большому удовольствию извозчиков и газетчиков. Один изобретательный владелец сделал ножки своего стола полыми, наполнил их горячей водой и использовал как грелку для ног. И теперь в любой день года можно насладиться модным парижским кафе *на свежем воздухе*.

На пикнике все всегда остаются голодными, и не только из-за необычной физической нагрузки, но и в результате тонизирующего аппетита влияния отдыха на свежем воздухе. Тот же план можно внедрить в любой частный дом, используя заднее крыльцо, или, если его нет, за несколько долларов можно установить тент из палаточной ткани.

Старый испанский *патио*, или внутренний дворик, обеспечивает уединение, которое многие желают, с возможностью более активной жизни на свежем воздухе. Мистер Густав Стикли, дальновидный редактор журнала *The Craftsman*, который так эффективно ратует за более простую и демократичную жизнь для людей, запланировал ряд домов в *стиле Craftsman*, в которых появились эти открытые веранды для приема пищи, а также для сна. Это большой шаг в правильном направлении, и он заслуживает всяческого одобрения.

Но жизнь на природе - это нечто большее, чем дома и веранды. Чтобы по-настоящему почувствовать и познать радость великой жизни на природе, нужно уехать подальше от всех домов. Каждый учитель и оратор должен знать птиц и деревья, цветы и травы, камни и звезды, облака и запахи *из первых рук*. Он не должен полагаться на книги в получении этих знаний, разве что в качестве руководства к их получению. Вместо того чтобы читать книги, он должен читать природу. Посмотрите, какой силой обладает простое ораторское искусство индейца, чьи фигуры, симили, иллюстрации и метафоры относятся к тем вещам в природе, с которыми он прекрасно знаком.

Еще одно воздействие на ум и душу в результате такой жизни на природе поражает тех, кто никогда не задумывался об этом. Один из наших поэтов однажды сказал: "Неискушенный астроном - безумец". И каждый индеец скажет вам, что непросвещенный индеец либо безумен, либо "становится цивилизованным". Один из наших калифорнийских историков однажды написал, что у калифорнийских индейцев не было ни религии, ни мифологии, ни почитания, ни веры во что-то вне и помимо самого . Иеремия Куртин, внимательный и пристальный исследователь калифорнийских индейцев на протяжении многих лет, в своей удивительно интересной книге "Мифы о сотворении первобытной Америки" показывает полную ошибочность этой идеи. Он говорит: "Первобытный человек в Америке на каждом шагу оказывался лицом к лицу с божеством, как он его знал или понимал. Он никогда не мог скрыться от присутствия тех сил, которые составляли первый мир, и которые составляли все, что было в нынешнем мире. ... Самым важным вопросом в жизни индейца было общение с божеством, общение с духами божественных личностей". Действительно, индеец видит божественную силу во всем. Его Бог говорит в буре, воющем ветре, торнадо, урагане, ревущих порогах и лихих катарактах рек, бесконечных взлетах и падениях океана, возвышающихся горах и крошечных холмах, деревьях, пчелах, бутонах и цветах. Это Бог в цветке, который заставляет его расти и дарит ему свой запах; Он создает дерево из желудя; Он заставляет солнце светить; Он посылает дождь, росу и нежные зефиры. Гром - это Его голос, и все в природе является выражением Его мысли.

Эта вера заставляет индейца внимательно изучать природу. Отсюда и острота его наблюдательности. Он знает каждое растение и то, когда и где оно лучше всего растет. Ему известны следы каждой птицы, насекомого, рептилии и животного. Он знает все признаки погоды. Он мастер по дереву и знает о повадках растений и животных больше, чем все наши квалифицированные натуралисты вместе взятые. Кроме того, он поэт и оратор, использующий знания о природе в своих мыслях и речах. Ни один писатель, который когда-либо жил, не знал настоящего индейца так хорошо, как Фенимор Купер, и мы все знаем достойную и поэтичную речь его индейских персонажей. Я знаю десятки и сотни темнокожих Генри Д. Торо и Джона Берроуза, Джона Мьюира, Элизабет Гриннелл и Олив Торн Миллер. В самом деле, стоит индейцу начать изучать растения, деревья, насекомых, птиц или животных, как перед ним откроются шлюзы, которые затопят любого, кроме того, кто знает, чего ожидать.

ГЛАВА V

ИНДЕЕЦ И СОН ВНЕ ДВЕРИ

ТЕРРАСНЫЕ ДОМА ХОПИ, ПОЗВОЛЯЮЩИЕ СПАТЬ ВНЕ ДВЕРЕЙ.

Как я уже отмечал, индеец практически не спит под открытым небом. Я говорю "практически", потому что из общего правила есть исключения. У хопи северной Аризоны есть дома. В холодные зимние месяцы они спят в помещении, когда это возможно. У навахо, апачей, хавасупаев и других племен есть свои "хоганы" и "хавы", в которых они спят в очень холодную погоду. Но летом неизменным правилом для всех является ночевка вне дома. И даже зимой, если долг зовет их прочь из дома и им приходится разбивать лагерь, они спят на холоде, на снегу, под дождем, не заботясь о своем здоровье, как если бы они были хорошо защищены в помещении. Именно эта последняя особенность так привлекает меня. Для них так же естественно спать за дверью, как и в помещении. Они не задумываются об этом, не считают это необычным и опасным опытом или тем, чего следует бояться. Они принимают это без ропота и жалоб, без страха. Такому образу мыслей белой расе следовало бы поучиться у индейцев. Однажды у меня был друг, городской житель, родившийся и выросший в Нью-Йорке, которого врач отправил ко мне на запад, потому что у него было два или три кровотечения, и я взял его с собой в Аризону. Первая ночь, которую нам пришлось провести на открытом воздухе, была очень холодной, так как это было в начале года, а на такой большой высоте термометр очень быстро опускался после захода солнца. И все же я намеренно разбил лагерь на краю большого снежного вала. Страшный инвалид поинтересовался, для чего я здесь остановился. Я сказал ему, что это для того, чтобы обеспечить ему хорошее спальное место на снегу. Он выразил свой ужас и заверил меня, что от такого опыта он сразу же умрет. Я сказал ему, что в этом случае прослежу, чтобы его достойно похоронили, но это, похоже, не рассеяло его опасений. После того как был разведен хороший костер, он поел теплого и уютного ужина, его одеяла были расстелены на снегу, он разделся и хорошо закутался, у его ног лежал горячий камень, а веселое пламя освещало все вокруг, он почувствовал себя менее встревоженным. Я уговорил его уснуть, и когда утром он проснулся, то признался, что его горло и легкие чувствуют себя комфортнее, чем в течение долгих месяцев. Месяц такого сна под открытым небом дал ему новые идеи на

этот счет и отправил его обратно на восток, чтобы оборудовать лагерь в Адирондаках, где он мог бы вдоволь пожить на свежем воздухе и спать с открытыми дверями и окнами.

БОСТОНСКИЕ МИЛЛИОНЕРЫ СПЯТ ПОД ОТКРЫТЫМ НЕБОМ НА ПЕСКАХ РЕКИ КОЛОРАДО.

Лечение туберкулеза на свежем воздухе сейчас почти повсеместно. Вот что говорит по этому поводу один из выдающихся авторитетов:

"Туберкулез - это прямой результат переутомления, умственного или физического, и отдых в значительной степени является его лекарством. Жизнь на свежем воздухе лучше всего проводить в сидячем или полулежащем положении. Каждый час дня в любое время года и при любой погоде должен быть проведен таким образом, наряду со сном в палатке, на защищенной веранде или в доме с широко открытыми окнами. Очевидно, что чем холоднее погода, тем более заметными и постоянными будут результаты. Не обязательно испытывать дискомфорт, можно хорошо укутаться тяжелыми одеялами. Именно вдыхание холодного воздуха так эффективно стимулирует аппетит, является общеукрепляющим и жаропонижающим средством. Девиз больного: "Каждый час в закрытом доме - это час потерянный". Нет никакого оправдания потере времени".

Но не только для тех, у кого плохое здоровье, я бы рекомендовал спать на свежем воздухе. Здоровые люди нуждаются в поддержании здоровья, и от этой привычки исходит бодрость, энергичность, физическая радость, которой я хотел бы, чтобы наслаждался каждый ребенок, юноша и девушка, а также взрослый человек в нашей стране. Вот что недавно сказала по этому поводу одна умная писательница, Мэри Хит, и ее слова я горячо поддерживаю:

"Успех любой схемы улучшения человеческой жизни, моральной, умственной или физической, зависит от обеспечения сотрудничества людей путем убеждения интеллекта в истинности или ложности какого-либо широко распространенного убеждения. Почти всеобщее представление о том, что ночной воздух опасен, в большей степени, чем любая другая причина, предрасполагает к тому, чтобы закрывать все двери и окна на закате, чтобы

убережешься от малярии. Несмотря на то, что все анализы воздуха показывают, что ночной воздух на улице намного чище дневного, старый страх перед ночным воздухом все еще сохраняется и является причиной многих инфекций, вызванных нечистым воздухом, потому что рабочие, работающие на открытом воздухе и в помещении летом и зимой - все одинаково - проводят свои часы сна в плохо проветриваемых спальнях. После того как будут искоренены ложные представления о вреде свежего воздуха, следует разработать и использовать планы обустройства спальных помещений на открытом воздухе; также следует разработать планы сохранения тепла в холодную погоду без излишнего количества постельного белья; а для здоровья и удобства миллионов представителей среднего класса и более или менее скромных домашних работников следует предусмотреть выполнение работы по дому как можно чаще за дверью, вдали от кухонного тепла и запахов готовящейся пищи. Следует также предусмотреть возможность отдыха семьи на свежем воздухе. Если бы все малоподвижные работники могли проводить семь-девять часов сна в чистой атмосфере на свежем воздухе, многие вредные последствия сидячей работы в помещении были бы нейтрализованы. Работник магазина, офиса или фабрики, выспавшись на чистом ночном воздухе, просыпался бы бодрым для выполнения дневных задач и обязанностей. Начиная день правильно, с острым нормальным аппетитом к здоровой пище, он мог бы использовать свою рабочую энергию без структурных повреждений тканей, интеллектуальной или моральной деградации".

Элберт Хаббард, известный в Ройкрофте, превратил все спальные комнаты своей фаланстеры в комнаты на открытом воздухе, где дышится свежим, чистым воздухом. Доктор Келлог, редактор журнала *Good Health*, постоянно спит за дверью, а у всей его большой семьи приемных детей есть комнаты, в которых практически нет дверей и окон, так что они спят под открытым небом, насколько это позволяет цивилизация.

На протяжении многих лет, насколько это было возможно, я спал за дверью. Когда я дома, моя кровать стоит на открытой веранде, лицо повернуто к звездам, машущие ветви сливовых, персиковых и фиговых деревьев играют музыку, пока я сплю, прекрасные огни раннего рассвета радуют мои глаза, прежде чем я встаю, и щебетанье и пение птиц навевают мелодии в моей душе, пока я одеваюсь. Когда я нахожусь в дикой природе, я всегда сплю под открытым небом, когда и где могу. Те, кто читал мои различные книги, знают о моем опыте ночевки в шторм, во время проливных дождей, без подстилки в скалистых промоинах, в дырявых лодках и под проливным дождем, в жаре пустыни и холоде снежных плато Аризоны. И все же я не помню, чтобы я хоть раз "простудился", хотя я был мокрым в течение многих ночей. С другой стороны, я никогда не бываю в цивилизации, особенно в гордой, надменной, самодовольной цивилизации Востока, где дома отапливаются паром, а улицы и железнодорожные вагоны перегреваются, не болея сильными простудами и не испытывая сильных страданий.

Те, кто слышал Нансена, Пири и других исследователей Арктики, помнят, что у них был такой же опыт. Разве не очевидно, что жизнь на свежем воздухе - это нормальная, здоровая, рациональная, *естественная* жизнь, а жизнь в доме с паровым отоплением - ненормальная, нездоровая, нерациональная и противоестественная?

Люди часто говорят: Но я вижу, что мой дом хорошо проветривается, а значит, воздух в нем такой же чистый и хороший, как и за дверью. В ответ позвольте мне сказать, что ни один дом никогда не может быть хорошо проветренным. Чтобы воздух был чистым и полезным, он должен быть *живым*. Он может быть живым только тогда, когда свободен и не задерживается, а днем находится в контакте с прямыми лучами солнца. Каждый вдумчивый человек замечал огромную разницу между наружным воздухом и воздухом в помещении,

когда заходил снаружи внутрь, даже если все двери и окна в комнате были широко открыты. Существует огромная разница между воздухом в помещении и на улице, даже при самых благоприятных условиях; поэтому выходите на улицу, когда можете, днем или ночью, зимой или летом, в сырую или сухую погоду.

Одно из самых прекрасных и сильных стихотворений на этом языке - следующее, написанное Ричардом Бертоном:

ДАР БОЖИЙ, ВОЗДУХ

Есть ли что-нибудь более свободное.
Чем воздух, свежий, живительный, что человек
вдыхает с наслаждением, и не мечтает
о большем блаженстве, потому что он может
Привести в норму всю свою кровь и почувствовать.
Вновь возвращается молодость, мускулы становятся стальными,
И жизнь становится бодрее, что является частью доброго замысла Бога!

О, как на равнинах и горах, у ручьев
Что сияют на их пути; над многими полями
Гордое от цветов, или где восход солнца сияет
В сверкающем великолепии, богатый воздух дарит
свой бальзам; да, как охотник, пионер,
Влюбленные и барды чувствовали, что небеса рядом.
Потому что воздух, к которому прикасался их дух, исцелял их!

И все же - Бог простора! - взгляни и увидь
Миллионы Твоих созданий, заключенных внутри
В тесных местах, где нет ни одного чистого дыхания,
и в них есть здоровье, надежда и чистота;
Природное противоядие от порока и греха,
Самое сладкое лекарство жизни по эту сторону смерти!
Как же так получается, что этой щедрости неба
Не хватает детям твоим, пока они не поникнут и не умрут?

Многие белые люди летом разбивают палатки и думают, что спят под открытым небом. Какая глупая ошибка. Вот что говорит по этому поводу один из авторитетных ученых:

"Вы ставите палатку? Если да, то вы должны знать:

"Что хорошо закрытая палатка почти герметична, и, следовательно,...

"Что в палатке обычного размера один человек так загрязнит воздух, что сделает его непригодным для дыхания менее чем за двадцать минут; два человека - менее чем за десять минут".

ИНДЕЕЦ ХЕМЕХУЭВИ И ЕГО УКРЫТИЕ ОТ СОЛНЦА НА ОТКРЫТОМ ВОЗДУХЕ.

"Если вы ставите палатку ради своего здоровья, в каждом конце палатки должно быть предусмотрено отверстие для вентиляции в ночное время. Отверстия должны быть не менее фута квадратного для каждого жильца.

"Вдыхание нечистого воздуха снижает жизненный тонус и, как следствие, делает человека восприимчивым к простудам и другим заболеваниям."

ВОСХОЖДЕНИЕ ПО ОДНОЙ ИЗ ТРОП В КАНЬОНЕ ХАВАСУ, ШТАТ АРИЗОНА.

ГЛАВА VI

ИНДЕЕЦ КАК ХОДОК, НАЕЗДНИК И СКАЛОЛАЗ

В своей жизни на свежем воздухе индеец - отличный ходок и бегун, имея лошадей - отличный наездник, а живя в горах или каньонах - отличный альпинист. Индеец ходит по необходимости, а также с удовольствием и радостью. Он в полной мере познал "радость простого существования". Пройти несколько миль, больше или меньше, для него пустяк, и он делает это так легко, что видно, как он наслаждается этим. В одной из своих [книг](#)¹ я рассказываю историю о беговых способностях индейцев хопи из северной Аризоны. Ее стоит процитировать здесь:

1 The Indians of the Painted Desert Region. Little, Brown & Co., Boston, иллюстрированная, \$2,00 нетто, 20 центов почтовые расходы.

"Для орайби или машонганави не редкость бежать из своего дома в Моенкопи, расстояние в сорок миль, по горячим пылающим пескам настоящей американской Сахары, там мотыжить свое кукурузное поле и возвращаться в свой дом в течение двадцати четырех часов. Однажды на следующее утро после возвращения я сфотографировал старика, совершившего этот восьмидесятимильный пробег, и на его лице не было ни малейшего следа усталости.

За доллар я несколько раз поручал молодому человеку отвезти сообщение из Орайби в Каньон Кима, расстояние в семьдесят две мили, и он пробежал пешком все расстояние, доставлял сообщение и приносил мне ответ в течение тридцати шести часов".

"Один орайби, Ку-ва-вен-ти-ва, за один день пробежал от Орайби до Моенкопи, оттуда до Уолпи и обратно в Орайби, расстояние более девяноста миль".

Не сомневаюсь, что большинство моих читателей полагают, что такие опыты редки и необычны и происходят после специальной подготовки. Вовсе нет! Они происходят регулярно, без всякой мысли о том, что белый человек наблюдает или записывает. Когда индейцев спрашивали о фактах, они рассказывали их так же просто и беззаботно, как мы можем рассказать о встрече с другом или съеденном ужине. И это касается не только одного племени. Я обнаружил ту же стойкость у юма, пима, апачей, навахо, хавасупай, валлапай, хемехуэви, юте, паути и мохаве. Действительно, на бездорожье пустыни Колорадо мохавы и юмы, пожалуй, демонстрируют большую выносливость, чем любой другой народ, который я когда-либо видел.

Как наездник индеец может многому научить белую расу. Среди навахо и хопи, хавасупай и валлапай, пима и апачей большинство детей учатся ездить верхом в раннем возрасте. Они могут поймать, завязать уздечку и оседлать своих собственных лошадей, пока они еще "маленькие", а то, как они ездят, почти удивительно. Удивляться этому не приходится, ведь их матери так же привыкли к верховой езде, как и они сами. Многие индейские дети чуть не родились верхом на лошадях. Они скачут вверх и вниз по тропам, по равнинам и горам. Они ездят с родителями, собирая семена и орехи, а также учатся обращаться с лошадьми в погоне. Они изучают "природу лошади" и рано становятся опытными наездниками. Хотя их животные - бронзовые и дикие, а значит, никогда не бывают так хорошо "сломлены", как наши, они заставляют их выполнять все обязанности и ездят на них бесстрашно и постоянно.

Девушки и женщины тоже ездят почти столько же, сколько парни и мужчины, и *всегда верхом*. Если бы индианке нужно было продемонстрировать свою неполноценность перед белой женщиной, она бы увидела, что та сидит на боковом седле. Неестественность и глупость такой позы настолько непостижима для индейского ума, что она, образно говоря, "бросает свои руки" и отказывается от проблемы разгадать своеобразный менталитет своей белой сестры. И я не удивляюсь! Слава Богу, проходит тот день, когда женщины стыдились иметь ноги или ставить одну из них на одну сторону, а другую - на другую сторону лошади. Здравый смысл и комфорт в конце концов возобладают, и самые скромные, утонченные, культурные и женственные женщины будут садиться на спины своих лошадей по-кавалерийски, одетые в брюки. Идея о том, что мужчины должны диктовать женщинам, что им делать, чтобы быть женственными, настолько абсурдна, что вызывает смех даже у глупцов. Что может знать мужчина о том, что такое женственность? Только женщины могут определить этот вопрос, так же как и мужчины должны определять, что такое мужественность. Поэтому я уверен, что доживу до того времени, когда увижу женственных женщин - лучших из тех, что есть в мире, - в разумно *естественной* одежде, верхом на лошади и так, как, очевидно, задумал их Создатель.

Если бы девочки, а также мальчики белой расы больше ездили верхом, многие болезни ушли бы прочь. Проблемы с печенью и желудком изживаются во время верховой езды; синие дьяволы и запоры становятся почти невозможными, а возбуждение от быстрого движения и живительное влияние более глубокого дыхания, встряска мышц и нервов, ускоряющий эффект ускоренной работы сердца и более быстрая циркуляция хорошо насыщенной кислородом крови заставляют все тело трепетать от новизны жизни, которая великолепна. Если бы у меня были хорошие доходы и несколько детей, их главное образование должно быть вне дома, и в дождь или солнце, бурю или штиль, снег или снег, зиму или лето, мальчики и девочки должны каждый день проезжать верхом от десяти до двадцати миль или больше.

ИНДИАНКА ЗУНИ С КУВШИНОМ ВОДЫ
НА ГОЛОВЕ.

При этом не следует отказываться от ежедневных пеших прогулок. Пешие прогулки - прекрасное дополнение к верховой езде. Нужно много ходить пешком, чтобы получать удовольствие от верховой езды. Одно является необходимым дополнением к другому. Одно упражнение задействует мышцы, которые мало востребованы в другом. Поэтому я бы сделал хорошими ходоками в любую погоду всех мальчиков, девочек, мужчин и женщин белой расы, даже индейцев. Для того чтобы быть хорошими ходоками, индейцы естественным образом нашли самую совершенную и естественную позу для ходьбы. Каждый индеец ходит прямо, живот втянут, грудь поднята, подбородок опущен, а позвоночник легко несет его тело и руки. Представители белой расы вполне могут поучиться у индейцев, как держать позвоночник в вертикальном положении, как иметь изящную посадку при ходьбе и как вылечить сутулые плечи. У всех молодых женщин и мужчин всех возрастов среди индейцев

практически не встречается искривление позвоночника, неграциозная походка и сутулые плечи. Женщины добиваются такого результата, нося ношу на голове.

Да, и мальчики, и мужчины тоже носят ношу на голове, хотя и не так часто, как женщины. Носить бремя на голове - это хорошо. Как хорошо сказал один писатель:

"Большинство из нас привыкло рассматривать голову как простую мыслительную машину, не осознавая того факта, что эта костная надстройка, похоже, была специально приспособлена природой для переноски тяжестей".

"Руки обычно рассматриваются как средство, предназначенное для переноски тяжестей, но эффект от ношения тяжестей в руках или на руках очень вреден и совершенно не способствует прямой или изящной осанке. Плечи перетягиваются вперед, спина теряет свой естественный изгиб, легкие сдавливаются, а внутренние органы смещаются.

"Когда голова несет на себе всю тяжесть ноши, как это принято у крестьянок Италии, Мексики, Испании и народов Дальнего Востока, это приносит большой выигрыш и в здоровье, и в красоте. Мышцы шеи укрепляются, позвоночник держится прямо, грудная клетка поднимается и расширяется, дыхание становится полным и глубоким, а плечи отводятся назад в естественное положение.

ИНДЕЕЦ ЙОКУТ С ТАЧКОЙ, НАГРУЖЕННОЙ ПЕРСИКАМИ И
ИНЖИРА. КОРЗИНА ПОДВЕШЕНА ЗА ШИРОКУЮ
ШИРОКОЙ ЛЕНТОЙ ЧЕРЕЗ ЛОБ.

"Детей полезно приучать к переноске различных предметов, постепенно увеличивая их вес, балансируя на голове. Так они приобретут прямую осанку, свободную и грациозную походку".

Индийские мужчины и женщины наберут оллу воды, вмещающую галлон или больше, и, легко взмахнув ею над головой, будут идти, держа руки на боку, так же беспечно, как если бы они не несли хрупкую чашу, уравновешенную и готовую упасть при малейшей провокации. И они будут взбираться по крутым и сложным тропам, по-прежнему балансируя на голове. Все это заставляет их держаться естественно и с достоинством. Я знаю женщин навахо, хопи и хавасупай, которые ходят с простым достоинством, не превзойденным в гостинной президента или короля.

Кроме того, еще одна причина такой достойной, здоровой осанки кроется в том, что ни мужчины, ни женщины не носят обувь на высоком каблуке. Мокасины всегда плоские, и поэтому нога индейца прочно и надежно опирается на пол. Несомненно, если бы индианка захотела подражать движению кенгуру или любого другого легкомысленного существа, она могла бы наклонить себя в неестественную и абсурдную позу с помощью обуви на высоком каблуке, но за все двадцать пять лет моего общения с ними я ни разу не нашел ни одной достаточно глупой, чтобы сделать это.

Мужчины, как и женщины, приобретают эту вертикальную позицию в результате "поддержания своих жизненно важных органов", когда они отправляются на длительную охоту и другие бродячие прогулки. Мне кажется, что половина белых мужчин (и женщин), которых мы встречаем на улицах, страдают от пролапса поперечной ободочной кишки. Об этом свидетельствует выступ живота, который, как правило, увеличивается с возрастом, так что у нас есть "портные для толстяков" и специальные орудия пыток для сжатия в так называемую приличную форму женского *пупка*. Но, спрашиваю я, глядя на индейцев, *почему у белых людей такой пуп?*

ДЕВА-АПАЧ НЕСЕТ КОРЗИНУ
ОЛЛА С ВОДОЙ НА ГОЛОВЕ. ПОЛНАЯ
ВОДЫ, ОНА ВЕСИТ МНОГО ФУНТОВ.

Индейца с "заливным" животом, пузом, редко, если вообще можно встретить. Почему? Он давно научился искусству, необходимости держать мышцы живота напряженными. Его живот всегда подтянут. Мышцы на животе словно стальные. В результате поперечная ободочная кишка надежно удерживается на месте. Она не выпадает, а значит, нет и пуза. Если бы мы научили себя, как это делает индеец, втягивать живот и при этом долго и глубоко дышать, то пролапс был бы практически невозможен. Половина лекарств, которые продаются так называемым "почечным страдальцам", продаются людям, чьи почки больны не больше, чем у человека на Луне. Изнурительные боли в спине вызываются тянущей силой выпадающей толстой кишки; а лживые и подлые негодяи, охотящиеся за невежественными людьми, пишут свои дешевые рекламные объявления, описывая эти ощущения, так что

когда страдалец берет в руки их литературу, он оказывается в ловушке на "дюжину или больше бутылок", или пока его деньги не кончатся.

Мужчины и женщины Америки, научитесь ходить прямо, как задумал Бог. Не становитесь "грудными", выпячивая грудь и откидывая плечи назад за счет позвоночника, но втяните мышцы живота, наполните легкие воздухом, затем опустите подбородок вниз и внутрь, и вскоре вы получите три великих, грандиозных и славных благословения, а именно, достойную, прямую осанку; свободу и разумную уверенность в том, что у вас никогда не будет пролапса поперечной ободочной кишки и сопутствующих ему страданий и болей в спине; и емкость легких, которая поможет вам противостоять приближению болезни, если вы каким-то другим способом попадете под ее пагубное влияние.

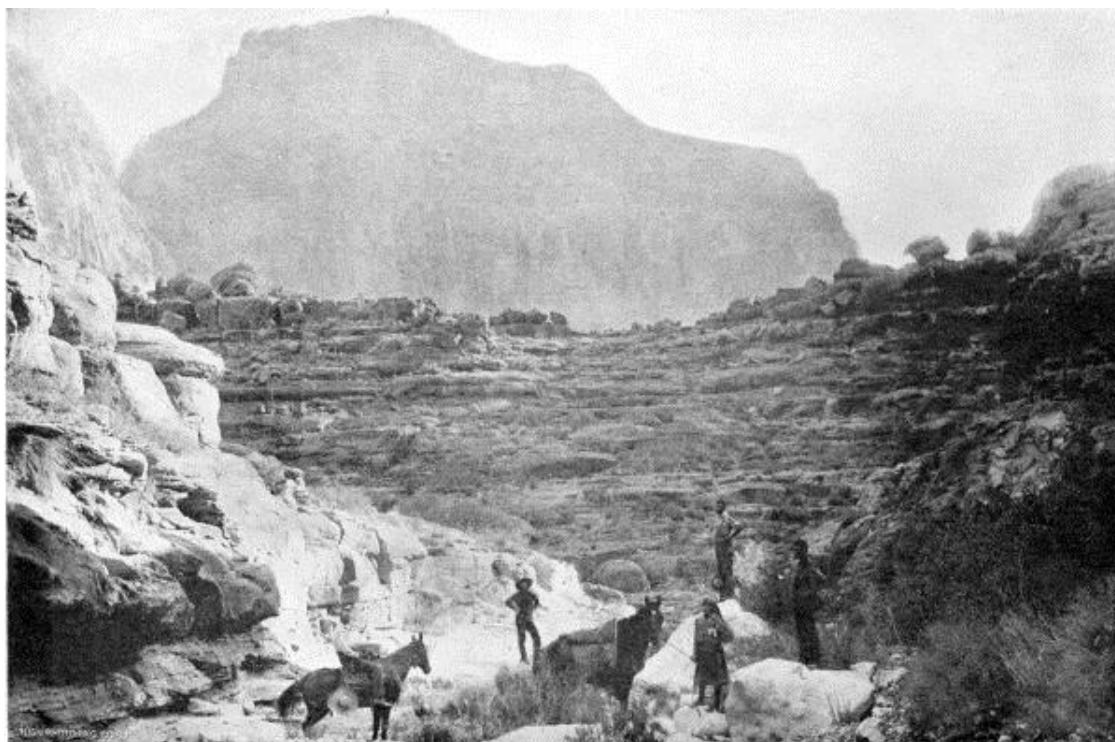
Когда я вижу белых мальчишек, сутулящихся и бредущих по улицам, мне очень хочется отдать их в обучение кому-нибудь из моих друзей - диких индейцев. Они бы быстро выпрямились; головы держали прямо, подбородки опускали, живот втянули, грудь подняли, губы сомкнули, и чистый воздух гор, каньонов, равнин, пустынь или лесов поступал бы в их легкие через ноздри; весь облик жизни начал бы меняться. Ведь "ничто так не поднимает настроение, как просто поднять грудь. Это снимает нагрузку с головы, с ума, с сердца. Поднимите грудь так высоко, чтобы органы брюшной полости выполняли свои функции должным образом. Когда человек сгибается, голова и позвоночник лишаются положенной им крови. Когда грудная клетка поднята, органы брюшной полости сжимаются, и кровь, вышедшая из кровообращения и скопившаяся в печени и желудке, возвращается обратно в ток, где ей и место. Голова и спинной мозг получают должный приток крови, и человек сразу же чувствует себя свежим и энергичным".

РЕБЕНОК ХАВАСУПАИ С БУТЫЛКОЙ ВОДЫ, ПОДВЕШЕННОЙ КО ЛБУ.

Но помимо пеших и верховых прогулок индейцы - отличные альпинисты по крутым тропам каньонов и гор. Мужчины, женщины и дети поднимаются и спускаются по этим тропам почти с легкостью и проворством козла. Я видел, как женщина с подвешенным ко лбу *катхаком* (корзиной для переноски), в котором лежали фрукты, кедровые орехи, семена трав, весом не менее 50-100 фунтов, и ее ребенок, сидящий на вершине груза, уверенно и легко поднимались по тропе, которая заставляла меня пыхтеть и отдуваться, как грампус. Немногие упражнения, правильно подобранные, приносят большую пользу легким и сердцу, да и всем жизненно важным органам, чем подъем по тропе или в гору. Следите за тем, чтобы ваша одежда была легкой, особенно в области талии, так как в ней должно быть место для каждого усилия по расширению легких. Это относится как к мужчинам, так и к женщинам, поскольку среди мужчин растет жалкая и вредная привычка носить ремень вместо подтяжек. Если будущая альпинистка - женщина, пусть она носит свободное, легкое платье и настолько короткую юбку, насколько ей позволяют здравый смысл, рассудительность и совесть. Если

она отправляется "в дикую природу", пусть носит брюки и полностью отказывается от юбок как от бессмысленного и варварского рабства обычаям и условностям. Обувь должна быть простой и удобной, с толстой подошвой и широким *невысоким* каблуком.

ВОСХОЖДЕНИЕ ПО ТРОПАМ В КАНЬОНЕ ХАВАСУ, АРИЗОНА.

Начинайте восхождение как можно раньше утром. Поначалу не пытайтесь сделать слишком много. Попробуйте небольшой холм. Постепенно покоряйте его. Добейтесь того, чтобы в конце концов вы могли подниматься и спускаться без особых усилий. Затем беритесь за более высокие холмы и, наконец, попробуйте настоящие горы, высотой восемь, десять, четырнадцать тысяч футов. Если у вас повышенная чувствительность, будьте еще осторожнее и посоветуйтесь с врачом, но не бойтесь, пока не устанете до изнеможения. Ведь скалолазание развивает бедра и икры ног, мышцы спины, увеличивает легкие, заставляет сердце перекачивать больше и чище (потому что лучше насыщается кислородом) крови по всему телу, приводит к более быстрым изменениям в материале тела и таким образом меняет старые и бесполезные ткани на новые и здоровые, растворяет и расщепляет жир, вызывает потоотделение и выдохи через почки, что особенно полезно.

При дыхании обязательно держите рот закрытым. Настаивайте на *носовом* дыхании, и упражнение обязательно сделает его *глубоким*. Чем глубже вы дышите, тем больше пользы вы получите. Осанка должна быть правильной, иначе вы потеряете много пользы. Вкратце это выглядит так: втяните живот, поднимите грудь, опустите подбородок, а руки пусть легко и естественно свисают по сторонам.

На протяжении многих лет я заставлял себя использовать любую возможность для подъема или спуска по тропе. Сотни миль троп я прошел вверх и вниз в Большом каньоне Аризоны, часто с тридцати-, сорока-, пятидесятифунтовой камерой и запасами еды на спине. Я поднялся на десятки гор по всему Юго-Западу, и богатые впечатления от сияющего здоровья и бодрости, бодрости, трепета, покалывания, которые возникают после таких упражнений, не может знать никто, кроме тех, кто ими наслаждается.

Несколько недель назад я приехал в Гранд-Каньон (сентябрь 1907 года), после почти годового отдыха от физического труда в больших масштабах (мои цивилизованные занятия отнимали все мое время). Я начал по тропам, вверх и вниз по каньону Хавасу, по Бассовой тропе Гранд-Каньона, по тропам Гранд-Вью и Ред-Каньона. Снова и снова я поднимался по самым крутым участкам на милю за раз, задавая темп лошадям и мулам, и для меня было источником душевного и физического наслаждения то, что мои легкие, сердце и тело в целом были в таком хорошем состоянии, что я мог делать это день за днем в течение двух недель, не только без усталости, но и с положительным подъемом и физическим наслаждением.

ГЛАВА VII

ИНДЕЕЦ ПОД ДОЖДЕМ И В ГРЯЗИ

Как эти "вещи, которым мы можем научиться у индейца", растут в нас, когда мы изучаем "благородного краснокожего" в его собственных местах обитания. Снова и снова я замечаю, что *"он не знает достаточно, чтобы войти в дом во время дождя"*. Белый человек, который первым придумал это выражение, считал его доказательством сообразительности и гордо поднимал голову больше, чем его товарищи, потому что он был автором такой яркой идеи. Однако, если вдуматься, какое же это глупое предложение! Зайти в дом во время дождя? Зачем заходить? Разве птицы заходят в дом? Я только что наблюдал за ними из окна своего кабинета: жаворонки, ландыши, певчие воробьи и птицы-пересмешники. Кажется, ни одна из них ничуть не беспокоится о дожде, а их песни так же сладки, так же веселы и так же полны мелодии, как и в дни яркого солнца. Как хорошо я помню, как однажды, когда шел сильный дождь, я увидел на лужайке птицу-пересмешника. Он стоял с поднятым клювом и опущенным хвостом, так что его вид очень напоминал готическую крышу, рот был широко открыт, и когда дождь полился с кончика его хвоста, он издал поток мелодии, более богатой и сладкой, чем любая птичья песня, которую я когда-либо слышал.

А лошади! Как они радуются дождю! Я видел их в конюшне с двойными дверями, верхняя из которых была открыта, и когда шел дождь, они высовывали носы под дождь и позволяли каплям с карниза падать на них с явным удовольствием и желанием поскорее выйти в дождь.

ЗДОРОВЫЕ ДЕТИ НАВАХО ПРИВЫКЛИ К ДОЖДЮ И ВЫХОДУ НА УЛИЦУ.

Ничто живое в природе, кроме "цивилизованного" человека, не боится дождя. Индейцы же просто наслаждаются им. Однажды я пробыл в деревне хавасупай пару недель, будучи гостем моего друга Ва-лу-та-ма. Его маленькая девочка, семи лет, была совершенной маленькой ведьмой. Она была быстрой, нервной, живой и здоровой. Когда пошел дождь и ее одежда промокла, я попытался уговорить ее зайти в укрытие. Но нет! Ей хотелось быть под дождем, и она выбегала через дверь, играла с лужами, которые собирала, и бежала вместе с другими своими товарищами по играм туда, где выдуманные водопады превращались в полупрозрачные брызги, падая с высоты на отвесные скалы. Здесь они стояли под водой и дождем, как сумрачные феи, смеясь и крича, резвясь и играя, в совершенном ликовании.

Пожилые женщины тоже мало беспокоятся об этом, если только не очень холодно или не дует ветер. Они не больше возражают против того, чтобы быть мокрыми, чем против того, чтобы дул ветер или светило солнце, а что касается какого-либо плохого эффекта, который

дети или взрослые испытывают от сырости, то я еще не видел его. Почему? Причины ясны. Во-первых, у них нет страха перед дождем. Им не внушают с детства, что "нельзя мокнуть, а то простудятся", а девочек не учат ожидать функциональных потрясений, если они "промочат ноги". Это имеет отношение к делу, ведь влияние разума на тело гораздо сильнее, чем мы думаем.

Во-вторых, во время дождя они двигаются с естественной активностью, как и в другое время. Это поддерживает циркуляцию крови и препятствует снижению температуры тела.

В-третьих, общая жизнь на открытом воздухе придает им такую выносливость, что если на систему ложится какая-то нагрузка, она полностью готова к ней.

Но меня спрашивают: "Вы бы выступили за то, чтобы белые люди, особенно девушки и женщины, мокли? Подумайте об их юбках, застиранных под дождем, и о том, как эти мокрые юбки цепляются за лодыжки и доставляют неудобства их обладательницам".

ИНДЕЙЦЫ КИШ В ЮЖНОЙ КАЛИФОРНИИ.

Я много думал об этом и не готов сказать, что с нашим нынешним костюмом я бы выступал за то, чтобы женщины часто выходили под дождь. Но я считаю, что время от времени они могут надевать короткие юбки, крепкие туфли и такую старую одежду, которой не повредит намокание, а затем решительно и смело выходить под дождь, и чем сильнее он будет лить, тем лучше, если погода будет теплой. Затем пусть они научатся наслаждаться тем, как дождь стучит по щекам и ушам. Пусть они протянут руки и почувствуют мягкую и нежную ласку "высокородного, благородного дождя". Пусть они наблюдают за тем, как капли брызжут на листья и стекают по стеблям, набирая объем и скорость по мере того, как они достигают ствола и падают на землю, чтобы дать жизнь и питание всему растению. Все в природе любит находиться под дождем. Как свежо и ярко выглядят деревья после дождя! Как очищаются и становятся яркими и сияющими камни! Как ярко проявляется их цвет под дождем! И на человека дождь оказывает такое же воздействие, если только он ценит здоровье и бодрость больше, чем небольшой дискомфорт от лохмотьев своей одежды. Много лет назад я усвоил этот урок. Я ехал от линии железной дороги, через Окрашенную пустыню, с несколькими индейцами племени хавасупай. Это был сезон дождей. Ливни шли

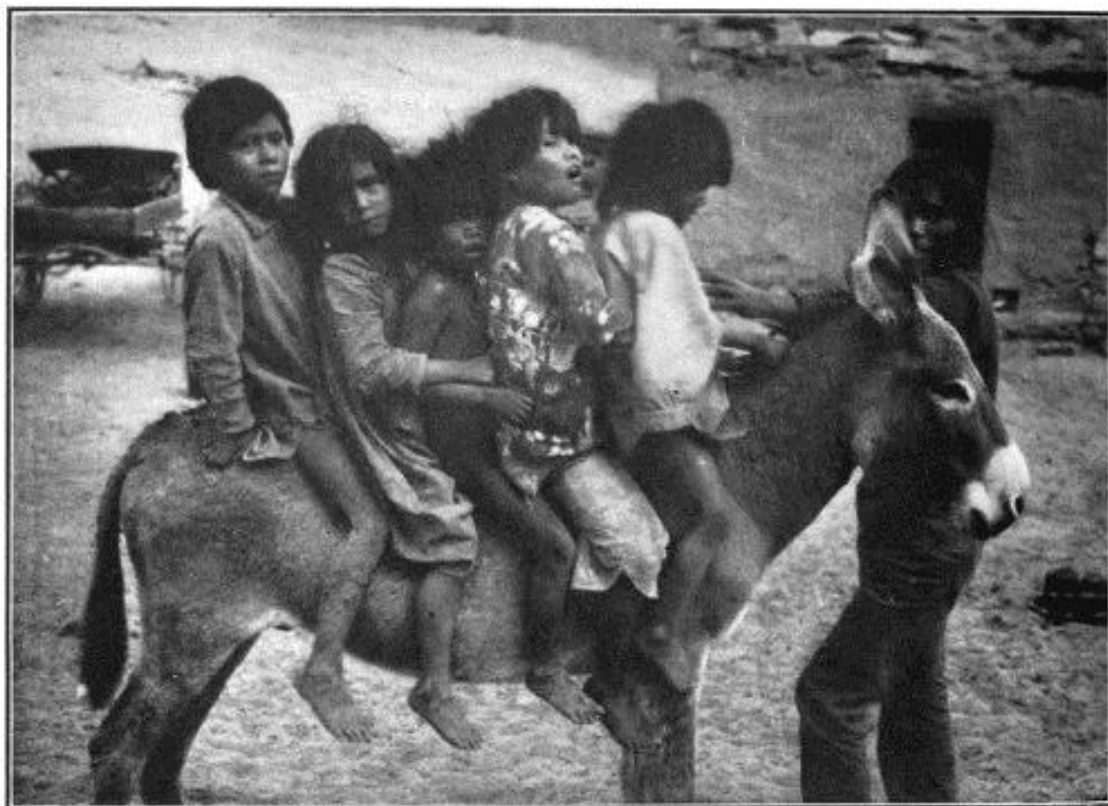
по полдюжины раз в день. Сначала я пожалел, что у меня нет зонтика. Я промок насквозь, и индейцы тоже. Мне казалось, что я должен чувствовать себя жалким и несчастным, но индейцы почему-то были такими же яркими и веселыми, как всегда, поэтому я набрался духу и мужества, и через полчаса моя одежда снова была сухой. Четыре или пять раз в тот день и столько же на следующий день я промокал насквозь и снова высыхал. Верховая езда согревала меня, а быстрая и здоровая циркуляция крови, активное глубокое дыхание, вызванное упражнениями, отсутствие страха в душе - все это в совокупности делало намокание благом, а не травмой.

Мой друг В. В. Басс, житель Большого каньона в Аризоне, с которым я совершил множество путешествий по этому краю чудес, с большим воодушевлением рассказывает о том, как однажды я ехал по пустыне, одетый в один из старомодных льняных пыльников, доходивших мне ниже колен. Стояла теплая погода, и на железной дороге было пыльно, поэтому, я полагаю, пыльник и был надет. Но когда мы выехали на пустырь, начался дождь, и как же он лил! Дождь лил так быстро, что мои карманы то и дело наполнялись водой, и Басс говорит, что когда он догнал меня, я бежал трусцой, напевая во весь голос (как птичка-пересмешница), и вода выплескивалась из моих карманов, когда я подпрыгивал в седле. Льняной пыльник цеплялся за бока и спину лошади и обвивался вокруг моих ног, так что картина была до крайности комичной. Но я был счастлив и не испытывал никакого дискомфорта, а потому получил от этого опыта не только радость, но и здоровье и бодрость. Ведь вспомним, что когда я приехал из Англии, двадцать пять лет назад, я приехал инвалидом, с полностью подорванным здоровьем; настолько, что мне даже запрещали читать книги в течение целого года. Сейчас мало кто так здоров, как я. Годы общения с индейцем, изучение его простоты и естественности в значительной степени способствовали этой перемене. Я понял, как важно ставить на первое место первостепенные вещи. Раньше я был настолько "хорошим" и "привередливым", что одна мысль о том, что моя одежда может намокнуть, вызывала у меня небольшую панику. "Они потеряют форму, будут плохо выглядеть, и их придется отжимать, прежде чем я смогу снова их надеть". Но когда я пришел к выводу, что я ценнее одежды, что мое здоровье важнее, чем складки на брюках, я обнаружил, что взял на вооружение принцип, который, хотя иногда и может показаться грубым по отношению к одежде, окажет на меня благотворное влияние.

И это приводит нас к еще одному важному уроку, который мы можем извлечь из индейца. Иногда он не так "мил", как хотелось бы, но часто мы слишком милы для здоровья и комфорта. Многие женщины губят свое здоровье, расшатывая нервы, отвлекают мужа, беспокоят и раздражают детей, будучи слишком милыми в своем доме. Я встречал в Новой Англии и других местах, да, пожалуй, даже в Старой Англии, женщин, которые ценили чистоту в доме больше, чем свою собственную жизнь, счастье своих детей и комфорт своих мужей. Действительно, в одном случае, который я хорошо помню, женщина довела своего мужа до временного помешательства и, наконец, до позорного бегства от нее, своим вечным мытьем полов, вытряхиванием ковров, полировкой мебели и вытиранием пыли. Каждый раз, когда бедняга приходил из мастерской, он должен был переодеваться. Если он заходил со стороны, то должен был снять обувь, прежде чем войти в дверь. Если он опускал теплую руку на полированный стол, то получал упрек: жена тут же вставала, брала серную кожу и оттирала следы. Бедная, несчастная женщина и такой же бедный, несчастный мужчина! Неудивительно, что он сошел с ума, в конце концов потерял свою мужественность и сбежал.

Я знаю, что это крайний случай. Но я ручаюсь за его строгую истинность. И есть тысячи женщин (да и мужчин тоже, если уж на то пошло), которые в серьезной степени страдают от той же болезни. В доме, где миловидность ценится больше, чем здоровье, комфорт и работа

в жизни, таится серьезная опасность. Отправляйтесь к индейцу, и хотя я не предлагаю вам ни в коем случае отказываться от доброты, постарайтесь усвоить его философию и поставить на первое место первостепенные вещи. Сначала здоровье, счастье, комфорт, мир, довольство, любовь, *а потом* уже все остальное.

ДЕТИ ХОПИ НАСЛАЖДАЮТСЯ ЕЖЕДНЕВНЫМ СПОРТОМ НА СПИНЕ БУРРО.

Я собираюсь сделать признание, которое, боюсь, навлечет на меня печальную славу среди некоторых моих читателей. Когда родился мой первый мальчик, мы, естественно, очень им гордились. Когда он вырос из своей детской одежды, нам нравилось видеть его красивым, опрятным и чистым. Он должен быть милым маленьким херувимчиком, одетым в белое, с манерами маленького лорда Фаунтлероя. Тогда я пришла к выводу, что мы ценим "миловидность" больше, чем здоровое развитие ребенка. Я убеждал и призывал изменить ситуацию, но безрезультатно, и тогда я решился на *государственный переворот*. Однажды утром, после того как малыша нарядили в белый нагрудник и подтяжки и он чувствовал себя неловко и несчастно, как чувствуют себя все здоровые дети при таком обращении, я взяла его за руку и вывела за дверь, подальше от посторонних глаз, где было много грязи и много воды. Через полчаса его изменившийся вид был просто чудесен. Мы пустили небольшой ручеек воды, который затем запрудили. Мы пекли пироги из грязи, и я помогал ему замешивать тесто в его фартуке. Мы упивались грязью с ног до головы. Я извалял его в ней так, что задняя часть была так же ярко выражена, как и передняя. В нем не осталось ни капли доброты. Мы вернулись домой счастливые и довольные, смеющиеся и веселые, но перепачканные в грязи. Мы так хорошо провели время. И было так весело гулять с отцом. Мы собирались снова пойти завтра, и на следующий день, и на следующий. Так мы и сделали. Не нужно было ни слов, ни аргументов. Не требовалось много времени, чтобы приобрести два или три костюма из коричневого холста или синей джинсовой ткани, и ребенок вырастал здоровым, счастливым, энергичным, сильным, выносливым и часто грязным, а не анемичным, несчастным, диспепсическим, слабым и больным, и *милым*. Было бы гораздо меньше спроса на детские надгробия, увенчанные мраморными ангелами и исписанные

убогим доггером, если бы матери ценили здоровье, а не красоту, бодрость, а не чопорность, и силу, а не слюнявчики и фартучки. Поэтому я говорю: давайте не будем излишне любезны. И особенно давайте не приучать наших детей ценить чистые руки и одежду больше, чем крепкое здоровье, которое приходит от контакта с землей при работе на свежем воздухе. Я обнаружил, что человек может наслаждаться Гомером, Браунингом, Данте и Шекспиром тем лучше, что его тело бодро и сильно, его мозг ясен, а ум активен в результате грубого и неуклюжего восхождения в горы, блуждания по пустыне или езды верхом, а также прогулок по тропам каньонов.

Другой результат такого откровенного и бесстрашного принятия условий вне дома проявляется в готовности преодолевать трудности, к которым не склонна излишняя щепетильность. Позвольте мне проиллюстрировать. Два или три месяца назад я совершил путешествие с двумя индейцами племени юма и четырьмя белыми мужчинами вниз по течению реки Колорадо к Солтонскому морю. Нас заранее предупредили, что это будет "ужасно трудное путешествие". Нам сказали, что попытка пройти через некоторые места - это "сущий ад". На протяжении десяти или двенадцати миль река покинула свое русло и неслась по обширному участку земли, покрытому мескиновым лесом. Мескит - это довольно густая поросль деревьев, покрытых сильными и колючими шипами. Когда мы добрались до этого места, нам пришлось прорубать себе путь через колючие заросли, и наши лица, руки и тела страдали от жестоких царапин и укусов колючек. Несколько раз мы застревали, и нам ничего не оставалось, как прыгать в воду с топором в руках и разрубать препятствия или поднимать лодку. Мой индеец Джим, хотя и был величав и невозмутим, как я подробно расскажу в другом месте, обладал быстротой, которую разрушает излишняя нервозность. Он вылез на борт лодки так же быстро, как и я, готовый к тяжелой и неприятной работе. Если бы я был "красиво" одет и "хорошо" относился к ощущению воды до середины, слишком "хорошо", чтобы часами бродить, погружаясь в зыбучие пески, чтобы найти лучший проход для лодок, мы бы уже были там. Мы срубили под водой три мескиновых дерева, чтобы переправить лодки через пни. Мы пробирались сквозь высокие и густые заросли стрелолиста, один впереди, другой позади лодки, поднимая и заставляя, тяня и толкая. Это не была "приятная" работа, но она бодрила, стимулировала и развивала душу.

В МЕСКИТОВОМ ЛЕСУ ПО ПУТИ К МОРЮ СОЛТОН.

На днях я отправился фотографировать на Солтонское море. Когда катер остановился в двадцати футах от острова, усеянного пеликанами, где я хотел сделать фотографии, я взял камеру, вышел в воду, которая доходила мне до бедер, и пошел к берегу. Инженер удивился. Почему он должен был это делать? Если бы я подождал, пеликаны улетели бы. Скорость была

необходима. "Изящество помешало бы мне получить то, за чем я шел. Когда я стою на лекционной трибуне, или на кафедре, или в гостиной ; когда я встречаю дам в салоне и еду с ними на автомобильную прогулку, я одеваюсь настолько опрятно, насколько могу себе позволить, и стараюсь выглядеть "красиво"; но когда я иду в свой сад работать, я надеваю синий комбинезон, фланелевую рубашку и пару тяжелых ботинок и стараюсь не быть красивым. Я валяюсь в грязи, щупаю ее руками, упиваюсь ею, ибо таким образом, как мне кажется, я получаю здоровое удовольствие для тела, ума и души. Я многим обязан индейцу, но мало за то я благодарен ему больше, чем за то, что он научил меня ценить важные вещи больше, чем "выглядеть опрятно" и быть "милым".

ГЛАВА VIII

ИНДЕЕЦ И ФИЗИЧЕСКИЙ ТРУД

Министры и ораторы, учителя и государственные деятели, члены W. C. T. U., а также Y. M. C. A., представители белой расы, - все они утверждают, что белая раса верит в достоинство физического труда.

Эта профессия часто оказывается ложью.

Мы верим в достоинство физического труда не больше, чем в утонченность свиньи. Наши действия напрямую подтверждают наши слова. Я пишу с максимальным спокойствием и произношу эти сильные слова с обдуманном намерением. Мы, как нация, притворяемся, что верим в достоинство труда. Возможно, в конце концов, мы и верим в него, но в большинстве случаев не ради себя, а ради "другого человека".

С другой стороны, индейцы действительно и искренне верят в достоинство физического труда. Вождя с таким же успехом можно "застать" за выделкой кожи, шитьем мокасин или орошением кукурузного поля, как и за лежанием на одеяле навахо, "курящим трубку мира". С белой расой дело обстоит иначе. Мужчины верят в достоинство труда так же, как и в братство людей. Их не увидят занимающимися физическим трудом - например, катящими тачку, роющими канаву, строящими стену, вспахивающими картофельную грядку или выполняющими любую другую физическую работу, кроме тех немногих вещей, которые мужчинам позволено делать, не считая их чем-то особенным, например, ухаживающими за небольшим домашним садом, выгребающими золу из печи и тому подобными вещами, - как и , обчищающими карманы своих соседей или грабящими их дома. Когда они хотят получить физическую нагрузку, они идут в какой-нибудь закрытый спортзал, где воздух - это выдохшийся, мертвый воздух сотни людей, и они качают гантели, тягают гири, бешено дергаются на брусках и делают другие подобные и глупые вещи, потому что, клянусь, это джентльменские вещи; Или они выходят на улицу, размахивают клюшками для гольфа и гоняют бедный невинный мячик по "звеньям", а кэдди смотрят на их дикие удары и слушают безумные ругательства, с помощью которых они пытаются заставить себя поверить, что они "джентльмены, батюшки-батюшки!"

ДЕВУШКА ХАВАСУПАИ, ПЛЕТУЩАЯ КОРЗИНЫ.

Из всех презрительных, подлых и подлых уловок, на которые способна белая раса, эта кажется мне самой подлой и презренной. Притворяться, что веришь в достоинство труда, а потом при любой возможности, предоставленной труду, уваливать и заниматься этими бесполезными и эгоистичными делами, которые не снимают ни унции бремени физического труда, навязанного нами нашим собратьям.

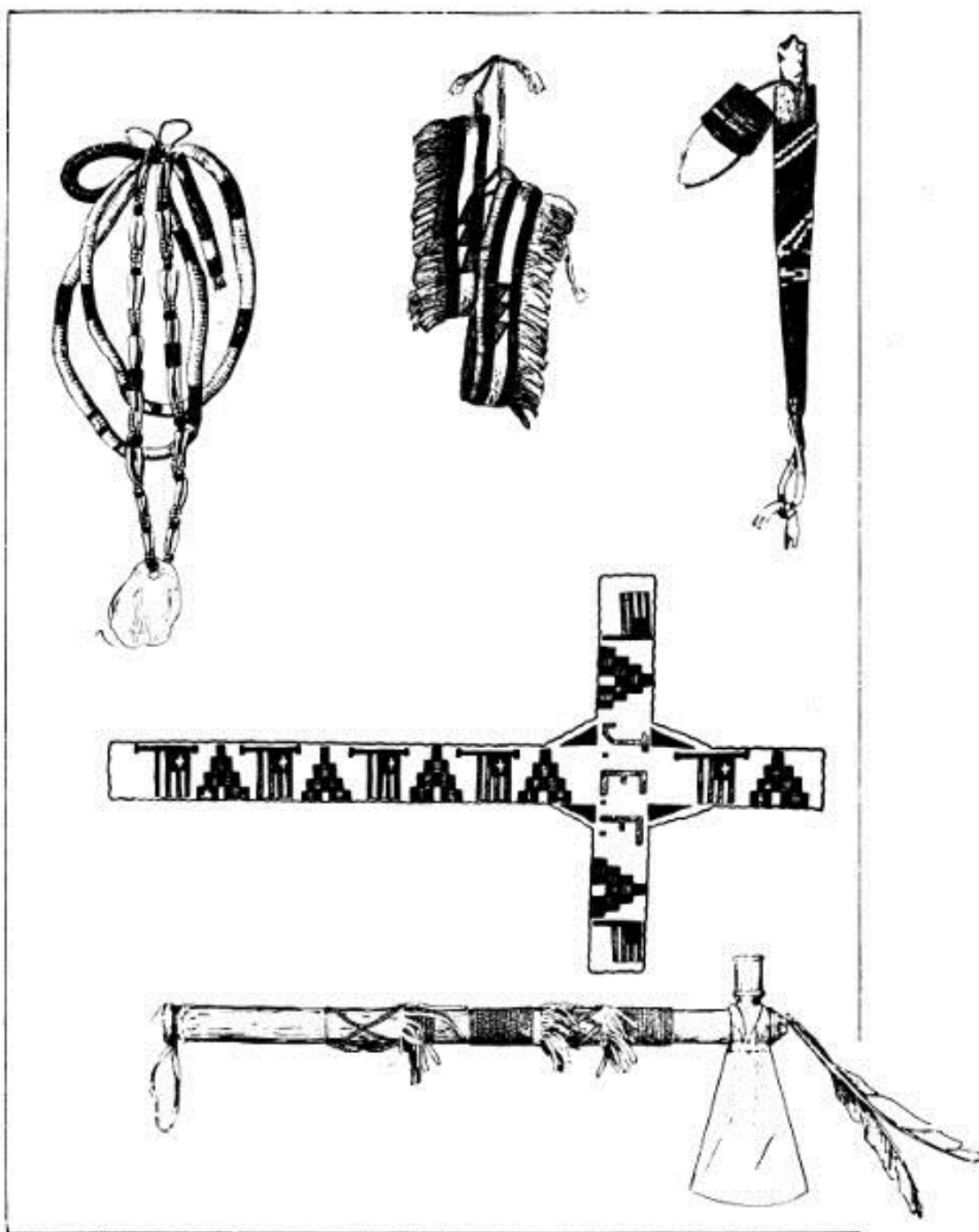
Позвольте мне ни на минуту не думать, что я выступаю против любого полезного для здоровья отдыха или спорта. Если гольф используется как отдых, для развлечения, я от души согласен с ним и его сторонниками. Это когда он принимается как "упражнения", как *замена честного и полезного труда*, что я протестую против него, как мошенничество, заблуждение, ловушка, и презренный уловки. Если вам нужны настоящие упражнения, настоящая работа, пойдите и избавьте какого-нибудь бедного человека от излишней тяжелой работы. Скажите ему, что вы пришли дать ему час отдыха, чтобы он мог заняться изучением природы, пойти и посмотреть на цветы в своем саду, побродить по лесу и послушать пение птиц или посетить публичную библиотеку и почитать какую-нибудь занимательную и поучительную книгу. Если вы стесняетесь открыто попытаться дать час-другой отдыха и перемены своему "брату", пойдите и нарубите дров для дома, вскопайте картофельную грядку, выгребите навоз из хлева или займитесь каким-нибудь другим *полезным* и нужным делом. Удовольствие - это удовольствие, спорт - это спорт, веселье - это

веселье, но заниматься этими видами спорта всерьез, как физическим упражнением для борьбы с последствиями ваших дурных диетических привычек или других мерзостей, значит добавлять к дурной жизни лицемерие и ухищрения.

ИНДЕЕЦ ХОПИ ТКЕТ ПЛАТЬЕ ДЛЯ СВОЕЙ ЖЕНЫ.

Все, что приходится делать индейцу, он делает с удовольствием, радостно, открыто. Он не стыдится испачкать руки или быть застигнутым на месте преступления. В этом я с ним от души согласен. Если бы я когда-нибудь написал вероучение, то одной из первых статей моей религии была бы такая: "Я верю в пользу и радость физического труда". Будь моя воля, я бы заставил каждого представителя так называемых "ученых" профессий (!), от проповедника до адвоката, учителя и врача, государственного деятеля, политика и бармена, проводить не менее трех часов на тяжелой физической работе *каждый день*, а что касается моих братьев-проповедников, то я бы заставлял их заниматься дорожным делом *каждый понедельник*, по крайней мере на полдня, чтобы, обладая практическими знаниями о строительстве дорог на земле, они могли бы лучше проповедовать своим общинам в следующее воскресенье о дороге на небеса. Ничто так не свидетельствует о том, что мы - люди *кастовые* и сословные, как отношение богатых и "ученых" к физическому труду. Я ни в коем случае не симпатизирую такому отношению; я презираю, ненавижу, не выношу его и хотел бы, чтобы оно изменилось. Индейцу, за его честное уважение к физическому труду и снисходительность к нему, я отдаю свою приверженность и честь.

РАЗЛИЧНЫЕ ПРЕДМЕТЫ ОБИХОДА И УКРАШЕНИЯ, СДЕЛАННЫЕ И УКРАШЕННЫЕ ИНДЕЙЦАМИ.

ГЛАВА IX ИНДЕЙЦЫ И ФИЗИЧЕСКИЙ ТРУД ДЛЯ ДЕВУШЕК И ЖЕНЩИН

В предыдущей главе я рассказал о жизни, привычках, мыслях индейца по отношению к физическому труду для себя и своих сыновей. Он так же относится к нему для своей дочери и жены. И не только он так относится к нему, но и жена и дочь относятся к нему точно так же. Жизнь на свежем воздухе делает индийскую девушку и женщину здоровой, энергичной, мускулистой и сильной. Она превозносит свою физическую бодрость и силу и удивляется, почему ее белая сестра не может сравниться с ней в физических возможностях. Когда я

говорю ей, что белые женщины жалеют ее, потому что, дескать, "ей приходится выполнять столько тяжелой работы, в то время как ленивые мужчины сидят, курят и ничего не делают", она смотрит на меня с немим изумлением. Однажды, когда я разговаривал таким образом, одна из них сказала: "Неужели ваши белые женщины все дуры? Скажите им, что мы не только не нуждаемся в их жалости, но и презираем их за их привычки жизни, которые заставляют их жалеть нас. Творец создал нас способными и умеющими работать. Он знает, что все существа должны работать, чтобы быть здоровыми. Мы хотим быть здоровыми, и поэтому мы исполняем Его волю, работая над своими обязанностями. Мы с радостью и гордостью выполняем их. А что касается людей: пусть только посмеют вмешаться в нашу работу, и вскоре они увидят то, что увидят. Мы не потерпим от них ни вмешательства, ни помощи".

ЖЕНЩИНЫ ХОПИ СТРОЯТ ДОМ В ОРАЙБИ, ШТАТ АРИЗОНА.

Поэтому все их дети (как девочки, так и мальчики) с ранних лет приучаются к труду, и труду тяжелому. Мальчиков отправляют пасти овец, лошадей и скот, следить за кукурузой и не допускать, чтобы ее тревожили. А девочки, как только они начинают ходить на карачках, становятся "маленькими матерями" для своих младших братьев и сестер. По мере взросления они перемалывают всю кукурузу, собирают всю дикую траву и другие семена, делают все корзины и гончарные изделия, а также готовят всю еду для домашнего хозяйства. Размолоть кукурузу на индейский манер, с помощью плоского камня и меты, - задача не из легких для сильного мужчины белой расы, но я знал, как пятнадцатилетняя девочка по десять часов в день несколько дней подряд на мету, чтобы было много муки, когда придут гости на Змеиный танец.

Во время одного из моих визитов в деревню хопи Орайби я застал женщин за работой - они строили дом. Это их занятие. Весь труд у хопи разделен между полами в соответствии с давно сложившимся обычаем, и я думаю, что так он разделен у всех аборигенных народов. Мужчины занимались защитой дома (были воинами) и охотой на животных для пропитания. Они же изготавливали халаты и мокасины. Те племена, которые утратили свой кочевой характер и стали оседлыми, добавили к работе своих мужчин уход за полями и скотом. Все остальное практически взяли на себя женщины. Строительство дома, уход за ним, общий сбор семян и приготовление любой пищи - все это их рук дело.

И, как правило, они выполняют свою избранную, или назначенную, или наследственную работу с удовольствием. Им неведомы боли и недомогания их более слабых белых сестер; они сильны, как мужчины, поэтому не боятся физического труда. Мало того, они получают от него удовольствие; они идут на него с радостью, как и все здоровые тела. Как часто я стоял и смотрел, как здоровый, энергичный мужчина размахивает молотом в кузнице, в шахте или в траншее. Как легко это делалось, как радостно, как без усилий! Для здоровой женщины, обладающей достаточной силой, труд также доставляет удовольствие. Чувствовать, что ты чего-то добиваешься и можешь делать это без излишней усталости и изнеможения, - какое это наслаждение!

Женщина, которая оказывает нам честь, еженедельно приходя в наш дом для выполнения тяжелой работы, часто напоминает мне пантеру. Она "прыгает" на свою работу с избытком сил и духа, что является совершенным наслаждением в наш век физической немощи и нежелания женщин заниматься физическим трудом.

ДЕВЫ НАВАХО, НЕСУЩИЕ ВОДУ ЧЕРЕЗ ПУСТЫНЮ.

Так и с индейскими женщинами. Они поют в унисон, когда дюжина из них собирается вместе у корыта; хотя работа достаточно тяжела, если ее долго продолжать, чтобы истощить любого сильного мужчину. Я видел, как женщины стоят на коленях и целый день толкут желуди, поднимая при каждом ударе тяжелый пестик выше головы. В случае с женщинами-строителями из Орайби : они сами носили все тяжелые камни и устанавливали их на место, сами замешивали раствор, сами копали заготовки, и во всем, кроме установки тяжелых поперечных балок для крыши, для чего они призвали на помощь нескольких мужчин, они делали всю работу от начала до конца.

ИНДИЙСКИЕ ДЕВЫ, КОТОРЫХ МАТЬ УЧИЛА ПЛЕСТИ КОРЗИНЫ.

И хотя мне не особенно хочется видеть, как белые женщины строят дом, я всем сердцем желаю, чтобы у них хватало физических сил для этого или подобного тяжелого труда. Я желаю для всей моей расы, чтобы женщины и девушки обладали таким крепким здоровьем и силой, что никакой обычный труд не мог бы их утомить.

"Но, - говорят мои белые друзья, женщины и девушки, - мы не хотим работать физически; в этом нет необходимости; у нас недостаточно сил для этого; мы истощаем себя, и тогда у нас не хватает энергии для других жизненных обязанностей; мы нанимаем слуг, чтобы они выполняли за нас рутинную работу".

ТКАЧИХА ИЗ КОАУИЛЫ, РАБОТАЮЩАЯ ПОД ОТКРЫТЫМ НЕБОМ.

Вот как! Прежде всего, я хочу со всей силой протестовать против слова и идеи "меновой". Не существует рутинной работы. Любая служба, оказанная с готовностью помочь и любовью, является достойной, благородной и облагораживающей. Тот, кто принимает от другого услугу с мыслью, что она "рутинная", тем самым деградирует сам, гораздо больше, чем человек "деградирует" в результате выполнения этой услуги. Я бы предпочел, чтобы мой сын был хорошим мусорщиком, ежедневно работающим над поддержанием чистоты и порядка в городе, чем "заслуженным" адвокатом, ведущим нечестные дела; "успешным" политиком, погрязшим в коррупции; "популярным" врачом, эгоистично обманывающим своих пациентов; или "красноречивым" и "дорогим" священником, самодовольно восхваляющим

себя и произносящим с кафедры бессодержательные банальности в высокопарных фразах. "Рутинная работа" - это божественное сравнение с этими профессиями, когда они деморализованы.

И принцип всего, что я сказал, применим как к девочкам, так и к мальчикам. Я бы предпочла, чтобы мои дочери умели мыть пол, печь хлеб, стирать и чинить белье, чинить одежду мальчиков, вязать, шить, ухаживать за огородом и цветами, а не натягивать "Пражскую битву" или "Девичью молитву", без чувства и выражения, на полунастроенном пианино. Первые занятия святы и достойны по сравнению с притворством вторых. Мне нравится видеть девушку в фартуке, сильную, здоровую, волевою, полезную, способную, занятую полезной работой по дому, и если бы у наших молодых людей была десятая часть того чувства, которое они должны иметь, они бы охотились за такими девушками, чтобы те стали их женами и матерями их детей, а не за изящными, белолицыми, с осиной талией, наманикюренными куклами, которые годятся только для того, чтобы на них смотрели.

У меня нет желания делать из умных женщин или девочек вьючных лошадей или рабов, но я не могу не задать им вопрос: "Кем бы вы предпочли быть: достаточно сильной, чтобы выполнять любую так называемую рутинную и трудоемкую работу, и наделенной прекрасным здоровьем, или слабой и тщедушной, чтобы жить в легкости и роскоши, к которой, кажется, стремится большинство женщин и девушек?" И на основании ответа на этот вопрос я должен вынести свое суждение о мудрости, интеллекте и пригодности к выполнению жизненных обязанностей отвечающего. Нет в женщине достоинства выше, чем достоинство быть способной лично (при необходимости) позаботиться обо всех физических нуждах своих домочадцев; нет очарования выше, чем очарование силы в сочетании с великодушной, женской сладостью, используемой на радость другим; нет утонченности выше, чем утонченность великолепной здоровой женщины, излучающей физическую, умственную и духовную жизнь на всех, кто попадает в сферу ее влияния.

ГЛАВА X ИНДЕЕЦ И ДИЕТА

Человек во многом зависит от того, что он ест. Действительно, многие научные специалисты сегодня говорят нам, что определение пола в значительной степени является результатом пищи, съеденной будущей матерью, так что в зависимости от того, что мать ест, нерожденный ребенок становится мужским или женским. Плосс в своем известном труде "*О том, как определить, что дети питаются урсаханом*", Дюсинг в своей кропотливой работе "*О регулировании процессов питания людей, растений и животных*" и Вестермарк в "*Истории человеческого брака*" убедительно доказывают на основе тщательного изучения реальных экспериментов, что пол ребенка в значительной степени определяется количеством и качеством питания, поглощаемого матерью. Следовательно, не будет слишком сильным утверждение, что мужчина в значительной степени является результатом его (или его матери) питания.

На первый взгляд многим моим читателям покажется глупым обращаться к индейцам за идеями о питании, но я думаю, что могу доказать, более убедительно, чем ученые, чьи книги я назвал выше, могут доказать свои теории, что у индейцев есть много идей о питании, которые белая раса может изучить к своей большой выгоде.

ЖЕНЩИНА ХАВАСУПАИ ПЕЧЕТ ХЛЕБ НА ОТКРЫТОМ ВОЗДУХЕ.

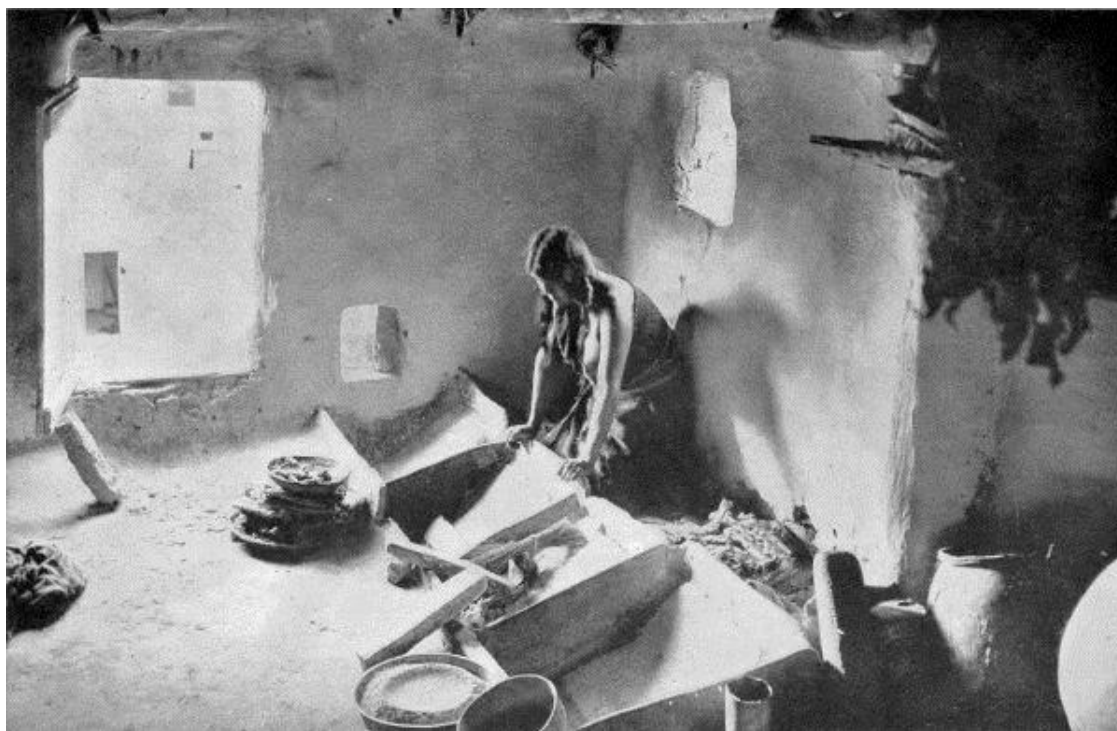
Прежде всего, нормальный абориген, до того как он начал использовать продукты белого человека, был вынужден жить на сравнительно простой диете. Его выбор был ограничен, а кулинария проста. И все же он жил в полном здравии и силе. С небольшим количеством статей диеты, и эти из самых простых характер, приготовленные в самых простых и простых способов, он достиг энергичность, прочность, что ставит в стыд силу и мощь цивилизованных людей. Почему? Причины искать далеко не надо. В простоте питания кроется безопасность. Мы едим не только слишком много, но и слишком разнообразно, и каждый студент-диетолог знает, что чем больше разнообразие, тем больше вероятность того, что будет съедено слишком много. Индеец, живущий простой жизнью, был вынужден довольствоваться кукурузой, бобами, тыквами и дынями со своих полей, персиками из своих садов, семенами дикой травы, орехами, фруктами и кореньями, которые он или его скво могли собрать, а также продуктами из ловушек или погони. Таким образом, рацион был ограничен. У него не было ни большого выбора, ни обширного меню на каждый прием пищи. Чем меньше меню, тем меньше, как правило, съедает любой человек, будь то индеец или белый. Расширенное меню - это сплошные соблазны для переедания. Простое меню индейцев предотвращало обжорство. Несомненно, стоит вспомнить, что когда у великого Бисмарка пошатнулось здоровье, врачи не дали ему никаких других предписаний по поводу питания, кроме того, что он должен есть только один вид пищи за один прием. Это аксиома диетологии: чем меньше разнообразия, тем меньше человек ест. В больном состоянии здоровье часто может быть восстановлен путем предоставления желудка и ассимилятивных органов меньше работы, чтобы сделать.

Среди индийской расы диспепсия практически неизвестна. Такое здоровое состояние во многом объясняется тем, что у них небольшое разнообразие пищи. С другой стороны, достаточно взять в руки любую ежедневную газету, чтобы увидеть положительные доказательства диспепсического состояния "величайшей нации мира" среди белой расы. Существует бесконечное множество лекарств от диспепсии. Сиропы, таблетки, дозы, которые действуют, пока вы спите, и допинги, которые работают внутри и снаружи. Миллионы долларов ежегодно тратятся только на рекламу этих проклятых доказательств нашего идиотизма или обжорства, или того и другого вместе. Тысячи нострумов размахивают своей проклятой и проклятой ложью перед лицом "высшей расы"! И аптеки на каждом углу наших больших городов демонстрируют, насколько велик спрос на эти абсолютные доказательства наших гнусных диетических привычек. Каждая принятая таблетка, каждый проглоченный нострум - это положительное доказательство нашего невежества, или обжорства, или доверчивости, а возможно, и того и другого. В 1905 году на покупку патентованных лекарств было потрачено семьдесят пять миллионов долларов, каждый цент из которых был потрачен хуже, чем впусую.

До прихода белой расы и извращения - простите, цивилизации - что "нецивилизованный индеец" знал о патентованных лекарствах? Что он знал о болезнях, которые эти нострумы должны были лечить? Ничего! Он был так же невежественен в одном, как и в другом. В своей родной дикой природе он был здоров и силен; только с тех пор, как ложная цивилизация направила его по ложному пути, он настолько деградировал, что нуждается в подобных соединениях.

Так давайте же забудем о нашей цивилизации - об этой ее части - и откажемся от наших физических недугов и патентованных нострумов, вернувшись к простой, естественной, ограниченной диете. За один этот курс процедур будет найдено больше восстановленного здоровья, чем все врачи мира могут дать за десятки лет. Давайте научимся есть немного еды, причем такой, чтобы она правильно перемешивалась и не перегружала желудок в процессе переваривания.

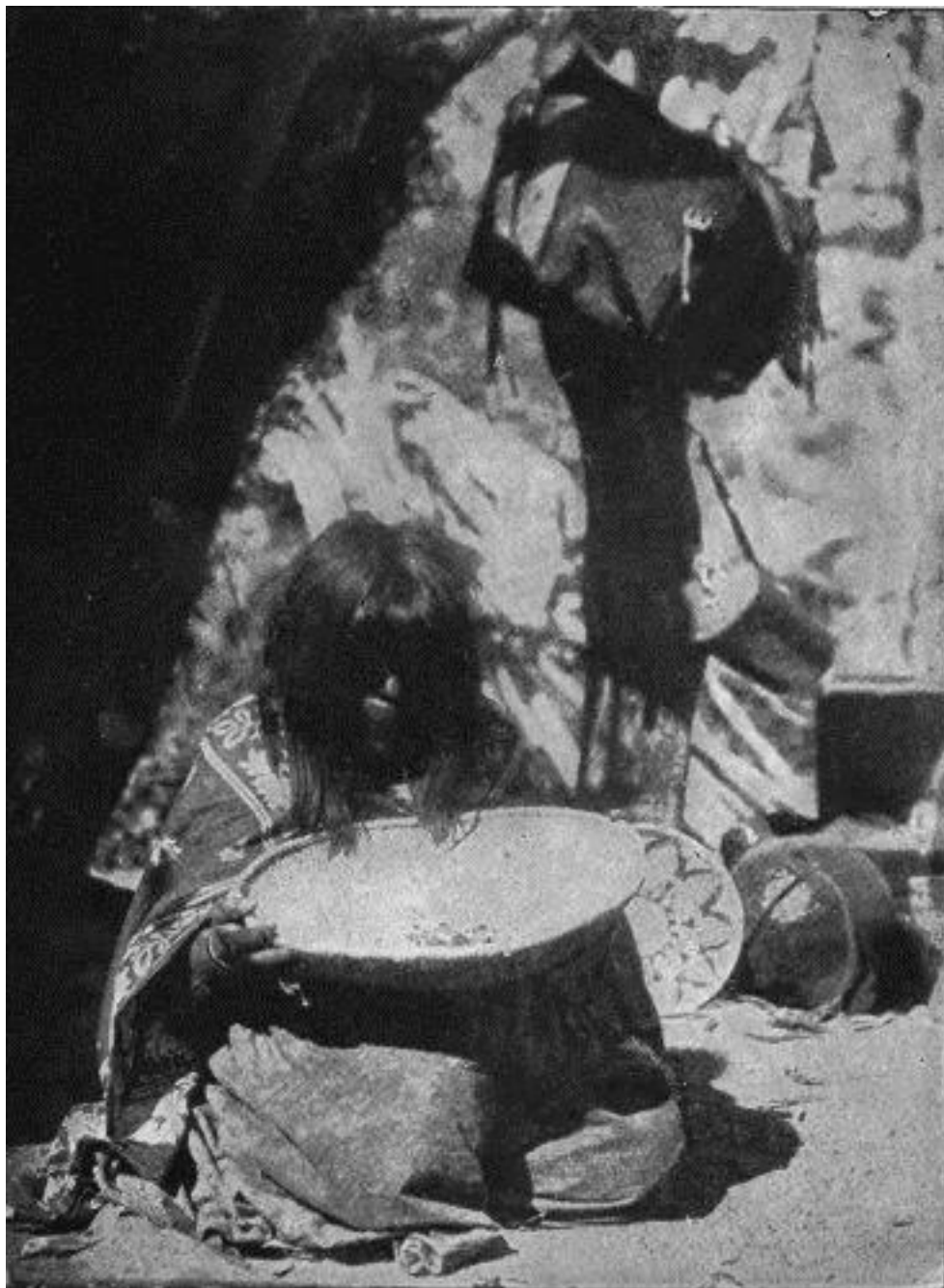
Когда я сажусь за нагруженные столы моих богатых друзей или за столы первоклассных отелей страны, я иногда обнаруживаю, что мой рассудок сильнее моего извращенного аппетита. В такие моменты я просматриваю счет на оплату. Я вижу десять или дюжину блюд, начиная с коктейлей, устриц и рыбы и заканчивая мороженым, фруктами и винами. Здесь есть мясо и овощи, орехи и фрукты, вареные и невареные, выпечка и желе, супы и кофе, вина и специи, соусы, приправы и приправы, и все это вызывает у меня более или менее сильное отвращение, и я скупое ем только два или три блюда. В другое время, увы, мой аппетит берет верх, и я "иду в ногу" с остальными. Итак, , когда все эти вещи, так искусно приготовленные, так изысканно поданные, так "красиво" съеденные, оказываются в желудке, позвольте мне спросить (без всякого желания обидеть): Есть ли хоть малейшая разница в содержимом желудка такого человека и желудка свиньи, наполненного пойлом? В первом случае это коктейль и икра, оливки и сельдерей, устрицы и суп, рыба и антреме, блюдо и жаркое, дичь и пунш, мороженое и сыр, выпечка и фрукты, орехи и крекеры, с водой, кофе, чаем или вином, чтобы разбавить все это, все по отдельности, но теперь смешанные в одну ужасную кашу внутри, а в случае со свиньей они были сначала смешаны и проглочены вперемешку, а не "курсами".

ЖЕНЩИНА ХОПИ, С ЧАСТИЧНО ОБНАЖЕННЫМ ТЕЛОМ, ПЕРЕМАЛЫВАЕТ КУКУРУЗУ В КОРЫТЕ.

О мужчины и женщины белой расы, представители высшей цивилизации, откажитесь от такого обжорства и размножения болезней! Вернитесь к индейской простоте в питании. Узнайте, что такое "низкий образ жизни и высокое мышление". Перестаньте ублажать свои чувственные аппетиты и кормить желудки за счет разума, да, и за счет души, ибо мужчины и женщины, живущие таким образом постоянно, обычно становятся эгоистами, равнодушными к страданиям других, "гордыми желудками" - что значит гораздо больше, чем кажется, - и неспособными на более тонкие чувства.

Это далеко не все, чему индеец может научить нас в отношении диеты. Хотя временами он ест все, что попадется под руку, а также наедается до отвала, в нормальном состоянии он ест медленно и тщательно пережевывает пищу. С тех пор как Горацій Флетчер написал свои самые интересные и полезные книги о диете и жизни, термин "fletcherizing" стал почти универсальным среди вдумчивых людей, чтобы выразить жевание до точки разжижения. Но я был знаком с "fletcherizing", прежде чем я когда-либо слышал о мистере Флетчер. Индейцы с их пересохшей кукурузой за много лет до этого научили меня пользе тщательного и полного пережевывания пищи. Я отправился с группой индейцев в тяжелый недельный поход, не имея с собой ничего, кроме пересохшей кукурузы и нескольких изюминок. Ее жевали, жевали и жевали по часу, горсть зерен составляла отличную пищу и тщательно питала совершенные тела этих выносливых атлетов, которые не знали ни боли, ни усталости, не задумываясь переносили лишения и трудности.

МОЯ ХОЗЯЙКА ИЗ ПЛЕМЕНИ ХАВАСУПАИ ПАРИТ КУКУРУЗУ В КОРЗИНЕ.

Заметный и замечательный эффект от тщательного пережевывания пищи заключается в том, что он снижает аппетит на 10-15 процентов, а желание есть мясо - на 30-50 процентов. Чем больше мы жестикулируем, тем меньше нам хочется есть, и тем более нормальным становится наш аппетит. Это само по себе желанная вещь, ведь гораздо легче не иметь ненормального аппетита, чем контролировать его, когда он уже овладел нами.

Кроме того, хотя индейцы часто едят до отвала, и на своих пирах предаются отвратительному обжорству, они умеют поститься спокойно и невозмутимо. Я не готов утверждать, что они постятся добровольно - за исключением тех случаев, когда неофиты ищут необычных способностей или даров от Высших - но я знаю, что несколько раз я был с ними, когда пост был обязателен из-за нехватки пищи, и они принимали это условие без ропота. Я знаю одного очень известного врача в Сан-Франциско, имеющего обширную практику, который

выкачивает пищу из желудков нескольких своих чревоугодников после сытных французских обедов. В защиту своего метода он говорит, что его пациенты не стали бы его слушать, если бы он посоветовал поститься хотя бы один раз, но они готовы позволить ему удалять пищу после еды и глотать безвредный "допинг", который он им дает, потому что это легко и не требует самоконтроля.

Я знаю силу аппетита; я знаю, как трудно есть только то, что разум подсказывает нам, что это лучше. Я знаю, как трудно есть медленно и тщательно пережевывать пищу, но я также знаю, что все это необходимо для того, чтобы иметь прекрасное здоровье. Поэтому, несмотря на то, что я нередко впадаю в старые привычки, я упорно отстаиваю добро перед злом и учу добру других в надежде, что в моем случае добрый путь станет самым легким, а в случае молодых людей, которые меня слушают, они смогут узнать лучший путь прежде, чем попадут на злой путь.

Есть еще одна вещь, которой белая раса могла бы научиться у индейцев, - это то, что привычное употребление плоти не является необходимым для здоровья. Когда капитан Кук посетил маори Новой Зеландии, он нашел их совершенно здоровыми людьми, и, по его словам, он не заметил ни одного человека, у которого были бы какие-либо телесные жалобы. Среди тех, кого видели обнаженными, не было замечено ни малейших высыпаний на коже, ни малейших следов, указывающих на то, что такие высыпания раньше существовали. Как говорит доктор Кресс:

"Еще одним доказательством здоровья этих людей была быстрота заживления ран, которые они получали в любое время. У человека, которого ранили мушкетной картечью в мясистую часть руки, "рана казалась хорошо переваренной и так хорошо заживала, - говорит капитан, - что если бы я не знал, что к ней не прикладывали никаких средств, то с очень интересным любопытством стал бы расспрашивать о целебных травах и хирургическом искусстве этой страны".

"Дополнительным доказательством здоровья новозеландцев, - говорит он, - является большое количество стариков, которых можно встретить среди них. Многие из них выглядели очень древними, но *ни один* из них *не* был дряхлым. Хотя они не были равны молодым в мускульной силе, они ничуть не отставали от них в отношении бодрости и жизнерадостности".

К моменту прихода капитана Кука маори были практически вегетарианцами; на островах не было ни домашних, ни диких животных, поэтому они не могли быть плотоядными.

Хотя наши индейцы юго-запада иногда едят некоторые виды плоти, в целом они вегетарианцы. Навахо почти никогда не едят мяса в своем первобытном состоянии, и они горды, независимы, высокодуховны, энергичны, здоровы и сильны. То же самое можно сказать о хавасупаи и валлапаи, а также о большинстве аборигенов этого региона. Апачи также в основном вегетарианцы, но при этом известны как свирепый и воинственный народ. Они свирепы, когда возбуждены, но когда дружелюбны, добродушны, честны, надежны и хорошие работники, сильны, атлетичны, энергичны и здоровы. Эти факты свидетельствуют о том, что мясо не является необходимостью. Мясо - это еще один фетиш цивилизации белой расы, перед которым мы склоняемся в невежественном поклонении. По моему мнению и в результате моих наблюдений и опыта, мир был бы намного лучше, если бы мы вообще не ели мяса. Лично я никогда не чувствую себя так хорошо физически, а мой мозг так активен, как при вегетарианском образе жизни, хотя, когда я оказываюсь за столом мясоедов, я ем все, что попадется, и делаю из этого все возможное.

Опыт тысяч здоровых и энергичных белых мужчин показывает, что мясо не является необходимым для наивысшего развития. Уэстон, великий пешеход, одновременно трезвенник и вегетарианец; Бернарр Макфадден и несколько его мускулистых помощников - практические вегетарианцы; спортсмены, бизнесмены, юристы, судьи, врачи, священнослужители и многие другие свидетельствуют о благотворном влиянии вегетарианской диеты. Сегодня в цивилизованном мире нет человека, который работал бы так же упорно и непрерывно, как физически, так и умственно, как доктор Дж. Х. Келлог из санатория Батл-Крик. Он строгий вегетарианец и редко ест больше одного раза в день. При этом он работает от 16 до 20 часов ежедневно, редактирует два журнала, постоянно пишет для научных журналов и периодических изданий, ведет обширную переписку, является главой бизнеса величайшего санатория в мире, ежегодно консультирует тысячи пациентов и ежедневно следит за их состоянием, читает множество лекций, постоянно экспериментирует с продуктами питания и хирургическими приборами, изобретает новые инструменты и методы лечения болезней, и в то же время проводит больше хирургических операций, возможно, с меньшими летальными исходами, чем любой другой хирург в стране. Кроме того, он является президентом медицинского колледжа и преподавателем для студентов, читает множество лекций для медико-миссионерских классов и при этом находит время и силы, чтобы советоваться с десятью или пятнадцатью детьми, которых он принял в свой дом и сделал своими, руководить их воспитанием и дарить личную любовь.

Вот еще один пункт, который дополняет написанное мною:

"Внимание медиков недавно привлек случай с Густавом Нордином, выносливым шведом, который на собственном каноэ проплыл из Стокгольма в Париж, добравшись туда в добром здравии после долгого путешествия, во время которого он питался яблоками, молоком, водой и хлебом.

"Нью-Йорк Геральд" утверждает, что это опасное и трудное путешествие было предпринято шведом, чтобы показать, чего может добиться человек, отказавшийся от мяса, чая, кофе, вина, пива, крепких напитков и табака. Он гордится тем, что затмил тех "вегетарианцев", которые продолжают употреблять чай и приправы.

"Когда Нордин оказался в Америке в возрасте восемнадцати лет, он страдал от диспепсии настолько, что не мог принимать обычную пищу. Поэтому он начал питаться фруктами, в основном яблоками, благодаря чему достиг своего нынешнего крепкого здоровья".

Так что, мясоеды, пьющие алкоголь и спиртное представители белой расы, отбросьте свою высоколобость и гордыню, свои диетические ошибки и нездоровье, в одно и то же время, и идите и учитесь у индейцев простоте питания, мудрому ограничению рациона, тщательному и тщательному пережевыванию пищи, и воздержанию от всех плотских продуктов.

ГЛАВА XI ИНДЕЕЦ И ОБРАЗОВАНИЕ

Если брать все в целом, то, пожалуй, я больше верю в систему образования индейцев, чем в нашу собственную, - я имею в виду, в заложенные в нее принципы. Наше образование - это в основном книжное образование. Мы учим по книгам, мы учимся по книгам, мы черпаем свои идеи из книг". Ответ Хоакина Миллера Элберту Хаббарду, который мы уже цитировали, многим кажется глупым замечанием. Но я вижу в нем глубокую мысль. Это был протест поэта против слишком большого использования книг. Он считает книги губительными для индивидуального мышления. Он утверждает, что книги тормозят и мешают мыслить, что мы

читаем не для того, чтобы стимулировать мысль, а для того, чтобы ее заглушить. И, несомненно, чрезмерное чтение и зависимость от книг омертвляют и разрушают не только мысль, но и, увы! что еще хуже, способность предаваться индивидуальным размышлениям. Поэтому книги часто становятся помехой и проклятием, а не помощью и благословением.

У индейцев нет книг. Хотя у него есть традиции и легенды, мифы и сказания, у него нет письменности. Все, что есть, в отличие от всего, что предполагается, в его жизни должно быть познано лично, путем индивидуального контакта с самими вещами. Ботаника - это изучение цветов, а не слов о цветах. Есть только один способ по-настоящему изучить ботанику - это выйти в поле, где перед нами растет цветок. Его нужно видеть изо дня в день, с момента посадки до распускания. Все его развитие должно быть известно и понятно. Свойства плодов, корней, стеблей, листьев для пищевых, лекарственных, производственных и других целей - все это связано с изучением. Хорошо знать названия растений, названия всех частей растений, семейства и виды, к которым они принадлежат, но эти последние вещи, как бы важны и интересны они ни были, являются лишь вторичными или третичными по сравнению с первичными личными и интимными знаниями, о которых я говорил.

Тем, кто считает индейцев необразованными, стоит прочитать книгу Чарльза Истмена (*Охийеса*), рассказывающую о его детстве, проведенном с родителями, бабушкой и дедушкой сиу. Истмен - полнокровный сиу, и хотя впоследствии он получил образование в Дартмутском колледже, своими трудами и словами он все еще показывает, насколько почитает своих мудрых учителей, живших под открытым небом и в лесу.

Дело в том, что в вопросах, касающихся личной наблюдательности, индейские дети намного опережают наших самых умных и сообразительных детей; они замечают малейшие отклонения от обычного порядка. Кто не знает о способности индейцев к слежке. Я знаю навахо, мохавов, хопи, хавасупаев и других, которые с безошибочной точностью пойдут по самому тусклому следу и расскажут вам в деталях о действиях человека или животного, идущего по следу. Это удивительно полезное образование, которое было бы хорошо дать нашим собственным детям. В самом деле, я уже много лет говорю, как частным образом, так и публично, и здесь я повторяю это, что если бы мои дети были обучены наблюдать и размышлять над тем, что они наблюдают, то мне было бы все равно, если бы они никогда не ходили в школу, пока не вырастут до юношеского и женского возраста.

Этот острый, хотя и необычный мыслитель, Эрнест Кросби, в одной из своих книг, представил следующее, что полностью соответствует моим идеям и говорит о том, что я имею в виду в отношении индейцев:

ОБРАЗОВАНИЕ

Вот два образованных человека.

Один из них немного знает латынь и греческий;

Другой знает речь и повадки лошадей и скота и дает им пищу в положенное время.

Один знаком с корнями существительных и глаголов;

Другой может рассказать вам, как сажать и копать картофель, морковь и репу.

Один по часу барабанит на пианино, наводя ужас на соседей;

Другой - знаток жнеца и переплетчика, что наполняет мир добрым весельем.

Один знает или забыл высшую тригонометрию и дифференциальное исчисление;

Другой может подсчитать, сколько бушелей ржи стоит на его поле и сколько бочек нужно купить для яблок на деревьях в его саду.

Один понимает химическое сродство различных ядовитых кислот и щелочей;

Другой может приготовить наваристый суп или восхитительный пудинг.

Один безразлично рисует пейзаж;

Другой может покрыть крышу черепицей и построить сарай для себя, как рабочий.

Один слышал о Платоне и Аристотеле, Канте и Комте, но знает о них очень мало;

Другой же никогда не утруждал себя подобными знаниями, но первое и последнее слово философии - "любить" - он усвоит гораздо быстрее, ручаюсь вам, чем его сосед, получивший высшее образование.

Ибо все же верно, что Бог скрыл сие от мудрых и разумных и открыл младенцам.

Таковы два образования:

Какое из них выше, а какое ниже?²

² Из книги "Простая речь в псалмах и притчах", автор Эрнест Кросби.

БАБУШКА НАВАХО С РЕБЕНКОМ, КОТОРОГО ОНА ЛЮБИТ И ВОСПИТАНИЕМ КОТОРОГО ОНА БУДЕТ РУКОВОДИТЬ.

Я не хочу, чтобы подумали, будто я выступаю против любого систематического и книжного образования, даже по нашему нынешнему плану или при нашей нынешней системе. Мой протест не столь широк и всеобъемлющ. Основными положениями, на которых я основываю свою оппозицию, являются:

1. Мы не уделяем достаточного внимания физическому здоровью наших учеников, придавая ему второстепенное, третьестепенное или четвертьстепенное значение, а зачастую и вовсе не уделяя ему ни малейшего внимания; оставляя его абсолютно самостоятельно регулировать, тогда как оно должно быть первой, главной, определяющей целью и объектом всего образования.

В тот самый день, о котором я пишу, я сидел за столом профессора. Он - выдающийся педагог в одном из крупных городов Запада. Мы завтракали. Он жаловался на несварение

желудка. По мере того как он ел, я видел, что его язык покрыт морщинами, а губы шершавые и огрубевшие, как при расстройстве желудка. Он угостился кашей - в четыре раза больше, чем положено здоровому человеку, и за гораздо меньшее время, чем мне понадобилось, чтобы написать это, он "запихнул" ее в себя и "проглотил". (Слова в кавычках использованы обдуманно, и они правдивее описывают абсолютный факт, чем любые другие слова, с которыми я знаком).

Он выпил два стакана теплого молока от коровы и съел французский хлеб, разогретый в духовке и намазанный маслом. Накануне вечером он открыл банку сардин, - как он сказал, "чтобы посмотреть, что можно есть", - и после каши съел несколько штук. Затем горничная принесла бекон, жареные яйца и кофе, и он "поступил по справедливости". Он все еще удивлялся, почему его мучает несварение желудка, а его бедная жена передала из своей спальни, что сожалеет, что не может увидеть меня снова, так как сильно страдает от одной из своих "обычных" головных болей. Мой собственный завтрак состоял из небольшой порции каши, горячего хлеба (другого не было) и холодного молока. Я чувствовал себя хорошо и счастливо после своего экономного обеда, в то время как он признался, что не только чувствовал себя тяжелым и "бревенчатым", но *и не был удовлетворен* тем, что съел, - явное доказательство ненормального аппетита и нарушения работы пищеварительной системы.

ПОЖИЛОЙ ПЛЕТЕЛЬЩИК КОРЗИН ИЗ ПЛЕМЕНИ КОАУИЛЬЯ.

Стоит ли ожидать, что, если наши учителя сами настолько невежественны в отношении первых принципов здоровой диетологии, наши студенты должны знать больше? Вся наша система питания неправильная. Мы едим все и все, что наши вкусы, часто извращенные и развращенные требования, и мы никогда не задавать себе вопрос, является ли еда хорошая, или наши методы питания его мудрым и правильным. В моей главе об индейцах и диете я обсуждаю этот вопрос более подробно, но в этой связи я упоминаю о нем как об одном из больших недостатков нашей системы образования.

2. Мое второе предложение заключается в том, что мы держим наших студентов в помещении все время, - как устоявшийся, установленный обычай, - с периодическими короткими периодами на открытом воздухе, вместо того, чтобы изменить дело и *держат их на открытом воздухе все время*, с периодическими короткими периодами в помещении.

Зачем держать детей или студентов университета в помещении? Хотя в зимнем климате востока жизнь на свежем воздухе не так возможна, как на теплом западе, там, несомненно, можно проводить гораздо больше времени на улице, чем сейчас. Мы гордимся своей прогрессивностью в обучении, но в Германии это делают гораздо лучше. Педагогические и медицинские власти Берлина организовали лесную школу для городских детей из переполненных районов Берлина и Шарлоттенбурга. На широкой поляне 150 детей занимаются вне дома - обычная школьная процедура, с удовольствием дополненная изучением природы из первых рук. Рабочие часы короткие, а свежий воздух и физические упражнения имеют первостепенное значение. Дети сами готовят себе обед на костре, а их парты, сиденья и навесы сделаны из древесины, срубленной для создания поляны. В час дня все они должны вздремнуть в течение часа, для чего каждому ребенку выдается одеяло и кресло-шезлонг.

Это шаг в правильном направлении. Наши школы ежегодно обходятся стране в миллионы долларов. Конечно, мы вправе требовать, чтобы в обмен на это они давали здоровье нашим детям, а не портили его в стольких случаях, как это происходит сейчас.

В Японии школы под открытым небом - довольно распространенное явление, особенно когда цветут вишневые и сливовые деревья.

В Лос-Анджелесе, штат Калифорния, в одном из бизнес-колледжей многие занятия проводятся под открытым небом, и я верю, что придет время, когда это станет правилом во всех школах, а не исключением.

Я прекрасно понимаю, что существует опасность того, что эти заявления будут восприняты слишком буквально. Они должны восприниматься как широкие и общие заявления. Я считаю, что в нашем нынешнем состоянии мы *живем* в помещении и *выходим за дверь от случая к случаю*. Я бы хотел, чтобы это утверждение было обратным. Мы должны *жить вне дома и время от времени выходить в него*.

Тот же здравый смысл и рациональный подход к моим словам должны быть применены ко всему, что я говорю о воспитании вне дома. Разумеется, я не настолько глуп, чтобы полагать, будто вся образовательная, научная или любая другая работа может быть выполнена вне дома. Хотя я не профессор колледжа и никогда им не стану, хотя я не научный эксперт и никогда им не смогу стать, хотя я не являюсь во многом тем, кем являются другие люди, я знаю достаточно - наблюдал и видел достаточно - чтобы понять, что деликатные эксперименты самого разного рода требуют самого строгого уединения в помещении для их успешного проведения. Но это не меняет моих общих положений, а именно: здоровье студентов имеет большее значение, чем любое образование, получаемое в школах или колледжах; что жизнь на свежем воздухе более благоприятна для здоровья студентов, чем жизнь в помещении, и что, поэтому, *где это возможно*, все образование должно даваться вне дома.

АЛЕУТСКАЯ КОРЗИНЩИЦА. ЭТИ ЖЕНЩИНЫ ДЕЛАЮТ САМЫЕ ИЗЫСКАННЫЕ КОРЗИНЫ В МИРЕ.

3. В результате этой закрытой схоластической жизни мы довольствуемся тем, что учим наших детей по книгам, которые в лучшем случае являются лишь забальзамированными знаниями, консервированной информацией, сухими костями знаний, словами о вещах, вместо того, чтобы привести их в контакт (насколько это возможно и практически осуществимо) с самими вещами. Я верю в книги; я верю в образование; я верю в школы, в колледжи, в университеты, в учителей, профессоров и докторов наук; но я не верю в них так, как, кажется, верит большинство представителей белой расы, то есть как в благо само по себе. Они хороши только в том смысле, что являются инструментами добра для детей, отданных на их попечение. Правильное воспитание одного ребенка стоит миру больше, чем все школы, колледжи и университеты, которые когда-либо были построены. Один Майкл Анджело, один Савонарола, один Франциск Ассизский, один Лютер, один Агассис, один Одюбон стоят для мира больше, чем все школы, которые когда-либо были или когда-либо будут. И если, используя наши нынешние несовершенные и нездоровые школьные методы, мы убьем в детстве хоть одну такую великую душу, мы нанесем человеческому роду непоправимый вред. Давайте отведем школе положенное ей место, и это место будет второстепенным по отношению к ее первооснове - ребенку. Школа существует для ребенка, а не ребенок для школы. В нынешнем виде мы закладываем пластичный материал, из которого должна быть сформирована наша нация, в форму наших школ, и, невзирая на последствия, безразлично относясь к личностным уравнениям в каждом ребенке, игнорируя всякую индивидуальность и личность, машина работает дальше, штампуя этот материал души и разума одним и тем же штампом, отливая его в одной и той же форме, закаляя в огне по одному и тому же образцу, так что он выходит на свет так же, как кирпичи выходят из печи, однородный, обычный, одинаковый, возможно, красивый для незрячего глаза, но разрушенный, испорченный, проклятый, насколько это касается активной, личной, индивидуалистической жизни и работы. Единственные человеческие кирпичи, которые когда-либо становятся чем-то

стоящим, когда наша образовательная мельница их выточит, - это те, что сделаны из огнеупорной глины, - неполные, сломанные, перекрученные, те, которые не хотят или не могут быть вылеплены по установленному образцу.

Вот почему я так против наших нынешних методов. Пусть у нас будет меньше уроков из книг, а больше знаний, полученных путем личного наблюдения; меньше чтения и зубрежки, а больше размышлений; меньше страниц прочитанных книг, а больше результатов и выводов, полученных из личного опыта общения с вещами высокими и низкими, одушевленными и неодушевленными, которые привлекают внимание и ум *вне дома*; и, прежде всего, полное прекращение всякого умственного труда, когда тело не в лучшем состоянии. Скученность больных и больных детей - более жестокое и зверское явление, чем истребление невинных Иродом, и настолько ненужное и бесполезное, что глупцы не могут сделать ничего хуже. Что толку в образовании больного человека, особенно когда болезнь является результатом образовательного процесса. Боже, избавь нас от подобного образования!

Несомненно, мне скажут, что мои идеи неосуществимы. Я знаю, что они есть и всегда будут таковыми для тех, кто ценит "систему" больше, чем ребенка. Допустим, что в холодную и сырую погоду ученики не могут часто выходить из дома. Тогда откройте все двери и все окна и посвятите это время маршировке, физическим упражнениям, глубокому дыханию, чему угодно - даже скачкам, - а не зубрежке и изучению заданного количества страниц, в то время как вдыхаемый воздух нечист, нездоров, активно отравляет. Когда наши образовательные методы таким образом вмешиваются в здоровье ребенка, я навсегда и безоговорочно выступаю против них. Мы предпочли бы иметь нацию здоровых и счастливых детей, вырастающих в здоровых и счастливых мужчин и женщин, пусть даже лишенных многих книжных знаний, чем бескровную, анемичную, несчастную нацию, пусть даже наполненную всеми знаниями веков. Дайте мне и мне, каждый раз, физическое и душевное здоровье и счастье, даже если мы никогда не разобрали ни одного предложения, не определили семейства и латинского названия ни одного цветка, не выяснили решения одной единственной задачи по алгебре.

4. Мое четвертое предположение заключается в том, что в результате этого закрытого обучения по книгам наши дети не учатся думать самостоятельно, а ожидают и требуют, чтобы они принимали идеи авторов, - часто, более того, они должны заучивать точные слова из книг. Этого уже достаточно, чтобы осудить всю систему. Мы могли бы позволить себе не иметь ни школ, ни колледжей, ни даже книг, чем нацию, которая, как утверждается, образована, но члены которой не научились думать самостоятельно.

5. Таким образом, в качестве вывода я вынужден признать, что в гораздо большей степени, чем мы готовы признать, наша система образования поверхностна, представляет собой процесс заучивания вместо процесса *вытягивания-выведения*, образовательного процесса, и никакое так называемое образование не может быть действительно эффективным, действительно полезным, которое таким образом инвертирует естественные требования ума. И когда наша система игнорирует физическое здоровье ученика, независимо от его возраста, это преступная, порочная, расточительная система, которую лучше поскорее реформировать или упразднить.

Все эти идеи - практически результат моего общения с индейцем и наблюдения за его методами обучения. Его жизнь и жизнь его семьи за пределами дома окрашивает все, чему он и они учатся. Я думаю, что это был Джон Брисбен Уокер, который однажды написал рассказ, когда он редактировал и владел "*Космополитен*", о людях из колледжа, хорошо образованных в академическом смысле, которые потерпели кораблекрушение в море. Он

показал беспомощность и безнадежность их ситуации из-за их неспособности взять себя в руки и что-то сделать. Индеец может приложить руку к чему угодно. На улице мало что может его испугать. Он знает, как развести костер в дождь, где спать в бурю, как выследить убегающее животное, как поймать рыбу, плотву или птицу, где искать семена, орехи, ягоды или корни, как стреножить лошадь, если у нее нет веревки, - то есть как сделать веревку из кактусовых колючек, как стреножить лошадь, если нет ни дерева, ни куста, ни забора, ни ольхи, ни *чего-либо*, к чему ее можно привязать. Какой студент знает, как привязать лошадь к яме в земле? И все же я видел, как это делает индеец, и сам делал это несколько раз.³ Он знает, как найти воду, когда в округе ее нет, а *образованный* белый человек погибает от ее отсутствия, и он знает тысячу и одну вещь, которую белый человек никогда не узнает.

³ См. "Indians of the Painted Desert Region", Little, Brown, & Company, p. 15.

Как я покажу в главе об индейцах и искусстве, индейская плетенка намного превосходит белую женщину с высшим образованием в изобретении художественной формы, художественном оформлении, разнообразии стежков или плетений, цветовых гармониях и цифровой ловкости, или способности заставить пальцы и руки повиноваться велениям мозга.

Образование ни в коем случае не сводится к заучиванию книг. Это дисциплина глаза, руки, мышц, нервов, всего тела, чтобы подчиниться диктату высшего суждения, с целью достижения наилучшей жизни, самой счастливой, самой здоровой и самой полезной, и если это определение вообще верно, то я полностью уверен, что если мы введем в наши методы цивилизованного образования решение трех пятых индийских методов, мы дадим нашей расе неизмеримо больше счастья, больше здоровья и больше пользы.

ГЛАВА XII

ИНДЕЕЦ И ГОСТЕПРИИМСТВО

Еще одна вещь, которой, как мне кажется, мы могли бы поучиться у индейца, - это его гостеприимство. Слишком часто в нашей так называемой цивилизации гостеприимство вырождается в экстравагантное, расточительное, вредное хвастовство. Я не возражаю против церемониального гостеприимства в торжественных случаях, против тщательно продуманных блюд и всего, что к ним прилагается. Но в наших повседневных домах, когда друзья зовут нас на обед или в гости на неделю, не будет истинным гостеприимством дать им почувствовать, что мы перегружаем себя работой, чтобы накормить и развлечь их. Когда у человека много слуг, переутомление, возможно, и не ощущается, но приготовление и подача "особо изысканных" блюд должны рассматриваться как неискоренимое зло, которое следует прекратить.

ИНДЕЕЦ НАВАХО ОЖИДАЕТ, ЧТО ВЫ ПРИМЕТЕ УЧАСТИЕ В ЕГО ПРОСТОМ ГОСТЕПРИИМСТВЕ В ПУСТЫНЕ.

В ДОМЕ ГОСТЕПРИИМНОГО НАВАХО В ТОХАТЧИ.

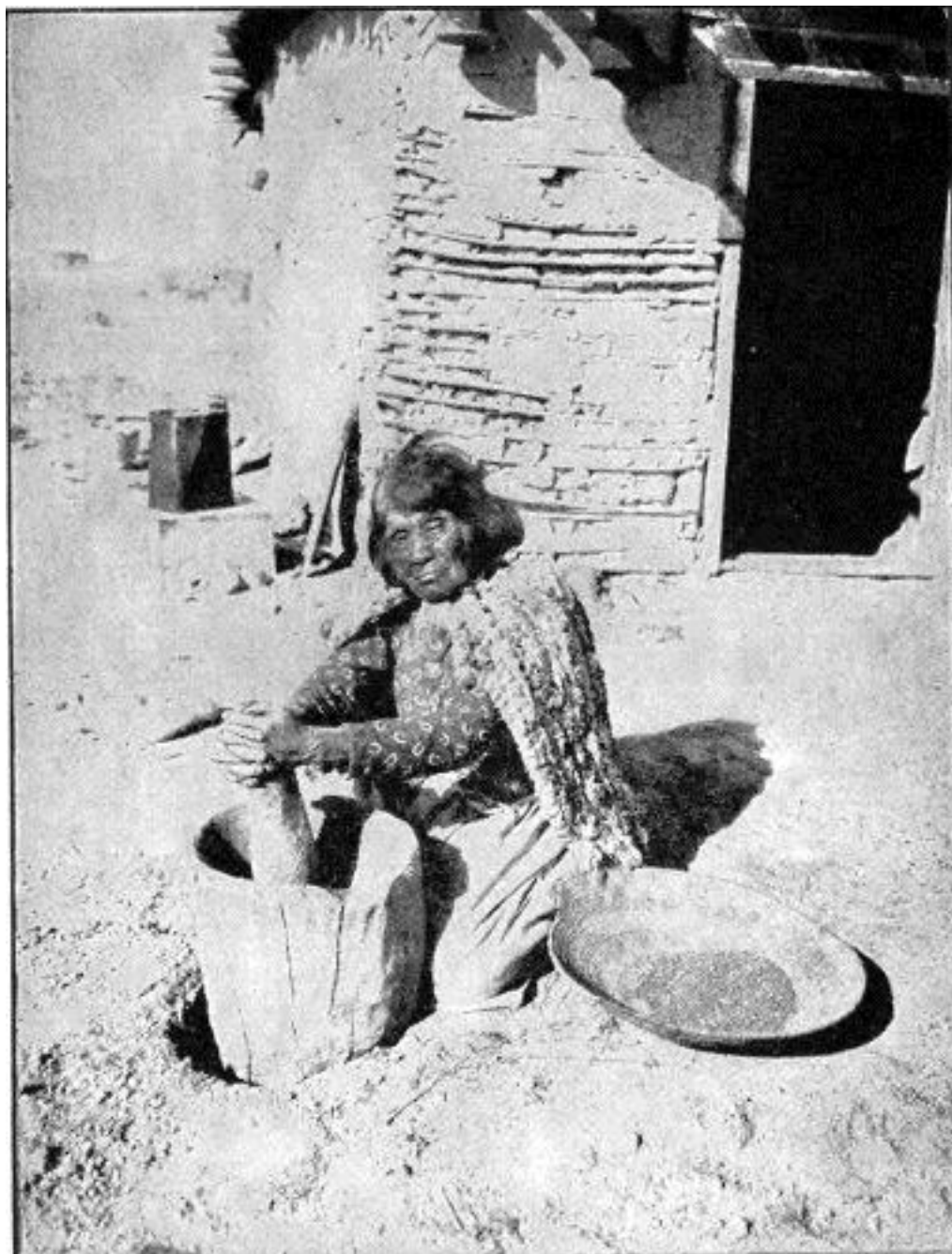
Почему профессиональные лекторы, певцы и публичные исполнители обычно отказываются принимать такие гостеприимства? Каждый, кто занимается подобной работой, знает причину. Причина в том, что такое "высокое питание" не позволяет им правильно выполнять свои обязанности. Перекармливать проповедника (а я был проповедником много лет) - значит препятствовать легкому течению его мысли. Сейчас так же верно, как и тогда, когда Вордсворт написал это, что "простая жизнь и высокое мышление" идут вместе. Последние пять недель я по вечерам читаю лекции в Нью-Йорке. Меня часто приглашают на ужины и банкеты, но я неизменно отказываюсь, если мне не пообещают полный запас фруктов, орехов, сельдерея, хлеба с маслом или продуктов подобного рода, и даже не попросят съесть что-нибудь еще. Я даже не хочу, чтобы меня заставляли отказаться от еды, которая, как я знаю, сделает мой мозг "логичным", тяжелым и скучным.

А когда меня приглашают в дом, где нет прислуги (как это часто бывает), и я вижу, как хозяйка волнуется и изнуряет себя, чтобы приготовить для меня множество "лакомств" и "изысканных блюд", без которых, как я знаю, мне будет гораздо лучше, что же я за существо, если могу принять такое гостеприимство с невозмутимостью? Я хожу к людям, чтобы наслаждаться ими, их добротой, их интеллектуальной беседой, домашним уютом их самих и их детей. Если я хочу "набить и наесться", я могу сделать это в любом первоклассном ресторане, потратив определенную сумму денег. Но в домах моих друзей я хочу их видеть; я иду туда для общения; и видеть, как они работают и рабствуют, чтобы дать мне еду, которая наносит мне ущерб, - это не мое представление о гостеприимстве, и никогда не может быть таковым. Я не хочу, чтобы мои читатели сделали из этого вывод, что я не помню о добром духе гостеприимства, который стоит за всеми этими ненужными приготовлениями; я также не хочу, чтобы они думали, что я никогда не ем роскошных вещей. Боюсь, что некоторые из моих читателей отказались бы от своих добрых мыслей по отношению ко мне, если бы увидели, как я иногда балуюсь всякой всячиной, которую едят "обычные люди". Но я хочу выразить протест против показного и экстравагантного проявления нашего гостеприимства, а также против вредности большей его части, когда речь идет о еде, и похвалить дух и методы индийского пути. Если друзья неожиданно приходят в индийский дом, от них *ожидают*, что они будут чувствовать себя как дома. Их не приглашают на "праздничный стол", чтобы поесть, но *ожидается*, что они примут участие в трапезе как само собой разумеющееся. Гостеприимство - это не приглашение, не прихоть или каприз. Оно является повседневным проявлением их жизни. Любой человек, друг или незнакомец, приходящий в их лагерь во время трапезы, на время становится членом семьи. Здесь нет никакой показухи, никакой демонстрации, никакого шоу, никаких дополнительных приготовлений. "Ты - один из нас. Приходи и отведай то, что есть!" - таков их дух. Для меня нет ничего прекраснее, чем оказаться в *хогане* навахо в самом сердце нарисованной пустыни и понять, что от меня ждут, чтобы я сел и поел экономной еды, которую семья приготовила для себя.

ИНДЕЙЦЫ ХОПИ ГОТОВЯТ КУКУРУЗУ В ПОДЗЕМНОЙ ПЕЧИ.

Я считаю, что это и есть истинный дух гостеприимства. Вам дают почувствовать себя как дома. Вы - один из членов семьи. Формальности отменяются; вас приветствуют сердечно и искренне, заставляя чувствовать себя непринужденно. Это и есть "быть как дома"; это дружелюбный, человеческий, гуманный поступок. Лишней работы можно избежать; гость не расстраивается, видя, что хозяйка вынуждена за его счет готовить и суетиться; его сердце согрето проявленным дружелюбием (и, конечно, это гораздо лучше, чем просто набить желудок); и, кроме того, если он вдумчивый человек, ценящий здоровье и бодрость, а не удовлетворение аппетита, он избавлен от необходимости выбирать между риском обидеть хозяйку, отказавшись есть предоставленные ею роскошные "нелепости", или обидеть себя, съев их под протестом и, возможно, страдая от них впоследствии.

ЖЕНЩИНА ИЗ ПЛЕМЕНИ МОХАВЕ КОЛОТИТ МЕСКИТ, ЧТОБЫ ОБЕСПЕЧИТЬ НАПИТКОМ СВОЕГО ГОСТЯ.

Однажды я посетил резервацию мохаве в Паркере, на реке Колорадо. Был очень жаркий день, и я испытывал жажду, усталость и зной. Как только я пришел в дом одной старушки, она сразу же за дверь к своей деревянной ступке, взяла несколько мескитовых бобов, растолкла их, залила водой полученную муку и через несколько минут подала мне обильный напиток, приятный на вкус и освежающий. Посмотрите на ее лицо, когда она стоит на коленях перед ступкой. Это доброе и щедрое лицо. Ее не волновало ни то, что было жарко, ни то, что поднимать толкушку и готовить пищу для напитка было тяжелой работой. Она делала это так просто, легко и естественно, что я принимал напиток с дополнительным удовольствием от того, что это был продукт настоящего, а не искусственного гостеприимства.

Мало кто из посетителей Змеиногo танца и различных религиозных или благодарственных праздников индейцев Юго-Запада не замечал, как тщательно готовятся к приходу ожидаемых, но неизвестных гостей. Известно, что они придут, поэтому к ним нужно готовиться. В метатах молотят кукурузу, готовят *пики*.

Старый индеец из племени навахо, изображенный на первой странице, - прекрасная иллюстрация природной щедрости аборигена, пока его не испортил контакт с белыми. Много лет назад этот человек, имевший большое количество скота, овец, лошадей и коз, много пастбищ и несколько прекрасных источников, ехал верхом по плато напротив места, где ручей Пария впадает в реку Колорадо. Внезапно он услышал крики и вопли и, спустившись к воде, увидел плот, наполненный мужчинами, женщинами и детьми, который мчался вниз по реке к порогам. Когда плот с человеческим грузом опрокинулся в ледяную воду, он не стал медлить, ведь люди были другого цвета, чем он сам, а, погрузившись в воду, спас всех, кто не смог спастись сам, в основном собственной доблести. Оказалось, что чужаки были группой мормонов, искавших новый дом в Аризоне, и, встретив преграду в виде реки Колорадо, попытались переправиться через нее со своими мирскими пожитками на ненадежном и небезопасном плоту.

Что же им оставалось делать? Хотя их жизни были спасены, их провизия почти вся погибла в бушующих порогах бурной и сердитой Колорадо. Приказав им не унывать, этот *дикий* индеец привел их в одну из своих *хижин*, где сразу же заставил нескольких своих жен (ведь навахо многоженцы) молотить кукурузу и готовить большое количество кашицы для полуголодных белых чужаков. Таким образом он кормил их ежедневно в течение нескольких месяцев. Тем временем он разрешил им сажать зерновые культуры (семена находил он сам) на своей земле, используя для орошения воду из своих источников.

Но после ледяного купания он не обеспечил себе должного ухода. Его ноги подкосились от ревматизма, и с того дня и по сей день он постоянно страдает от воздействия холодной воды реки и небрежности, вызванной его горячим желанием заботиться о неизвестных чужаках.

Ужасная ирония всего этого заключается в том, что, несмотря на то, что он сделал, получатели его чистого, простого, прекрасного гостеприимства не смогли или не захотели оценить его. Он был "всего лишь индейцем". У него не было никаких прав. *Они* были американскими гражданами, белыми людьми, цивилизованными людьми. Почему этот индеец должен владеть или управлять всей этой прекрасной землей, всеми этими текущими источниками, всеми этими растущими урожаями? Это было неправильно, позорно, неуместно. Поэтому, чтобы исправить положение, эти благодарные (?) цивилизованные (!!) мормоны отобрали у него лучшую часть его земель и самые большие из его источников, и долгие годы смеялись над его протестами; пока, наконец, белый друг не был поднят для него в лице храброго офицера армии Соединенных Штатов, ныне генерала на Филиппинах, я полагаю, который представил дело индейца в суд, успешно боролся с ним и дожил до того, что в какой-то мере исправил ошибки индейца.

По сей день индеец известен как "Старый Муша", так его называли люди, которых он приютил в трудную минуту, потому что каша была главным продуктом в рационе, который он им обеспечил. Воистину, Шекспир писал: "Я не знаю, что делать."

"Дуй, дуй, зимний ветер,
Не так уж ты недобр.
как человеческая неблагодарность!"

В том, что индейцы умеют быть великолепно вежливыми со своими гостями, я убедился давно. Я ел на банкетах в Delmonico's и Waldorf-Astoria (Нью-Йорк), Hotel Cecil (Лондон), Grand Hotel (Париж), а также во многих и многих отелях между Touraine (Бостон) и Palace of San Francisco и Hotel del Coronado. И на этих изысканных банкетах я видел больше вульгарности и дурного воспитания, больше невнимания, больше эгоизма и больше отвратительных проявлений жадности и обжорства, чем за двадцать пять лет близкого общения с индейцами.

Однажды меня пригласили поехать в *хаву*, или дом, индейского вождя. Главным блюдом была кукуруза, которую срезали с початков, пока она была в молоке, измельчали, а затем делали из нее что-то вроде супа или кашицы. Мне вручили чистую корзину с намеком, что я должен разделить ее с двумя старыми индейцами, одним справа, другим слева. Я попросил у хозяйки ложку, так как знал, что где-то видел такую в один из своих приездов. Она отправилась на поиски ложки, а тем временем послала к ручью за эсува свежей, чистой воды. Когда ее принесли, она тщательно вымыла руки, а затем семь раз отмыла ложку, вымыла и прополоскала, прежде чем вручить ее мне. Я чувствовал себя в большей безопасности, чем в городских ресторанах, когда "брадобрей" приносит мне ложку, которую он вытер о "полотенце", выполняющее многообразные обязанности по вытиранию испачканного стола, якобы чистой посуды, потных рук официанта и - гораздо чаще, чем люди себе представляют, - потного лица официанта.

Все время, пока мы ждали ложку, старые индейцы рядом со мной сидели так терпеливо и стоически, как будто не были голодны. Когда ложка была передана мне, я отметил половину круга на каше перед собой, в корзине, затем разделил остаток для них. Каждый ждал, пока я съем несколько горстей, прежде чем вложить свои пальцы, которые служили ему ложкой, и затем мы демократично ели вместе.

По-моему, все это свидетельствовало о доброжелательном отношении к моим чувствам, что не всегда заметно у так называемых воспитанных незнакомцев моей расы. Многие мужчины прикуривали сигару или сигарету за столом, за которым мне приходилось сидеть в ресторане, и ни разу не прозвучало "С вашего позволения!" или "Не возражаете?". Мы считаем, что от индейцев не стоит ожидать того, что мы называем "высшей вежливостью", однако я постоянно вижу, как она проявляется; в то время как от цивилизованной белой расы мы ожидаем многого и, увы, часто бываем сильно разочарованы.

Удивительно, что в то время как я пишу эти страницы об уроках, которые мы можем извлечь из индейцев, епископ Лондонский, выступая в церкви Троицы в Нью-Йорке в сентябре 1907 года, должен высказать идеи, удивительно похожие на те, которых придерживаются индейцы. Индеец ничем не владеет сам: это принадлежит всему его племени. Что это такое, как не управление - возможно, грубое и неотесанное, но все же управление, - как заявляет епископ, который говорит

"Единственное предложение, которое я хотел бы сказать вам прежде всего, предложение, которое еще не выучили в Лондоне и Нью-Йорке и которое, если его примут, очистит жизнь по обе стороны Атлантики, - это то, что жизнь - это управление, а не собственность".

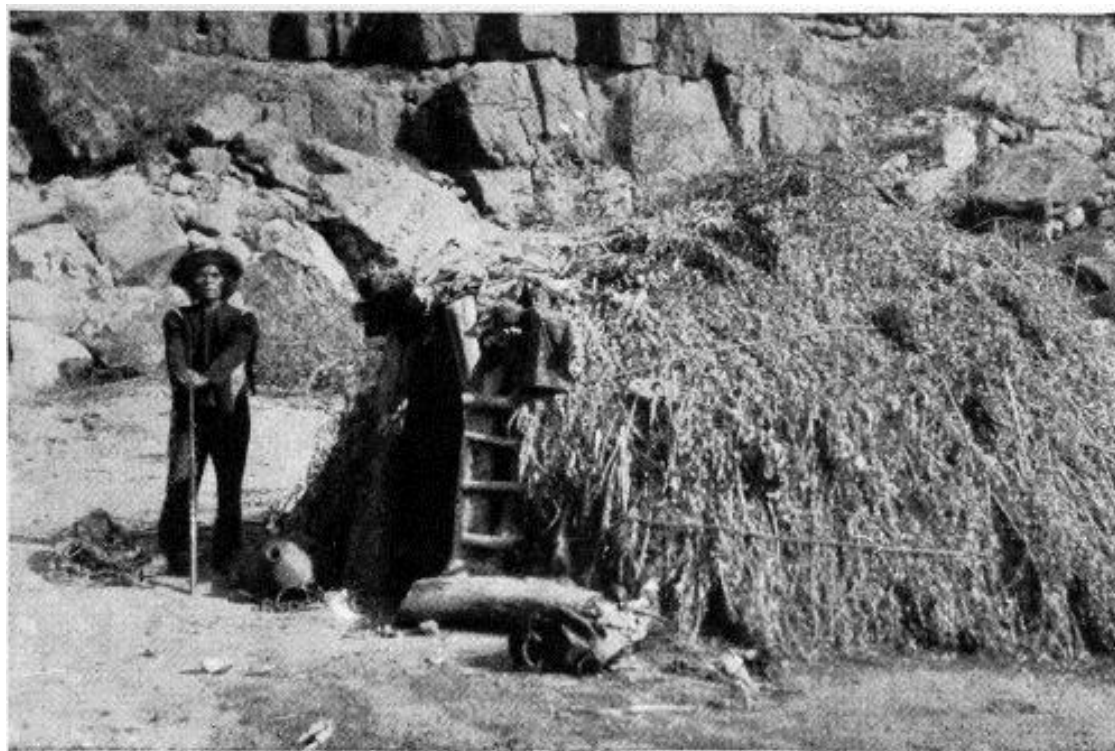
"Вы когда-нибудь задумывались, почему вообще существуют богатые и бедные? Именно с этим вопросом мне пришлось столкнуться в Лондоне. Меня спрашивали, как я могу примирить свою веру в доброго Бога, любящего всех своих детей, с жалкими миллионами жителей Восточного Лондона, казалось бы, покинутых и Богом, и людьми. Мне пришлось ответить на этот вопрос, и с тех пор мне приходится отвечать на него. Есть только один ответ:

богатое меньшинство имеет то, что у него есть, только в доверительном управлении для всех остальных. Управление, а не владение, - это Божье повеление всем нам.

"Ты не принадлежишь себе. Ничто из того, что у вас есть, не принадлежит вам". Мы не изучили христианскую религию, если не усвоили урок управления имуществом.

"Мой дом был домом епископа Лондонского на протяжении 1300 лет. Предположим, я скажу, что он принадлежит мне и что доход епископа в 50 000 долларов в год - мой собственный. Меня бы назвали сумасшедшим. Человек, который считает, что ему принадлежит то, что он держит в руках, не менее безумен. Это относится и к мальчику с его карманными деньгами, и к миллионеру с его миллионами. Пренебрежение этим доверием - причина всех социальных бед Лондона и Нью-Йорка".

Продолжим мой опыт общения с индейцами:

УТА, МОЙ ГОСТЕПРИИМНЫЙ ДРУГ ХАВАСУПАИ.

В сентябре 1907 года я снова посетил хавасупаев и тогда получил несколько замечательных иллюстраций их настоящего и неподдельного гостеприимства. Мы решили разбить лагерь под домом моего старого друга Уты. Как только появилась наша кавалькада из шести человек на лошадях, мулах и норогах с двумя вьючными лошадьми, он радушно встретил нас, а когда я сказал ему, что мы хотим разбить лагерь под его *хавой*, он отвел нас на огороженное поле, где росли персиковые деревья и был загон для наших животных. Здесь мы были свободны от вторжения всех бродячих животных и смогли уединиться для дам нашей партии - ведь мы, конечно, разбивали лагерь и спали под открытым небом. Зная, что нам нужно много воды, как для себя, так и для животных, и что до ручья Хавасу совсем немного, он взял лопату, и через пять минут по оросительным канавам неподалеку потек живительный ручей.

Персиковое дерево над нашими головами - лучшее во всей деревне - было предоставлено в наше распоряжение, и мы нашли плоды очень вкусными, а он прислал нам инжир, бобы, дыни и кантелупу. Не спрашивая об оплате, он ежедневно снабжал нас во время нашего пребывания в деревне большим количеством сушеного люцернового сена - свежая люцерна

не годилась для наших слишком цивилизованных животных. И всеми возможными способами он старался служить нашему комфорту и удовольствию и ничуть не обижался, когда я просил его удалиться во время еды или пока мы готовили провизию.

МОЯ ХОЗЯЙКА ИЗ ПЛЕМЕНИ ХОПИ, КОТОРАЯ СОХРАНЯЛА
ПОКА Я СПАЛ.

То, что мы щедро заплатили ему, когда уходили, ничуть не изменило милого характера его искреннего и простого гостеприимства".

Еще одну иллюстрацию самого прекрасного вида гостеприимства и вежливой доброты продемонстрировала старая индианка племени хопи, изображенная на фотографии. Я посетила пуэбло Уолпи с целью изучения тайных церемоний, проводимых в подземных *кивах* кланов Антилопы и Змеи перед Змеиным танцем. В течение пятнадцати дней и ночей я не раздевался, чтобы лечь спать, а ходил от кивы к киве, наблюдая за церемониями, и когда я

слишком уставал, чтобы бодрствовать дольше, я растягивался на голом, твердом каменном полу, а моя камера или фляга служили мне подушкой, и засыпал. Иногда, однако, когда днем происходило что-то малозначительное, я пробирался наверх, в комнату, которую снял в доме этой женщины. Как только я растягивался и пытался заснуть, она обходила детей и соседей и говорила им, что "Черный медведь" - так меня звали эти люди - пытается заснуть и очень, очень устал. Этого было достаточно, чтобы отослать детей достаточно далеко, чтобы шум их игр не мешал мне, и утихомирить ненужный шум среди их старших. Я считаю это крайней вежливостью. Я знаю людей как низкого, так и высокого уровня в нашей цивилизации, которые возмущаются как дерзким вмешательством в их "права" любыми предложениями быть добрыми или тихими по отношению к своим соседям, тем более незнакомцам и иностранцам. Но для себя я бы предпочел, чтобы мои дети обладали добрым сочувствием, проявленным этими индейскими детьми, а не получали без него самое лучшее образование, которое может дать величайший университет нашей цивилизации.

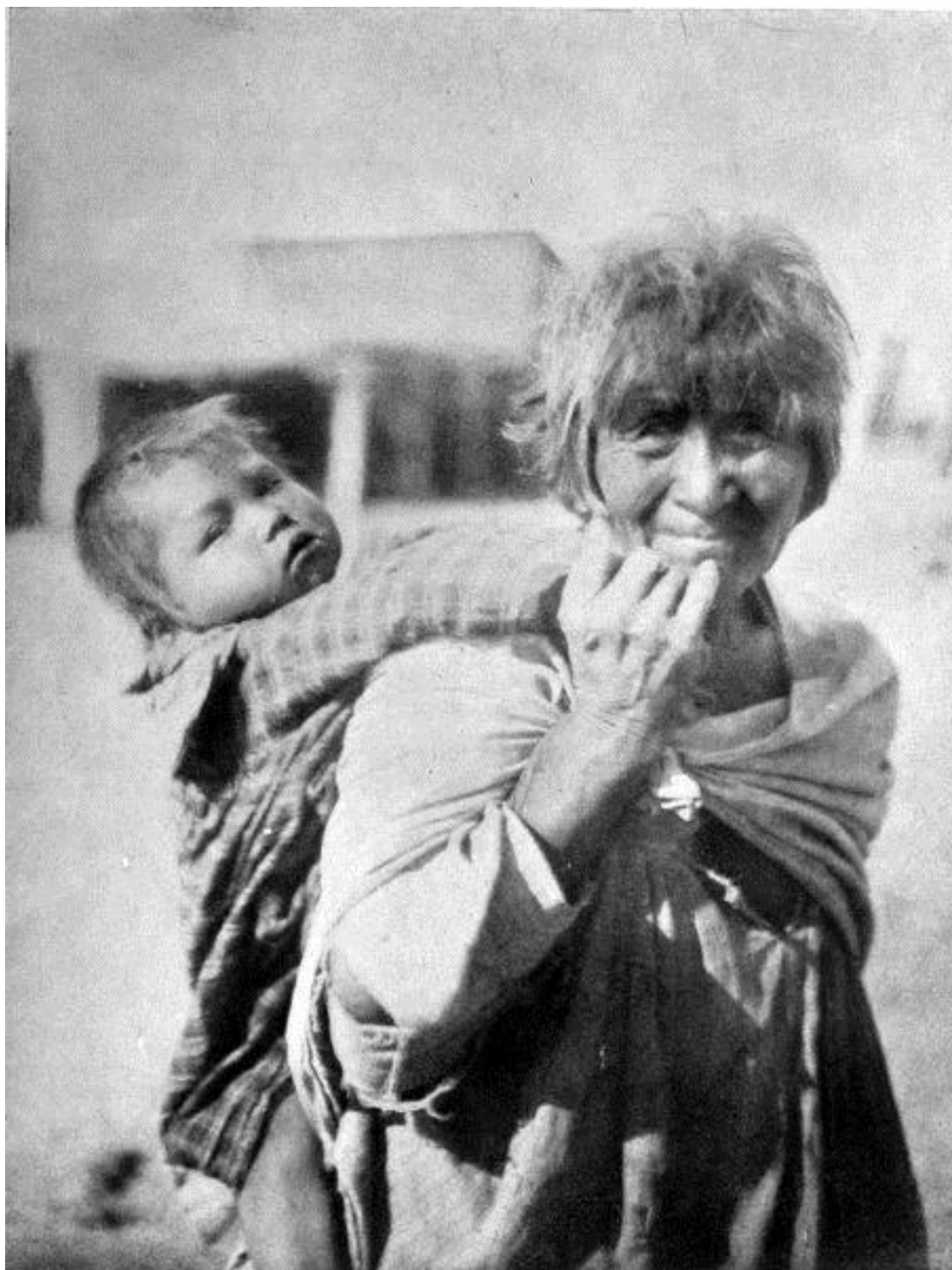
ГЛАВА XIII

ИНДЕЕЦ И НЕКОТОРЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ И ОБЫЧАИ

В обращении с младшими детьми со стороны тех, кто старше, белая раса может многому научиться у индейцев. Хотя следует признать, что индейская молодежь жестока по отношению к низшим животным, за двадцать пять лет я ни разу не видел, чтобы старший ребенок плохо обращался с младшим. Похоже, что у индейцев существует инстинктивная "материнская забота" о малышах. Дома хопи построены на краях страшных обрывов, падение с которых означало бы верную смерть; однако, несмотря на то, что малышам разрешается играть с величайшей свободой, за ними так заботятся и постоянно присматривают те, кто старше, что я никогда не знал о несчастном случае.

Кажется, что среди индийских детей нет той нетерпеливой вспыльчивости, которая так часто встречается у нас; нет криков или громких возгласов, и уж точно нет задиристости или трусливого доминирования.

Кроме того, между стариками и малышами часто существуют очень милые и нежные отношения. Я знаю, что это не является чем-то необычным или свойственным индейцам, но я считаю, что это достойно внимания. Я часто видел, как дедушка отправлялся на работу в кукурузное поле с голым внуком на спине, а малыш прижимался к старику с абсолютной привязанностью и доверием.

БАБУШКА АПАЧЕЙ И ЕЕ ПИТОМЕЦ.

Следует также отметить, что возраст почти всегда вызывает уважение и почтение. На совете молодые мужчины неизменно будут ждать, пока не выскажутся старики, если только к ним не обратятся с конкретной просьбой. Если молодому человеку в присутствии старших предлагают сигарету, он не станет ее курить, пока старшие не зажгут свои и не сделают несколько затяжек. Девушка или молодая девица не сядет, пока не найдут места для старших и не усадят их поудобнее, и, конечно, то же правило распространяется на мальчиков и юношей.

Некоторым из моих читателей может показаться странным, что я настаиваю на том, что коренной индеец по своей природе честен. Раньше я так не считал, и я знаю много нечестных индейцев. Но, как правило, это те, кто частично цивилизован. У них было так много вещей, подаренных им без всякой причины, что они стали считать все вещи белых людей своими. Десятки раз я оставлял свою повозку, груженную провизией и другими материалами, такими как фотоаппараты, фотопластинки, одежда и т. д., и уезжал на неделю или месяц. Сейчас, когда я пишу, я могу вспомнить только два случая, когда что-то было похищено. Однажды молодой человек, который учился в наших школах, залез в ящик с апельсинами, которые я взял как большую роскошь после путешествия по пустыне, и съел несколько штук. Вскоре я узнал, кто виновник, подал на него жалобу, привел его в свой лагерь и спросил, зачем он украл мои апельсины. Следует помнить, что в пустыне действует неписаный, но хорошо понятный закон, согласно которому по-настоящему голодному человеку всегда разрешается угощаться, но без расточительства и излишеств, с должной заботой о хозяине и тех, кто может прийти следом.

Этот молодой человек утверждал, что взял мои апельсины, потому что был голоден. Я ему прямо сказал: "Если бы ты был голоден, ты бы охотно ел мясо, картошку и хлеб. Но вместо этого ты рыскал по округе, пока не учуял эти апельсины, а потом украл их. Впредь, даже если ты голоден, держись подальше от моей повозки и лагеря, ибо если ты еще хоть раз тронешь мои вещи, я позабочусь о том, чтобы тебя строго наказали". Это был строгий выговор, но в данном случае он показался необходимым.

В другой раз у меня отобрали вещи, когда я пообещал нескольким женщинам и девушкам бязь и ожерелья из бисера в обмен на то, что они для меня сделали. По глупости я показала им сумку, в которой лежала бязь. Моя хозяйка также должна была участвовать в раздаче милостей. Пока я отсутствовал несколько дней, она решила, что выбор должен быть за ней, и, поскольку я обещал ей эту вещь, не будет никакого вреда, если она ее возьмет. Когда она сделала свой выбор и рассказала о нем, то, конечно, не могла протестовать против того, чтобы другие сделали свой, поэтому, вернувшись в свой индейский дом, я обнаружил, что сумка изрядно разграблена. Прошло немного времени, и мало-помалу вся история выплыла наружу. Когда я убедился в этом, то рассказал хозяину и сообщил ему, что хочу, чтобы мне немедленно вернули каждый кусок бязи и каждое ожерелье. Через двенадцать часов все было на месте, как по волшебству. Затем в течение нескольких дней я держал обещанных получателей в "состоянии", поскольку намекнул, что их поведение настолько предосудительно, что я сомневаюсь, стоит ли давать им что-нибудь или нет. Это их очень беспокоило, и, когда они "заходили" по двое или по трое, я пользовался случаем, чтобы сказать им, как я возмущен тем, что они пользуются моими вещами, пока я отсутствую.

За этими двумя исключениями за двадцать пять лет работы на сайте я не встретил ничего, кроме безупречной честности. (Нет, теперь я вспомнил, что много лет назад из моего лагеря был похищен небольшой кнут, но когда я пожаловался, его нашли и вернули.) Я оставлял пластинки от фотоаппаратов в коробках, которые могли быть вскрыты, и результаты моего многомесячного труда, уничтоженные лишь праздным любопытством. Но когда я объяснял, что ухожу и ожидаю найти все нетронутым по возвращении, у меня не было ни страха, ни опасений, и я неизменно находил все в идеальном порядке, когда возвращался. Сомневаюсь, что я мог бы оставить вещи там, где все население любого из наших американских городов могло бы до них добраться и найти их нетронутыми после недельного или месячного отсутствия".

Еще один интересный факт об индейце: когда он дает имя ребенку или взрослому, оно, как правило, что-то значит. У нас же имена часто бывают либо совсем бессмысленными, либо

бессмысленными. Например, мои родители дали мне имя Джордж. Когда я был достаточно взрослым, чтобы начать интересоваться такими вещами, я спросил и узнал, что "Джордж" означает "муж". И всю свою жизнь я носил это имя - муж - при том, что мое невежество в сельскохозяйственных делах, к сожалению, просто дремучее и невыразимое. Какой смысл давать такие имена детям? А когда мы доходим до Алджернонов, Регин, Сигурнов, Фицморисов и всех этих благозвучных, но совершенно бессмысленных имен, которыми мы нагружаем наших детей, я тоскую по простоте индейских обычаев, по поэзии, по молитве, которые так часто связаны с именами, которые они дают. Древние евреи знали кое-что об этом, ведь мы читаем о том, что многие их имена имели определенное и ясное значение.

Однажды я нашел индейца племени хемехуэви с именем Тоу-ум-боу-и-си-корум. Немного разобравшись в нем, я обнаружил, что имя означает: "Красновато-золотистая дорожка славы, проложенная заходящим солнцем от зенита к горизонту". Я спросил мать этого человека, как он получил такое имя, и вот ее ответ! "Когда я родила сына, я посмотрела на небо и увидела там золотисто-красное сияние, тянущееся от вершины, где я лежала, до далекого запада, где только что зашло солнце. И я сказала: "Это предзнаменование, и пусть это будет также пророчеством", и мое сердце вознесло молитву к Тем, Кто Свыше, чтобы жизненный путь моего новорожденного сына был золотым, пока он тоже не скроется из виду на западе; поэтому я назвала его Towumbowisicorum, что означает то, что я сказала".

ГЛАВА XIV

ИНДЕЕЦ И НЕКОТОРЫЕ ПРЕДМЕТЫ РОСКОШИ

Большинство городских жителей считают шампунь городской роскошью, за исключением, конечно, богатых людей, которые всегда могут иметь то, что им хочется. Однако у некоторых индейцев шампунь более распространен, чем у нас, и они пользуются им чаще, чем мы. Жена индейца берет корень *амоле*, мацерирует его, а затем взбивает в миске с водой, пока не образуется самая вкусная и мягкая пена, после чего ее сеньор склоняется над миской, и она энергично, аккуратно, умело и быстро моет его длинные волосы и кожу головы. Меня оперировали лучшие адепты в Лондоне, Париже и Нью-Йорке, и я искренне утверждаю, что белому человеку есть чему поучиться в плане искусных манипуляций, эффективного растирания кожи головы и восхитительной шелковистости волос, если он не знает ничего другого, кроме такого шампуня, какой получил я.

Еще одна так называемая роскошь нашей цивилизации - повседневное дело у индейцев Юго-Запада. Это русско-турецкая баня. Впервые я насладился этой роскошью у индейцев во время одного из моих визитов к племени хавасупай. За несколько лет до этого я был принят в члены племени, но всегда испытывал деликатность, когда просил пригласить меня принять участие в этом мероприятии. Но однажды я спросил старого человека-медика, когда он спускался в *тохолвух*: "Почему ты никогда не приглашал меня войти в *тохолвух* вместе с тобой?" Мой вопрос удивил его. Он быстро ответил: "Почему я должен приглашать тебя на свой ? Пот в бане - такой же твой, как и мой". "Тогда, - сказал я, - я пойду с тобой".

Баня" состояла из небольшого ивового каркаса, около шести или восьми футов в диаметре, который во время использования накрывался одеялами навахо и т. д., чтобы сделать его тепло- и паронепроницаемым. Для "поттеров" расстилали подстилку из чистой ивы, а для раскаленных камней оставляли свободное место. Как только все было готово, меня пригласили занять свое место; один индеец последовал за ним с одной стороны, а Человек-медик - с другой. Затем один из крайних индейцев подал шесть или восемь раскаленных камней, заслонка крышки была опущена, и ванна была полностью "включена". Тут же шаман

начал петь священную песню, в которой говорилось о том, что Тохолвох - дар доброго бога Точопы и служит для очищения тела от всякого зла.

Как только песня закончилась, мы все вспотели, но когда заслонка открылась, это было сделано не для того, чтобы выпустить нас, а чтобы принять еще больше горячих камней. Когда мы пели вторую песню, жар становился все более пронизывающим, так что слова, казалось, обретали реальный смысл. Мы просили, чтобы "тепло Тохолвоха вошло в наши глаза, уши, ноздри, рот" и т. д., причем каждый орган был назван в конце строки прошения. Песня состояла из длинного ряда органов, о некоторых из которых я никогда раньше не слышал. К этому времени пот лился с наших тел, но заслонка открывалась только для того, чтобы принять еще больше камней. В третий раз моему спутнику передали чашу с водой, которую я потянулся, чтобы попить, и тут, к моему ужасу и удивлению, он выплеснул воду на раскаленные камни. В результате мгновенно образовалось облако пара, которое, казалось, раскалило мои губы и ноздри до и совершенно задушило меня, не давая дышать. Тем не менее двое индейцев начали новую песню, и я решил держаться и терпеть, сколько смогу. Конечно, через несколько мгновений сильный жар пара спал, и тогда я смог присоединиться к песне. По ее окончании тот же процесс распаривания повторился, а затем я вынырнул и нырнул с головой в прохладные (не холодные) воды проточной Хавасу, где долго плавал и наслаждался восхитительными ощущениями, которыми было наполнено мое тело. Затем, обтеревшись чистой, прозрачной, глинистой грязью и еще раз окунувшись, я лежал на солнце на ложе из ив, слушал рассказы индейцев и могу честно сказать, что никогда в жизни не чувствовал себя таким чистым.

ИНДЕЕЦ ИЗ ПЛЕМЕНИ МОХАВЕ, ЗАВЕРНУВШИЙСЯ В СВОЕ ОДЕЯЛО ИЗ КРОЛИЧЬЕЙ ШКУРЫ.

Эту ванну тысячи индейцев юго-запада принимают раз в неделю в качестве религиозного обряда, так что, хотя их одежда поношена и грязная, а сами они кажутся грязными, на самом деле они чистые. С другой стороны, следует признать, что слишком многие американцы ценят видимость чистоты больше, чем реальность. Они предпочитают казаться чистыми, даже если они таковыми не являются, чем *быть* чистыми и казаться грязными. Лучше

сочетать и реальность, и видимость, но для меня самого, если бы мне пришлось выбирать между ними, я бы предпочел *быть* чистым, а не только *казаться* таковым.

Цивилизованный человек на протяжении веков использовал горячие ванны различных видов в лечебных и оздоровительных целях. По всему миру, где есть горячие источники, мужчины и женщины собираются в огромных количествах, строятся роскошные отели, создаются бани, организуется целая армия содержателей отелей, врачей, медсестер, массажистов и банщиков. Некоторые ходят в баню, как и в любое другое модное место, или для того, чтобы смешаться с модной толпой. Другие бездельники ходят исключительно ради удовольствия, которое они получают от такого общения, а третьи - ради здоровья, которого они так жаждут, - силы и бодрости, которые они потеряли. И можно не сомневаться, что зачастую они его обретают. Несмотря на модных докторов, которые заботятся о здоровье своих пациентов меньше, чем о собственной славе и карманах; несмотря на физические недостатки, которые возникают из-за совершенно неподходящей диеты в гостиничных столовых; несмотря на волнение балов и вечеринок, приемов и маршрутов, распространенных в таких местах; и несмотря на вредное влияние игровых столов, которые слишком часто поддерживаются, использование вод часто полезно для некоторых пациентов. Если бы они рационально использовали воды, вели гигиенический образ жизни, избегали всех стимулирующих продуктов и напитков и религиозно воздерживались от всех неестественных возбуждающих средств, то, несомненно, использование горячих вод, горячих грязевых пакетов и тому подобных средств дало бы здоровье многим тысячам людей, которые сейчас получают от них мало пользы.

От кого белая раса научилась использовать горячие ванны, грязевые ванны и тому подобное? Он научился этому у индейцев, и если бы он изучил современные методы индейцев, то обнаружил бы множество деталей, связанных с этими ваннами, которые он мог бы перенять с большой пользой для себя.

Когда индеец идет в баню, он делает из этого почти религиозную церемонию. На одной из иллюстраций старый индейский шаман рассказывает молодым о том, на что они должны обратить внимание, прежде чем отправиться в *тохолвох*, или потовую баню, каркас которой (пока еще не раскрытый) находится совсем рядом. Горячие воды, вырывающиеся из недр земли, он считает особыми дарами богов. Он молится, чтобы не использовал эти дары недостойно. Как магометанин верит, что пустыня - это "сад Аллаха" и что никто не должен ходить по ней, пока не попросит прощения, так и индеец верит, что целебные воды обернутся для него бедой, если он не использует их в правильном духе. Не будет ли хорошо, если мы - высшая раса - подойдем к этому благому дару Бога подобным образом?

ШАМАН РАССКАЗЫВАЕТ ИСТОРИЮ ПЕРВОГО ТОХОЛВОХА.

Естественная простота индейцев в бане также служит для нас хорошим уроком. Вместо того чтобы стремиться к веселью, легкомыслию, моде и средствам ублажения аппетита, он идет в природные бани, намереваясь, насколько это возможно, успокоиться и отдохнуть. Он стремится заранее подготовить свой разум к тому, что используемые физические средства будут полезны. Другими словами, хотя он грубый, необученный дикарь, - так мы говорим, - он имеет более четкое представление о влиянии разума на тело в реальном, практическом лечении, чем большая часть его цивилизованных братьев и сестер. Как правило, мы идем к врачу, в санаторий или в баню - я имею в виду тех из нас, кто болен и желает прежде всего здоровья, - не имея никаких других мыслей, кроме "Я болен. Поход сюда может принести мне пользу. Надеюсь, так и будет". Вместо того чтобы заранее подготовить свой разум, вдумчиво настроив себя на нужный душевный лад, мы отдаем это на волю случая, окружения, врача, и поэтому часто не получаем той пользы, которую могли бы получить. Мы тащим с собой деловые заботы, семейные хлопоты, добывание денег и тем самым не достигаем цели, ради которой идем.

И это еще не все! Приехав туда, мы хотим получить "все удобства дома". Другими словами, мы должны быть уверены, что у нас есть спальня, которую мы можем запереть на ночь, кровать с матрасом, таким же мягким и нездоровым, как тот, на котором мы регулярно спим, душный шкаф, где мы можем развесить одежду, - и все остальное.

Индеец находит свою спальню под звездами. Он кладет инвалида прямо на землю, - возможно, между ним и землей лежит овечья шкура, но это все. Когда же белая раса поймет, что омоложение организма быстрее приходит к тем, кто "сбрасывает" свою цивилизацию, отказывается от домашнего уюта, отказывается от поблажек в приготовлении блюд, воздерживается от социальных фривольностей (обычно называемых обязанностями) и, прежде всего, - отбросив все заботы и тревоги, которые возникают в результате высокой цивилизованности, - отправляется туда, где можно спать под открытым небом *на твердой земле*, защищенный, конечно, как индейцы. Отправляйтесь в лес, на холмы, в каньоны, в пустыню. Возьмите с собой рулон одеял и, независимо от погоды, научитесь спать на лоне Матери-Земли, за дверью. А если в этом регионе есть горячие источники или грязевые ванны, тем лучше. Сделайте их на время своим домом.

Как мудр индеец в выборе места жительства. Я уже упоминал об этом, но не могу не написать об этом снова. Дом! Для него это не место беспорядка, где для поддержания порядка требуется труд жены и дочери или целого штата слуг; где полированная мебель, полированные полы, полированные двери, полированные зеркала заставляют вечно держать в руках тряпку, удаляя следы небрежных пальцев; где повсюду скапливаются и складываются в кучу всякие безделушки, доводящие до нервного срыва детей или неосторожных посетителей; где "социальные требования" настолько велики, что дети отданы на попечение слуг; где братья и сестры почти не успевают узнать друг друга, а мужья и жены встречаются изредка - нет, это не дом такого рода. Для большинства индейцев "везде" - дом, если там есть немного тени, воды и травы для его норовистой лошади или пони. В горах, где он может укрыться под нависающей скалой, или в лесу, где у него есть изумрудная крыша, поддерживаемая огромными столбами сосны, тополя или платанов, - это дом. В пустыне, где крыша высотой в миллионы миль украшена солнцами, лунами, звездами, кометами, метеорами, Млечным Путем и бесчисленными туманностями, а стены ограничены на востоке восходящим солнцем, а на западе - заходящим, и в лабораториях самого Бога каждый миг создается новый, свежий, чистый воздух, - там есть дом.

Катастрофа в Сан-Франциско научила тысячи людей здоровому образу жизни на свежем воздухе. Люди, которые болели годами, хилые дети, анемичные юноши и девушки, страдающие диспепсией родители - все они "набрались" аппетита и здоровья, когда были вынуждены жить в парках и на улицах.

Давайте прислушаемся к этому уроку. Последуем примеру индейцев и станем более простыми, более естественными. Давайте передадим в музей коллекционирование диковинок, безделушек и тысячи и одной вещи, которые так загромодили наши дома, что превращают их скорее в музеи, чем в дома.

ЖЕНЩИНА ИЗ ПЛЕМЕНИ МОХАВЕ, ЧЬИ ВОЛОСЫ БЫЛИ
"ОДЕТЫ" В ГРЯЗЬ.

Думаю, нет необходимости говорить, что в нашей цивилизации мы не можем *в буквальном смысле слова поступать* так, как индейцы. Это не моя мысль. Я лишь призываю жить проще и, подобно индейцам, больше выходить за дверь, а не устраивать себе жилье по мере того, как мы становимся все более "цивилизованными". И чтобы при обустройстве и накоплении вещей в нашем доме самыми важными соображениями были личное здоровье, комфорт и счастье, а не показуха и желание заслужить одобрение или зависть соседей.

Но вернемся к горячим источникам. Индейцы всегда пользовались ими. Он также узнал и завещал нам знание о том, что грязь является полезным лечебным средством. Юмы, мохавы и другие, живущие у берегов реки Колорадо, имеют привычку регулярно покрывать волосы и кожу головы густой черной грязью. Они идут туда, где она чистая и свежая, - ее смывают стремительные воды могучей Колорадо через большие каньоны, - и, хорошо втирая ее в волосы, накрывают их тканью, повязанной на голову, и продолжают заниматься своими повседневными делами. Они держат волосы, покрытые грязью, день или два, а затем смывают ее и тщательно очищают кожу головы. Каков результат? Независимо от того, является ли это результатом использования грязи или нет, факт остается фактом: у этих речных индейцев длинные, блестящие черные волосы, свободные от всех болезней, и их кожа головы так же здорова, как и волосы. У них нет перхоти, волосы не выпадают, и им не

нужны никакие тоники или краски для волос. Грязь содержит достаточное количество тонкоизмельченного песка, смешанного с более мягким илом, чтобы сделать полезную смесь для мягкого возбуждения кожи головы во время растирания и очищения. Покрыв волосы и кожу головы грязью и дав ей высохнуть, необходимо хорошо растереть волосы, а также кожу. В результате волосы тщательно очищаются, и кто знает, может быть, возбуждение, возникающее при растирании волос и кожи головы, способствует здоровому притоку элементов, необходимых для питания волос? Как бы то ни было, мне известен факт: у этих индейцев, как у мужчин, так и у женщин, волосы длинные, черные, блестящие, достигающие до пояса, и они приписывают их здоровье регулярному использованию грязевых пакетов и растираний.

И хотя нам, возможно, и не хочется паковать волосы в грязь, мы, безусловно, можем использовать эту идею. Я делаю это уже много лет. Я часто принимаю грязевые ванны для кожи головы и волос, и это приятно и бодряще, а несколько месяцев назад один из ведущих специалистов по коже головы на Востоке заверил меня, что моя кожа находится в абсолютно здоровом состоянии - одна из очень немногих, найденных в таком состоянии в большом восточном мегаполисе.

ИНДЕЕЦ ИЗ ПЛЕМЕНИ МОХАВЕ, ЧЬИ ВОЛОСЫ И КОЖА ГОЛОВЫ БЫЛИ ОЧИЩЕНЫ ГРЯЗЬЮ.

Индейцы также используют грязь - под этим я подразумеваю прозрачную, чистую, незагрязненную землю и песчаные смеси, которые можно найти в реках пустынного запада, - для лечения ран. Не приходится сомневаться, что он научился этому у животных. Кто не видел, как собака после драки, в которой она потерпела поражение, бежит и бросается в грязевую лужу? Много лет назад - около двадцати - я прочитал рассказ о схватке между дикой кошкой и собакой, и писатель, который был свидетелем этого конфликта, рассказал, как собака после этого пошла и искупалась в грязи. Этот краткий очерк произвел на меня такое впечатление, что я сразу понял, где его найти, разыскал его и теперь собираюсь скопировать его для моих читателей. Она поможет объяснить, почему индеец делает то же самое. Он наблюдал, как животные купаются в грязи, когда ранены, как это делала эта собака.

"Собака выиграла битву, но у нее есть несколько уродливых шрамов вдоль боков и фланга. Заметьте, что, перегревшись, он не бросился в этот чистый ручей. Он купается в неглубоком источнике с мягким илистым дном. Обратите внимание, как он накладывает себе пластырь, подкладывая под него раненый бок, а затем, усевшись на корточки, закапывает все раненые части в ил. Эта грязь обладает лечебными свойствами. Собака это знает. Ни один врач не сможет сделать такую хорошую припарку к ранам от кошачьих когтей, какую нашел для себя этот пес. Молитесь, если бы вас так изрезали кошачьи или женские когти, нашли бы вы на дне своей философской книги что-нибудь столь же целебное, как эта собака?"

Таким образом, использование индейцами грязи, как видно, является наследством, полученным в результате наблюдения за животными. С тех пор как я услышал о драке собаки и дикой кошки, мне много раз доводилось наблюдать за индейцами. Я использовал с ними грязь, и всегда с хорошими результатами. И если бы, когда четыре с половиной года назад меня укусила за большой палец гремучая змея и в течение недели я находился между жизнью и смертью, мне хватило ума поступить так, как поступают индейцы, - пойти и опустить руку и кисть в грязевую ванну у ручья или на дне неглубокого источника, я бы выжил не хуже (а может, и лучше), хотя у меня было два опытных врача, опытный профессор и преданная медсестра, чтобы ухаживать за мной.

И когда я снова поправился, - спустя несколько месяцев, - я обнаружил, что смертельный яд каким-то образом засел в желудке, так, что временами вызывал нервные и мышечные расстройства, заставлявшие меня испытывать сильные муки. Тогда я вспомнил, как мои друзья-индейцы использовали грязь, и как можно быстрее отправился в горячие грязевые ванны в Пасо-Роблес, в Калифорнии. Там серная вода температурой более 110° по Фаренгейту с пузырьками поступает в большой деревянный резервуар, наполненный мягкой, бархатистой грязью, черной, как чернила, тулевого болота. Я ступил в этот резервуар и постепенно погрузился в грязь, ложась в нее, извиваясь и работая своим телом, пока не оказался максимально покрытым. Я наложил на живот и тело огромные охапки горячей, мягкой и успокаивающей природной припарки и лежал так до тех пор, пока это было целесообразно. Неважно, что к моменту выхода я был чернее негра. Две минуты с ведром и шлангом - и я был чист как никогда. Неделя таких ванн - и я потерял яд, и больше никогда не возвращался. Я никогда не вспоминаю о Пасо Роблес и грязевых ваннах без чувства глубокой благодарности за то, что некоторые из нас хотя бы научились использовать некоторые полезные вещи, которым нас научили индейцы.

ГЛАВА XV

ИНДЕЕЦ И ПОЛОВОЙ ВОПРОС

Немного изучив в своей жизни медицину, я, как "знахарь", имел возможность знать об интимной жизни индейских женщин больше, чем многие белые мужчины. В этой статье я предлагаю изложить результаты многочисленных наблюдений в этой области, с полной уверенностью в том, что белая женщина может многому научиться у индианки, как в обращении с собой, так и со своими детьми.

Прежде всего, период подросткового возраста как у мальчиков, так и у девочек рассматривается с той важностью, которой он заслуживает.

Белой расе есть чему поучиться у индейцев в обращении с мальчиками и девочками в этом возрасте. Моя кровь закипает почти каждый день, когда я бываю в наших городах и вижу молодых девушек, только что вступивших в девичество, возвращающихся домой из школы, анемичных, бледных, нервных, раздражительных, почти жертв танца святого Витта, часто страдающих диспепсией или кашлем, сковывающим их, потому что их родители настолько слепы и глупы, что предпочитают книжное и школьное образование здоровью. По мне, такие родители виновны в жестокости и преступности, и я скорее посажу их в тюрьму и отберу у них право распоряжаться своими детьми, чем у фальшивомонетчика или взломщика. Они жестоки в том, что по незнанию или умышленно губят здоровье - возможно, на всю жизнь - своих детей, и преступны в том, что тем самым наносят ущерб будущему благосостоянию государства. С мальчиками, тоже, в это время обращаются точно так же, как и в любое другое, и когда великое таинство полового пробуждения настигает их, их отправляют в школу, как обычно, и дают те же неправдивые ответы на возникающие вопросы, которые давали им, чтобы успокоить их умы, когда они были еще совсем маленькими. Я благодарен за то, что за последние двадцать лет произошло пробуждение в этом вопросе и что я принимал в нем активное участие. Кажется, в 1888 году я опубликовал небольшую книгу о половом воспитании молодежи.⁴ Сегодня предостерегать молодежь так же необходимо, как и тогда. Индийского мальчика полностью посвящают в тайну секса так же рано и просто, как и в любой другой возникающий вопрос, а в период полового созревания он становится предметом особых церемоний, которые объясняют ему смысл происходящих с ним перемен. С ним обращаются с новым достоинством, официально признают, что он вступил в мужское сословие, и отправляют в лес или в уединение пустыни, "чтобы он пришел в себя".

⁴ "Путеводный свет" в двух частях можно приобрести только у автора, 1098 N. Raymond Ave., Pasadena, Cal. В бумаге - 50 центов; в ткани - 1,00 доллара с постоплатой.

В случае с девочками почти повсеместно соблюдаются церемонии обучения, очищения и посвящения. Подросток выделяется из числа своих сверстниц, и старшие женщины дают ей определенные и полные наставления о том, что означают перемены, происходящие в ее жизни. Ей показывают, насколько важна новая функция и как сильно от нее зависит благополучие расы. Затем она проходит церемонии, которые длятся несколько дней, во время которых ее тело и все его функции посвящаются племени. Теперь она одна из будущих матерей и, как таковая, имеет право на любое уважение и внимание. Нет никакой глупой сдержанности, никакой "скромности", так называемой, которая присваивает себе право критиковать мудрость Бога, создавшего человеческие существа мужского и женского пола, чтобы они могли вступать в брак и распространять свой род на земле. Ибо везде, где встречается такая "скромность", которая стыдится естественных и данных Богом функций,

имеет место либо психическое извращение, за которое жертву следует пожалеть, либо моральное извращение, которое следует порицать. Каждой индейской девушке дается полное понимание того, что означает эта функция со всеми ее возможностями, и ее учат молиться о том, чтобы, когда придет время, у нее появился возлюбленный, и чтобы он был хорошим мужем, и чтобы в свое время она стала счастливой и здоровой матерью многих счастливых и здоровых детей.

А в некоторых племенах есть святилища, куда девушек учат ходить и возносить молитвы о том, чтобы по воле богов свыше им были даны любовники, мужа и дети - не один или два, а много.

Это делается для того, чтобы придать сексу достоинство, приучить девочек к тому, что жено- и материнство - это святое и желанное, а не то, над чем можно просто подшучивать или говорить тайным шепотом друг с другом, как будто сама эта тема нечиста и непристойна.

Далее следует вопрос практического оздоровления, которому белым родителям, как мне кажется, нужно очень многому научиться, особенно в наш век скученности и умственного переутомления. Каждый месяц девочка должна отдыхать, чтобы сохранять и поддерживать свое тело в совершенно здоровом состоянии. Она может идти куда хочет, но должна быть тихой и спокойной, чтобы не нарушать режим работы и установить его регулярность. И не только это, но и то, что привычка к отдыху сохраняется до тех пор, пока функционирование продолжается всю жизнь. Даже в походе женщина может задержаться (если она того пожелает) и отдохнуть в течение дня или около того. Результат такого отдыха проявляется в силе и бодрости, которые женщины демонстрируют во время беременности и при родах. Кажется, что они накапливают силы, и, как я покажу позже, роды для большинства из них - не более опасное, болезненное или неприятное время, чем дыхание.

МАТЬ-ХАВАСУПАЙ, ГОРДЯЩАЯСЯ СВОИМ РЕБЕНКОМ-МУЖЧИНОЙ.

Матери, которые пренебрегают таким обучением и заботой о своих дочерях в подростковом возрасте, являются преступницами как по отношению к своим детям, так и по отношению к роду. Среди древних греков такая мать считалась бы чудовищем; однако многие матери признаются своим врачам, что ни разу не обмолвились со своими дочерьми ни единым словом на эту важнейшую тему. Когда я вижу, как дети идут в школу в подростковом возрасте и как наша конкурентная система образования заставляет их напрягать все нервы, чтобы впихнуть в мозг необходимое количество фактов, я не удивляюсь, что у нас так много болезненных женщин, не способных быть матерями здоровых и счастливых детей. Гораздо лучше, если наши дети не получают образования в области химии и литературы, физических наук и искусства, чем если они не будут готовы к счастливым отношениям прекрасного брака и сладкого и нежного родительства. Ибо пусть новая или старая женщина говорит что угодно, но божественный план состоит в том, чтобы женщины были женами, и притом

счастливыми женами, способными сделать своих мужей счастливыми или, по крайней мере, внести свою лепту в достижение этой цели, а также чтобы они познали радости материнства. Несчастлива та женщина, чье физическое состояние таково, что она отказывается познать сладкие прикосновения тела своего ребенка и лишает себя благословенной привилегии готовить его душу к красивой и полезной жизни.

Индийская мать следит за тем, чтобы ее дочь рано узнала о своих будущих возможностях и воле Высших относительно нее, а растущая женщина с такой же готовностью уклоняется от обязанностей своего пола, как и отказывается от еды. В результате нормальные роды у индийских женщин проходят практически безболезненно и совершенно без опасности. Я знал женщину, которая рожала сама, обрывала пуповину, а затем проходила полмили до ручья, заходила в него с ребенком, хорошенько обмывала его и себя, а затем возвращалась в свой лагерь, сосала малыша и как ни в чем не бывало продолжала заниматься своими обязанностями. В другой раз я видел, как женщина, менее чем через полчаса после рождения ребенка, отправилась за тяжелым грузом дров. Свобода от стягивающих талию ремней, абсолютная свобода тела, носовое и глубокое дыхание, мускульные упражнения на протяжении всей жизни, сон и жизнь на открытом воздухе - все это имеет большое значение для таких легких родов.

АВТОР ОПИСЫВАЕТ СИМВОЛИКУ КОРЗИНЫ ПАЮТИ.

Для доброй индианки также нет ничего более дурного, чем обойти волю Высших, отказавшись иметь детей. Такая женщина была бы почти чудовищем для индейца, который был бы не в состоянии постичь психику такой ненормальной. Детей нужно желать, о них нужно мечтать, и они должны стать радостным достоянием. При изготовлении некоторых своих корзин женщины пайюти плетут узор, который показывает отверстие между верхним и нижним мирами, через которое должны приходить души всех детей, рожденных в этом верхнем мире. Благодаря соответствию символа и символизируемой вещи ткачиха Пайути верит, что если она закроет это отверстие в корзине, то станет неспособной родить еще детей. Поэтому, даже если бы вы предложили ей весь ее вес в деньгах, вы не смогли бы убедить ее закрыть отверстие в конструкции корзины. Это было бы обходом воли богов.

Тот же закон действует и в отношении сосания ребенка. Индейская мать никогда не мечтает отказаться от этой полезной для здоровья обязанности и удовольствия. Она считает это

одной из своих особых радостей, в которой она превосходит человека. И как ткачиха Паюти отказывается закрывать отверстие в своей корзине, так и женщина Зуни отказывается закрывать, кроме как с отводом глаз и молитвой, чтобы боги увидели, что она сделала это с невидящими глазами, крошечное отверстие в молочной железе бутылок для воды, которые она делает из глины в подражание человеческой груди. Она не смеет, даже символически, намекать на закрытие своих собственных материнских источников.

Ах! Прекрасная простота и радость естественности. Бог мужчин и женщин, несомненно, знал, что для них хорошо, когда приводил в движение силы, создавшие их. В гармонии с Его волей и целью мы становимся здоровыми, счастливыми, нормальными существами, живущими в чистоте, прогрессе и мире. В противовес Его воле мы - нездоровые, несчастные, ненормальные существа, полные убогости, нечистоты и страданий. Во многих вещах индеец, слишком простой, чтобы далеко отходить от Божественных предписаний, которые приходят к нему через общение с природой, мудрее нас. Так давайте же облачимся в одежды простоты, попытаемся узнать волю Божью и с сердцами, как у малых детей, познаем истинный путь, а затем будем искать мужества, чтобы идти по нему.

ЗДОРОВАЯ И СЧАСТЛИВАЯ МАТЬ ПИМА, ЧЕЙ РЕБЕНОК БЫЛ С РАДОСТЬЮ ПРИНЯТ.

ГЛАВА XVI

ИНДИАНКА И ЕЕ РЕБЕНОК

В другом месте я уже рассказывал о том, как индианка принимает своего ребенка. Его встречают с радостью, и все же в первый час обращения с ним большинство белых женщин думают, что его жизнь закончилась. Убедившись, что он дышит правильно - то есть через нос, - мать несет малыша к ближайшему ручью или водоему и хорошенько купает его. Холодная вода ее не пугает, и она не боится, что она пригодится ребенку. Можно сказать, что с этой холодной ванной ребенок вступает в земное существование. Отныне жизнь - это череда закаливающих процессов. Индийские младенцы не получают глупой и слабой опеки. Их очень любят и часто гладят, но при этом заставляют лежать на плоских досках или в корзинах-колыбелях, с привязанными руками и ногами, и таким образом рано приучают к физическому ограничению. Они спят за дверью со дня своего рождения и привыкают к любой погоде. Индийского ребенка, перенесшего холод, мы будем искать напрасно. Имя, мысль о таком заболевании неизвестны.

Если родителям приходится переезжать из каньона на плато или уходить в дальние леса за запасом орехов на зиму, ребенка кладут в корзину, качают на спине матери, зависшей у нее на лбу, и везут либо верхом, либо пешком к новому месту остановки. Простота и естественность сопровождают каждый этап жизни малыша вплоть до возраста полового созревания, когда детская жизнь заканчивается и начинается жизнь мужчины или женщины.

ЗДОРОВЫЙ И СЧАСТЛИВЫЙ ИНДИЙСКИЙ РЕБЕНОК.

Несмотря на то, что наш метод обращения с белыми детьми по необходимости должен отличаться от этого, мы можем извлечь из опыта индейцев много уроков, которые принесут существенную пользу нашей расе. Ключевой камень всей этой идеи заключен в словах: "Никакой опеки". Не так давно я был в доме одного знакомого художника. Его жена только что подарила ему прекрасного, здорового сына. Присутствовала мать жены, которая взяла на себя заботу о молодой матери и ее ребенке. В комнате было душно, так что едва можно было дышать, а когда я подошел к ребенку, он лежал завернутый в колыбель, с простыней и *тремя одеялами на голове*. Я сразу же открыла двери и окна, тщательно следя за тем, чтобы мать не простудилась. Я прочитал и бабушке, и новоиспеченной матери лекцию о чудовищной глупости и жестокости лишения новорожденного ребенка воздуха, необходимого для его расширяющихся легких. Урок был воспринят в должном духе, так как отец полностью согласился со мной, и после отъезда бабушки, через несколько дней, процесс укачивания и удушения прекратился, а на смену пришли холодная ванна, сон вне

дома и в целом здоровое обращение с ребенком. Я знаю, что это преувеличенный случай, но он служит иллюстрацией неправильного и чрезмерного "опекания", которое мы даем нашим детям и которое приводит к таким порокам, как слабые легкие, слабое горло, готовность переносить холод и т. д.

В качестве преувеличенной противоположности этому позвольте мне рассказать о том, как я обращался со своими собственными детьми.

Когда родился мой первый сын, мы были так расположены, что я был вынужден быть и врачом, и сиделкой. Его первым опытом - после хорошей горячей ванны - была холодная ванна, и уже через полчаса после рождения он спал за дверью. В возрасте пяти недель он и его мать сопровождали меня в восьмисотмильной поездке по равнинам и пустыням Невады. Мы разбили лагерь, спали на земле и при любой возможности купали его под открытым небом в холодных горных ручьях, которые иногда встречались.

Через год или около того после рождения второго мальчика я был расквартирован в маленьком городке Сидарвилл, штат Калифорния, и одним из самых счастливых воспоминаний моей жизни там была зима, когда на земле лежал глубокий снег. Я расстилал холст на полу своего маленького кабинета, где в печке пылал хороший огонь, приносил пару умывальников, полных снега, раздевал малышей и наблюдал за ними, как они сидели в снегу, растирали его по своему голому телу, смеялись, кричали и кричали от восторга, когда я легонько бросал в них снежками.

Пока они были маленькими, каждое утро, прежде чем их одеть, они стояли на улице, пока я выливал - не выливал, а выливал - на них ведро холодной воды. Затем, после энергичного и сердечного растирания, они отправлялись со мной на прогулку, где им разрешалось бегать, прыгать и резвиться от души.

Это я называю рациональным обращением с детьми. Это, безусловно, здоровое лечение, и те, кто воспитывается по такому индейскому методу, никогда не узнают тех болей, недугов и слабостей, которыми страдают большинство белых детей. И я бы относился к своим девочкам, если бы они у меня были, точно так же, как к своим мальчикам, потому что здоровье расы в большей степени зависит от здоровья будущих матерей, чем от здоровья будущих отцов.

Если вам покажется, что я слишком крайний, я процитирую статью целиком из недавнего журнала *Good Health*, озаглавленную "Упорная культура здоровья", из которой видно, что и другие поступали так же с одинаково хорошими результатами.

"Было время, когда одежда, роскошная или предназначенная для использования, кроме собственных раскрашенных шкур, у наших предков не было".

И все же они были гораздо здоровее и выносливее, чем нынешнее поколение, одевающееся во все подряд". Почему дикарь безнаказанно ходит голым, в то время как цивилизованный человек дрожит в своей одежде и становится жертвой простуды, пневмонии и множества болезней, неведомых голому дикарю?

"Одно из чудес нормального человеческого тела - его удивительная приспособляемость, поддержание равновесия в постоянно меняющихся условиях. Благодаря регуляции и адаптации тепловых функций организма температура тела поддерживается на нормальном уровне, несмотря на изменение температуры окружающей атмосферы. Но когда тело постоянно искусственно нагревается, как, например, при чрезмерной одежде или перегреве

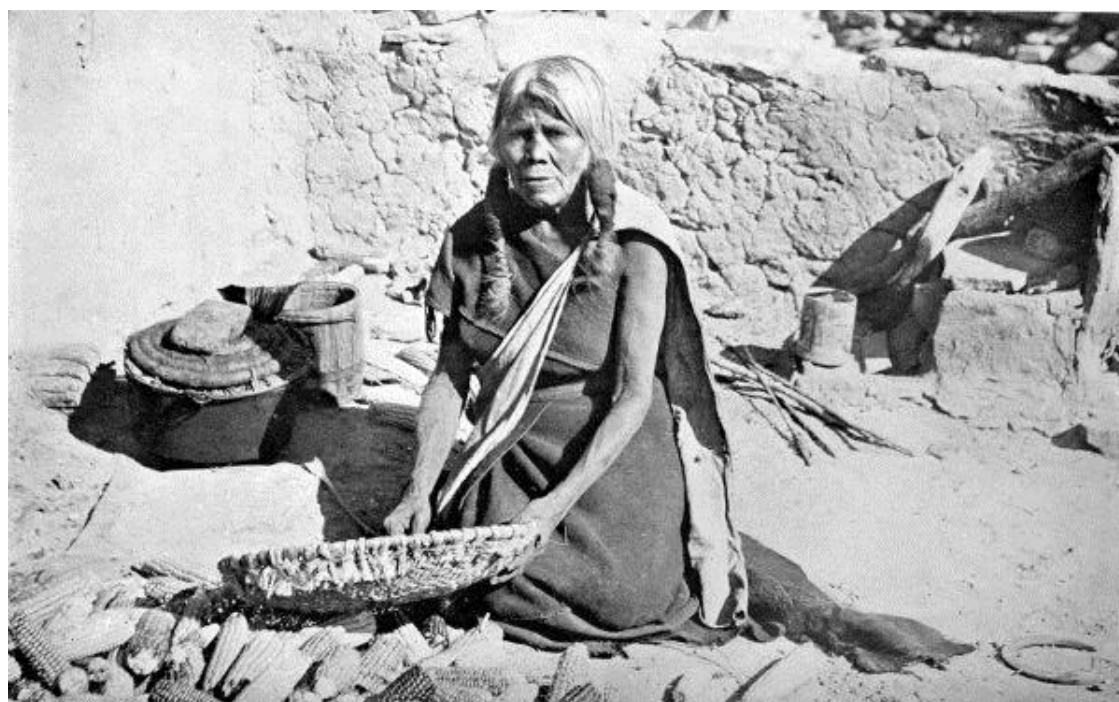
помещения, его функции в определенной степени становятся неактивными, и, как следствие, естественная сопротивляемость организма значительно снижается.

"Усилия организма, направленные на сопротивление холоду, стимулируют и укрепляют его. Тот, кто может противостоять холоду, может противостоять всем видам болезнетворных микробов. Это было продемонстрировано успехом "лечения холодным воздухом" при различных заболеваниях.

"Старая добрая забота о нежных детях, которая еще больше снижала их жизненную силу и ослабляла выносливость, теперь уступает место своей противоположности. Было установлено, что разумное воздействие холода является одним из лучших методов укрепления слабых младенцев и развития здоровых детей. На недавней конференции матерей, проходившей в Миннесоте, им посоветовали, что снежный вал - одна из лучших колыбелей. Одна из матерей, попробовавшая это средство, считает, что именно оно объясняет необычное здоровье и силу семьи.

"Врач из Милуоки, доктор Джон Э. Ворден, использовал это жесткое лечение, чтобы подготовить своих малышей к суровым условиям жизни, и до сих пор его методы вполне оправдывают себя. Его маленькие дочери, Ширли и Джейн, в возрасте соответственно восьми и трех лет, - две самые крепкие и здоровые частицы человечества, которым неведомы всевозможные болезни. В холодную погоду этих детей можно увидеть босыми и без головы, одетыми только в хлопчатобумажную одежду, с удовольствием резвящимися в сугробах, и при этом на их коже нет ни одного гусиного прыщика.

"Мы просто соблюдаем правила гигиены, - говорит доктор Ворден, рассказывая о своих уникальных методах воспитания детей. Мы стремимся к профилактике, а не к лечению. Мы воспитали детей так, что они не боятся ни ледяной ванны, ни резвиться в снегу босыми ногами. Дверь всегда открыта, они выходят, когда хотят, и возвращаются, когда готовы. Мы не заставляем детей выходить на снег босиком; они выходят по собственной воле и играют, пока не устанут или пока их внимание не будет привлечено чем-то другим.

ИНДЕЕЦ ХОПИ В ОРАЙБИ ЧИСТИТ КУКУРУЗУ.

"Летом мы отправляем их на солнце босыми и без головы, приказывая держаться подальше от тени. В уличных вагонах им предписывается сидеть на солнечной стороне вагона. Хорошо, чтобы они испытывали контраст, поэтому в теплую погоду им ежедневно делают холодную ванну. Зимой им разрешается выходить на улицу, чтобы получить стимул от холодного воздуха.

"Дети, воспитанные как нежные тепличные растения, скорее всего, заболеют простудой и другими болезнями и умрут, так как у них нет крепкой конституции. Напротив, эти дети могут выжить без всяких болезней; а если они заболеют, то выздоровление почти наверняка наступит, потому что они сильны и находятся в хорошем состоянии".

"И доктор Ворден, и его жена - выпускники Мичиганского университета, а миссис Ворден в течение нескольких лет до замужества была квалифицированной медсестрой.

"Во время обучения в больнице и работы в учреждениях, - рассказывает миссис Ворден, - я видела так много болезней, вызванных ослабленными телами, что исследовала причины и пришла к выводу, что большая часть слабости вызвана недостатком физического развития, злоупотреблением ошибочной добротой со стороны родителей, которые настолько ослабили неокрепшие тела, что они не могли противостоять атаке болезни. С нашими детьми, начиная с младенчества, мы преследовали одну цель - дать им крепкое телосложение, и до сих пор нам это удавалось. Они никогда не получали ни капли лекарства и ни разу не болели".

"Одежда этих детей всегда легкая, одинаковая летом и зимой. Она почти исключительно хлопчатобумажная, и в ней никогда не используются ленты. Вместо чулок носят простые, разумные, удобные римские сандалии, которые делают только в Англии.

САМЫЙ ДОБРЫЙ РЕБЕНОК, КОТОРОГО Я КОГДА-ЛИБО ВИДЕЛА. ЕЕ РОДИТЕЛИ - ВАЛЛАПЕЙЦЫ.

"Мы стараемся одевать их как можно легче, - говорит миссис Ворден, - полагаясь на их прекрасные теплотворные органы, которые сами вырабатывают дополнительное тепло, необходимое в экстренных случаях. Это стимулирует потребность в хорошей, сильной внутренней циркуляции жидкостей в организме и создает желание немного позаниматься, чтобы сохранить тепло. Перегретые дети обычно ленивы".

"В доме Ворденов солнечно и светло, окна открыты днем и ночью, а в комнатах всегда прохладно и свежо. Никакой бесполезной мебели, никаких безделушек, никаких драпировок, в которых могут завестись пыль и микробы. Стены, полы из твердых пород дерева и немногочисленные предметы мебели содержатся в тщательной чистоте, но без украшений. Весь дом отдан детям, и нет необходимости в каких-либо запретах.

"По поводу питания своих детей доктор Ворден говорит: "Ни одна национальная или международная проблема, касающаяся благосостояния нашего народа, не является столь важной, как наша продовольственная проблема. И все же она очень проста, ее решил мудрый Создатель еще до сотворения человека. На кухне наших современных домов тратится достаточно времени, чтобы испортить хорошую еду, делая почти невозможные смеси, а затем пережаривая их, чтобы сделать всю необходимую работу для любой нации. Такое небрежное и невежественное питание приводит к нездоровью, от которого нет спасения, если мы не научимся вести разумный образ жизни, питаясь умеренно натуральными продуктами, причем в простых сочетаниях.

"С нашими детьми, очень мало коровьего молока используется, в основном из-за его ненадежности в городе; но мы не одобряем изобилие молока в любом случае, после того, как дети имеют зубы, чтобы использовать на их пищу. Их рацион состоит из фруктов, злаков, орехов и овощей, без использования специй, уксуса и т. д. Используется исключительно цельнозерновая мука, включая отруби.

"Их никогда не заставляют есть. Мы ожидаем, что они сами поймут, голодны они или нет. Принуждение детей к еде приводит к переполнению желудка, а это - к расстройству кишечника, а зачастую и к смерти. Следующей по важности причиной переедания является разнообразие. Мы никогда не предоставляем им выбор блюд за один прием пищи. Рацион на каждый прием пищи прост, и все же за сезон или год они получают довольно большое разнообразие, как показывает список фруктов, которые они получают, по одному виду за раз: Яблоки, груши, виноград, сливы, вишни, апельсины, ананасы, персики, виноград, чернослив, абрикосы, инжир, финики, изюм, бананы, дыни и многочисленные виды ягод - все отборные фрукты. Они презирают все, что имеет плохое пятно, как непригодное для еды. И опять же, мы покупаем им много орехов для еды, а не только для того, чтобы они с удовольствием раскалывали их, ели и, как правило, переедали. Они получают ореховую пищу, как солдат Соединенных Штатов свою пайку. Далее у нас огромный выбор овощей, из которых они получают по одному виду за один прием пищи - никогда два овоща одному ребенку за один прием пищи. При таком питании нет повода удивляться тому, что они никогда не болели. Хорошее здоровье, которое можно получить от простой еды, с лихвой окупает любое кажущееся воздержание".

"Дети Ворденов уже стали маленькими спортсменами. Старшая девочка - самая юная баскетболистка в Милуоки. Каждый вечер они занимаются несколько минут голышом, попутно принимая воздушную ванну для кожи всего тела и развивая и укрепляя мышцы.

"Доктор и миссис Ворден - не причудливые люди. Они искренне и неуклонно стремятся выполнить возложенное на них доверие, вырастить из своих детей сильных здоровых женщин, укрепить их выносливость и развить их физические способности, воспитывая их в соответствии со всеми законами здоровья".

Еще одна вещь, которой я бы хотела, чтобы белые женщины научились у своих сестер-индианок, - это то, что они знали раньше, но быстро забыли. Это радость сосания своих собственных детей. Индийская мать, которая не сосет своего ребенка, почти неизвестна. С "высшими классами" белой расы все обстоит как раз наоборот. Это не только наносит огромный вред ребенку, но и чревато самыми серьезными последствиями для матери. Неужели мать ребенка сознательно лишает себя всех маленьких, нежных, сладких интимных отношений, которые естественным образом вырастают из этих отношений; радости от

выполнения естественной и прекрасной функции; чувства, что жизнь ребенка все еще поддерживается собственной кровью матери, преобразованной материнской любовью и материнскими процессами в сладкую, вкусную пищу, с которой ничто другое не может сравниться?

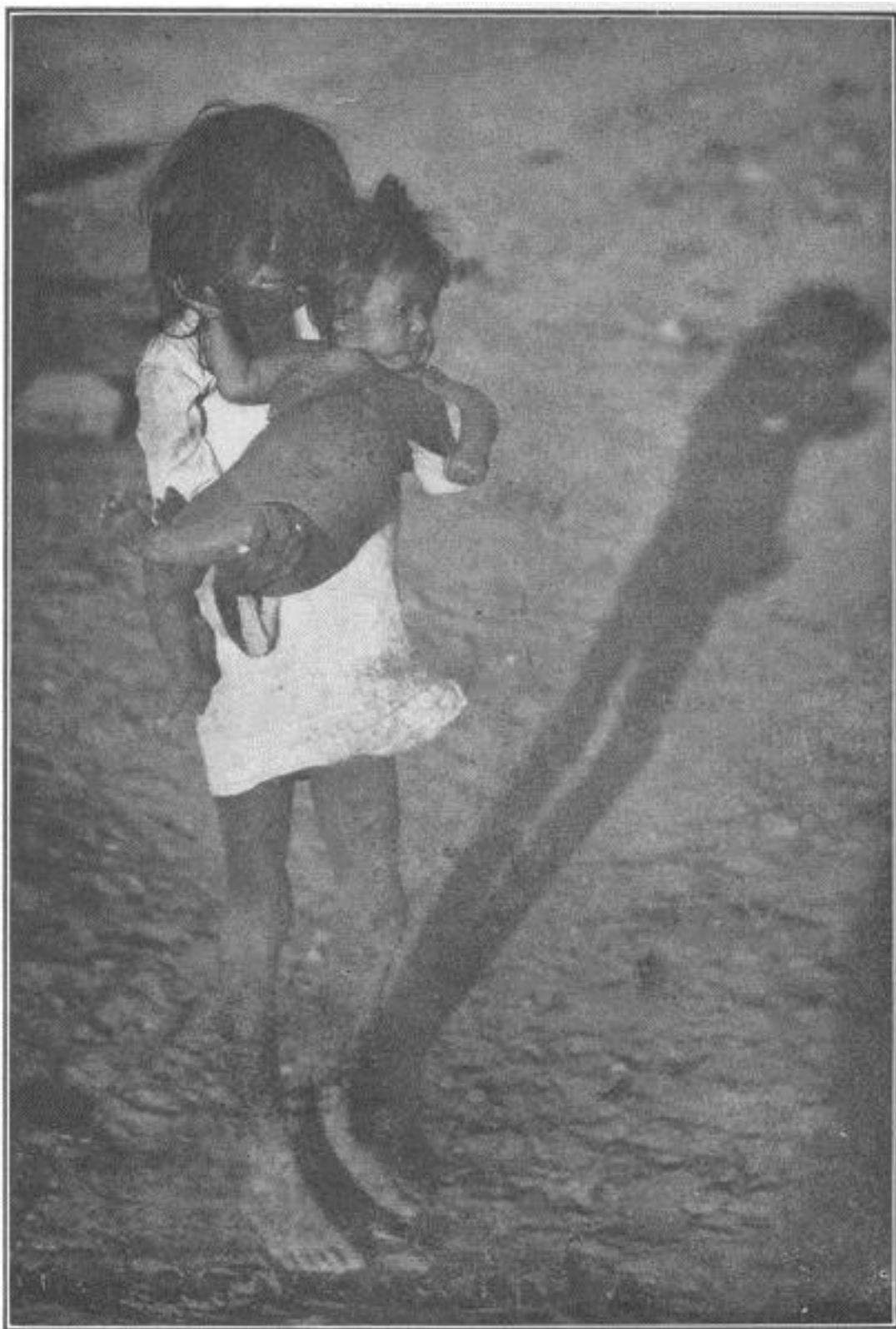
СТАРАТЕЛЬНАЯ ПЛЕТЕЛЬЩИЦА КОРЗИН ХОПИ, КОТОРАЯ ТАКЖЕ ЯВЛЯЕТСЯ ХОРОШЕЙ МАТЕРЬЮ.

Факт, что все высшие привязанности и эмоции человеческой души необходимо культивировать и развивать. Ребенок почти не видит красоты заката; его нужно научить распознавать ее. Любовь к природе растет по мере того, как мы ее культивируем. Благородные эмоции самопожертвования, смирения, доброты растут по мере того, как мы их культивируем, и хотя там, где материнство - совершенно естественный процесс, радость сопровождает его во всех проявлениях, нельзя отрицать тот факт, что в нашей так называемой цивилизации женщины должны культивировать чувства, связанные с этой

функцией, чтобы вызвать в себе ту радость, которой они должны обладать в норме. Но в том, что сосание собственного ребенка приносит радость, меня уверяли многие, многие матери - настоящие матери, - и я хочу присоединить свой голос к мольбам невинного ребенка, чтобы каждая мать дала свою сладкую, любящую грудь ребенку, которого она принесла в этот мир. Некоторые матери отказываются, потому что это разрушает красивый контур бюста; другие - потому что это требует слишком тесного заключения и, следовательно, запрещает регулярное посещение клубов или общественных мероприятий. Бедные женщины! Обменивают свои данные Богом права и привилегии на похлебку, которую общество и клубная жизнь предоставляют матерям в то время, когда они должны быть со своими малышами. Может ли какое-либо общество на земле, какой-либо клуб, который когда-либо существовал, компенсировать потерю здорового питания, получаемого из груди любящей матери? Пусть статистика "бутылочных" детей подтвердит опасность, которую несет отказ матери (или ее неспособность - за что ее можно скорее пожалеть, чем осудить) сосать свое дитя.

ГОРДАЯ И СЧАСТЛИВАЯ МАТЬ ВАЛЛАПИ.

РЕБЕНОК ХОПИ, ЕЩЕ НЕ ЗНАВШИЙ ОДЕЖДЫ.

ГЛАВА XVII

ИНДЕЙЦЫ И СВЯТОСТЬ НАГОТЫ

В то время как взрослые обоих полов среди всех индейцев носят либо юбку, либо ге-стринги, нет ни малейшего колебания в том, чтобы позволить молодым, как мальчикам, так и девочкам, бегать по улицам в обнаженном виде. С тех пор как мы послали к индейцам белых учителей и миссионеров, они начинают понимать, что каким-то образом - хотя они не могут понять, как и почему - есть что-то неприличное в том, чтобы позволять обнаженным детям разгуливать по их домам и деревням. Их учат "стыдиться", их дети становятся сексуально озабоченными, как и наши белые дети, задолго до их времени, а мы навязываем им наши ненавистные, нечистые и кощунственные представления о наготы. От себя я могу признаться, что не испытываю симпатии к подобным учениям. Я считаю его ненужным, и не только ненужным, но и положительно вредным. Я верю в святость наготы, особенно для маленьких детей, и хотя при наших нынешних социальных обычаях мы не можем позволить нашим детям обнажаться или частично обнажаться на публике, я хотел бы, чтобы наши умы были так же чисты в этом вопросе, как у индейцев, с которыми я так давно знаком.

Что бы общество ни требовало от нас в обществе, нет никаких причин, по которым в частной жизни и наши дети, и мы сами не должны проводить определенную часть каждого дня, если это возможно, в контакте с прямыми лучами солнца и воздуха. Каждая школа в стране должна быть так оборудована, а наши дети и их родители должны быть так обучены, чтобы под надлежащим руководством определенную часть каждого дня ученики могли бы находиться под таким воздействием. Всем известна польза, которую приносит обнажение рук и ног под воздействием солнца и бриза на морском берегу. Мужчины, женщины и дети, покидающие город ради ежегодного отпуска на море, возвращаются к своей замкнутой, цивилизованной (!) жизни с новыми силами и здоровьем. Почему бы не дарить частичку этой жизни городским детям каждый день в году? Даже в восточных городах зимой в верхних этажах школьных зданий можно было бы устроить солярий, и там, широко распахнув все окна, дети, одетые в самую скучную одежду, как на море, могли бы выполнять физические и дыхательные упражнения, резвиться или играть в игры в течение получаса, к их огромной пользе для тела и ума.

Мы так долго приучали себя к полувыраженному убеждению, что в наготы есть что-то неправильное, что мы видим женские клубы, драпирующие статуи, и организации, отвергающие фигуры из-за их обнаженности, которые все века и все цивилизованные народы принимали как чистые и целомудренные произведения искусства. Я ни на секунду не хочу, чтобы подумали, будто я одобряю все обнаженные статуи или картины. Многие из них не обладают никакими достоинствами. Однако я не стану без разбора осуждать все произведения искусства, изображающие обнаженную натуру, только потому, что они обнажены. Мы забыли, как выглядит здоровое тело, и стыдимся, когда видим его. Своим умонастроением мы обвиняем Творца в непристойности того, что "мужчину и женщину сотворил Он", ибо мы не только скрываем тела противоположных полов друг от друга (что совершенно правильно и мудро), но и стыдимся того, что дочерей видят обнаженными их собственные матери, а матерей - их дочери. Я верю в святость наготы. Пусть полы остаются раздельно, всеми средствами, но пусть будет меньше ложного стыда, когда мужчины видят обнаженных мужчин, или женщины видят обнаженных женщин, или кто-то из них или оба видят обнаженных детей. Самые консервативные из белых исследователей утверждают, что обнаженные племена аборигенов - самые чистые, целомудренные и по-настоящему скромные. Наше представление о том, что раз индейцы не одеты, значит, они непристойны и нечисты, нечистоплотны и нецеломудренны, - это грязная концепция, позорящая нас самих

и нашего Создателя. *Honi soit qui mal y pense*" и "для чистого все чисто" сегодня так же верны, как и тогда, когда они были впервые сказаны и написаны, и хотя я, как и любой другой человек, против обнаженных изображений и статуй, которые не могут похвастаться ничем, кроме своей наготы; хотя я решительно против беспорядочной наготы полностью или частично, я так же против ментальной установки, что нагота сама по себе неправильна и что Творец не знал своего дела, когда создавал нас обнаженными и разного пола.

РЕБЕНОК ХАВАСУПАИ, ВОСПИТАННЫЙ
ЧТОБЫ НАСЛАЖДАТЬСЯ ПРЕБЫВАНИЕМ НА УЛИЦЕ В
ДОЖДЕМ.

Бенджамин Франклин, Джон Куинси Адамс и многие другие великие люди мира ежедневно выставляли свое тело на солнце и воздух. На протяжении многих лет я пользовался любой подходящей возможностью, например, когда совершал пятнадцатидневное путешествие на гребном судне по реке Колорадо. Во время путешествия по Солтонскому морю, в пустынях,

каньонах, лесах, на горных вершинах я каждый день старался облучать свое тело, и каждый вечер и утро в кемпинге, перед тем как лечь и встать, я принимал короткие воздушные ванны, иногда с энергичными физическими упражнениями. Таким образом, сила Божьего солнца и воздуха проникает в мое тело через каждую пору кожи, и я наслаждаюсь здоровьем, бодростью, энергией и ощущением восторга, которые не могу получить никаким другим способом".

Когда я впервые посетил индейцев племени гавасупай, все мужчины были обнажены, часть времени, за исключением нагрудного платка. Во время их танцев, в некоторых из которых я участвовал, было восхитительно наблюдать за движениями их совершенных мышц, за их бронзовой плотью, сверкающей на солнце или в отблесках лагерных костров. И мужчины, и женщины, и дети одновременно купались в прозрачных водах ручья Хавасу, причем взрослые, разумеется, носили либо короткую юбку, либо набедренную повязку, но основная часть тела была полностью обнажена. Здесь не было никакой нескромности и даже мысли о чем-то подобном. Нагота или полунагота воспринималась как нечто само собой разумеющееся, и ни словом, ни делом никто этого не замечал. После энергичного плавания молодые люди занимались борьбой, юноши бегали наперегонки, мужчины предавались различным играм, их тела по-прежнему были открыты солнцу и воздуху, и никто не мог не заметить здоровья, бодрости и силы, которые проистекали из такой привычки к жизни.

Хопи приучают своих мальчиков и юношей к утренним пробежкам по пустыне в состоянии почти полной наготы, а во время змеиных танцев на них не надевают ничего, кроме гингива, и люди обоих полов смотрят на них, не думая о нескромности. Скрамность - это состояние души, и она не имеет ничего общего с обнажением или прикрытием тела. Можно быть Годивой и быть гораздо более скромной, чем та, которая закрывает не только все тело, но даже лицо. А от себя я хочу заявить, что для нравственности цивилизованного человека было бы гораздо лучше, если бы он воспитывал своих детей обоих полов в духе признания и понимания святости наготы, а не прикрывал бы тело, как это делает он, и своими словами и поведением утверждал, что считает неприличным обнаженное тело. Всегда можно надеть небольшой платок, и этого достаточно для всех целей истинной скромности.

ОБНАЖЕННЫЙ ХОПИ ПРЯДЕТ ШЕРСТЬ ДЛЯ
ДЛЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ ПЛАТЬЯ ДЛЯ СВОЕЙ ЖЕНЫ.

Во многих ведущих санаториях мира пациенты должны ежедневно в течение определенного времени выставлять свое тело на солнце и воздух. Здесь идет борьба за возвращение к естественному состоянию, что является почти необходимым условием для достижения и сохранения идеального здоровья. Доктор Говард Ф. Рэнд так пишет об открытых тренажерных залах для мужчин и женщин в санатории Боулдер , штат Колорадо:

"Здесь пациенты-мужчины, одетые в простые плавки, греются в лучах солнца на песке, покрывающем землю, следуют за тренером по различным линиям гимнастических упражнений, наконец, погружаются в бассейн и выходят оттуда готовыми к сушке и тщательному растиранию. Надев простую одежду, они могут, по желанию, подняться на гору, собрать красивые полевые цветы и отдохнуть, любясь окружающими пейзажами.

"Гимнастический зал на открытом воздухе особенно полезен при лечении женщин. Очень трудно заставить их правильно одеваться во время физических упражнений, и они "так боятся" подвергнуться воздействию солнечных лучей и "испортить" свой цвет лица. Но прекрасное телосложение некоторых наших молодых женщин, которые тренировались в этом направлении, и уверенность в том, что они могут так развивать себя, заставляют их совершать короткие поездки в гимнастический зал, и постепенно они становятся готовы освободиться от тесных одеяний и подвергнуть себя воздействию солнечного света. Удовольствие манит, удовольствие от упражнений в этом месте без ограничений тесной одежды быстро возрастает, а желаемые результаты достигаются таким способом за меньшее время, чем при любом другом виде тренировок. Очень важно, чтобы во время занятий человек находился в естественном состоянии, чтобы все органы тела могли двигаться свободно и естественно, без помех и препятствий. Число, кажется, усиливает очарование; поэтому робкие и отстающие делают первые шаги с большей готовностью.

"Поначалу многим не удастся расширить талию; но прыжок в бассейн, температура воды в котором составляет 70-75°, заставляет их произвольно раздувать дыхательные органы, и благодаря этому и специальной тренировке глубокое дыхание становится привычным за меньшее время, чем при любом другом способе".

"Мы стремимся к тому, чтобы наши пациенты проводили в гимнастическом зале под открытым небом не менее часа дважды в день (после обеда и после ужина).

"Вскоре после начала этого курса кожа пациента, а также его ум, будут проясняться. Он скажет, что у него улучшился аппетит, что он крепче спит и набирает вес и силы. За короткое время поверхность становится коричневой, но как только пигментация прекращается, появляется естественный, жемчужно-белый оттенок - верный признак здоровья".

Такие гимнастические залы под открытым небом можно встретить в ведущих санаториях мира, что наглядно показывает, что индийская идея наготы получила одобрение самых высоких и мудрых медицинских взглядов белой расы.

Тело - сладкое, драгоценное, прекрасное выражение Божьей мысли; оно было и остается Божественным домом для разума, души, бессмертной части человеческого существа. Павел прямо заявляет, что это "храм Святого Духа". Каждая его часть прекрасна, каждая дана Богом. В здоровом состоянии это самая совершенная машина, когда-либо созданная, и самая красивая. Каждая функция, которую он выполняет, - чудо, каждая сила, заключенная в нем, - чудо. Как же очевидно неправильно все, что унижает, принижает, оскорбляет высокое и высшее достоинство этой славной структуры. И все же мы стыдимся этого, мы извиняемся за это, мы учим наших детей стыдиться этого и прикрывать это как зло.

ГЛАВА XVIII

ИНДЕЕЦ И ОТКРОВЕННОСТЬ

Еще одна вещь, которой представители белой расы могли бы научиться у индейцев, и было бы хорошо, если бы они это сделали, - это добродетель откровенности. Если вы нравитесь или не нравитесь индейцу, он дает вам это понять. Нет ни притворства, ни лицемерия, и в своей речи он указывает на свои чувства. Кроме того, он не обижается на откровенную речь. Если он лжет и вы ему об этом скажете, он сделает вам честь; а если вы солжете, он без колебаний скажет об этом. Сделав пальцы обеих рук в виде языка по обе стороны рта, он говорит: "Ты говоришь сразу о двух вещах", что в переводе с индийского означает более грубый жаргон: "Ты лжец!". У индейцев нет условной лжи. Они не говорят неправды ради

вежливости. Они усвоили урок Галилеянина, который две тысячи лет назад учил: "Да будет "да" ваше "да", и "нет" ваше "нет", ибо все, что больше этого, идет от зла". Конечно, среди индейцев есть неправдивые, но в большинстве своем их слово никогда не нарушается. Я с такой же готовностью приму простое слово большинства знакомых мне индейцев, как и слово самого честного и благородного из старомодных южных джентльменов. И мне не придет в голову оскорблять индейца, ставя его честность в речи в один ряд с честностью обычного светского или делового человека или женщины в Америке, как не придет в голову оскорбить льва, назвав его волком. Сильные слова, но верные, и их можно продемонстрировать. Слишком часто индейцы, вступающие в контакт с белыми, учатся лгать, но чистый, незагрязненный, нецивилизованный индеец ненавидит ложь и лжеца так же сильно, как, согласно пословице, дьявол ненавидит святую воду. Я никогда не забуду впечатление, произведенное в зале суда во Флагстаффе, штат Аризона, когда Бигвоттен, индеец племени навахо, которого обвинили в убийстве и который послал шерифу весточку, что искать его бесполезно, так как его никогда не найдут, но что, если он нужен, он придет, когда начнется суд, - я говорю, я никогда не забуду удивительное впечатление, произведенное гордым входом в зал суда этого старого и величественного индейца и его речью, обращенной к судье: "Хотя я тяжело ранен, а путешествие по пустыне было тоскливым и долгим и едва не убило меня, я дал слово, что буду здесь, - слово индейца навахо, которое никогда не нарушалось, - и вот я здесь. Делайте со мной, что хотите, только честно".

АВТОР ВО ВРЕМЯ ПАУ-ВАУ С ИНДЕЙЦАМИ ЮМА.

Несколько раз я с полной уверенностью рисковал своей жизнью, отправляясь на разведку, по одному лишь слову индейца, что он будет в таком-то месте в такое-то время с едой и водой. И таков был мой опыт, что теперь я без колебаний принимаю простое слово любого индейца, имеющего обычную хорошую репутацию.

Я часто проводил "пау-вау" с различными племенами, и все, что они обещали мне на таких советах, неизменно выполнялось.

И все же в менталитете многих индейцев есть одна особенность, которая требует комментария. Когда незнакомец спрашивает индианку о чем-то, что она (или он) считает неважным, например, о значении определенного рисунка на корзине, индейская концепция вежливости заставляет ее дать вам тот ответ, которого, как кажется, требует ваш вопрос. Например, если вы видите зигзагообразный узор на корзине и спрашиваете ее: "Это символизирует молнию?", она думает, что именно это вы хотите изобразить, и отвечает: "Да!" Проходит десять минут, и ее спрашивают: "Это рябь солнечного света на воде?" И снова с той же мыслью, что она должна быть вежливой с вопрошающим, что это именно тот ответ, о котором ее просят, она отвечает: "Да!" И так далее с дюжиной разных вопрошателей, и все они по-разному интерпретируют один и тот же символ, и каждый раз ее ответ будет "да".

Однако это не неправда. Это происходит потому, что белый вопрошающий не знает, что его метод выведывания истины у индейца не подходит. Он попросил определенный ответ, и он его получил.

ГЛАВА XIX ИНДЕЕЦ И РЕППИНГ

За все время моего общения с индейцами я не могу припомнить ни одного случая, когда бы индейцы унывали, сожалели о неизменных событиях прошлого, плакали или причитали об утраченных радостях, деморализующей жалости к себе или преувеличенной беды из-за того, что "мы видели лучшие дни". Простая, неприхотливая, по-настоящему демократическая жизнь индейцев избавляет их от этих последних бед, которые присущи белой расе, делая их невозможными, а жалости и самосожалениям, похоже, нет места в их лексиконе. Они плачут и причитают, когда умирают их близкие; собираются вместе и молятся, если засуха или другие природные катаклизмы уничтожают их урожай, но когда плач закончен, он закончен, и жизненные обязанности выполняются без постоянных упреков и жалости к себе. Что случилось, то случилось. Ничто не может его изменить. Такова воля Свыше, и неважно, есть она или нет, она *ЕСТЬ*, и этого достаточно. Так зачем же жаловаться, зачем протестовать. Примите неизбежное. Оставьте все как есть. Позвольте мертвому прошлому похоронить своих мертвецов. Делайте работу сегодняшнего дня; не обращайтесь на вчерашнее горе.

Мне кажется, это и есть индийская позиция. Своего рода гордое согласие, мужское и женское признание фактов, готовность встретиться с ними лицом к лицу и таким образом одержать над ними победу. Вместо того чтобы превозносить свои горести, они минимизируют их постоянным трудом и делают прямо противоположное, а именно превозносят свои радости. Я часто слышал, как это делается. Вдова говорит о своем погибшем муже и тут же в радостных тонах упоминает о своих мальчиках и девочках, о своем прекрасном кукурузном поле, о своем персиковом саде - о своих благословениях, в сущности.

Невозможно оценить количество времени, сил, энергии и жизни, потраченных белой расой впустую на сетования, сетования, плач по поводу того, что нельзя ни помочь, ни изменить. И как абсурдны такие сетования. Если зло можно исправить, исправьте его. Если ошибку можно исправить, исправьте ее. Но тратить драгоценное время, силы и энергию на напрасные сетования и жалость к себе - это преступление, на которое ни один индеец не пойдет по такой глупости. Остается только белой расе демонстрировать таким образом свое превосходство! Это происходит по двум или трем причинам. Первая: Наша раса, в основном наши женщины, не так здоровы физически, как индейцы, а там, где физического здоровья не хватает, так легко поддаться силе злых обстоятельств. Сильные мужчины или женщины могут заставить себя заниматься физической и умственной деятельностью, и это приносит утешение и забвение болей, бед и печалей прошлого. Второе: сама легкость и роскошь нашей жизни, которой так жаждут все белые люди, дает нам время и возможность сесть и поразмышлять над источниками печали, в то время как, с другой стороны, у индианки есть ежедневная работа, которую она должна выполнять, волей-неволей, и таким образом она отвлечена от созерцания своих печалей. Третье: в индийце есть та спокойная безмятежность ума и души, которая присуща только либо очень детским, либо очень культурным натурам. У индейца это детское принятие воли богов; у Браунинга - спокойная философия высочайшей культуры. К сожалению, большинство из нас утратили религиозную простоту наших предков, детскую веру и доверие, и еще не достигли спокойствия философа.

Я пишу эту краткую главу лишь для того, чтобы привлечь внимание к фактам и настоятельно указать белой расе на необходимость, если она хочет сохранить свое спокойствие, либо вернуться к простой вере индейцев, либо культивировать религиозную философию, которая будет производить такое же спокойствие и невозмутимость перед лицом испытаний, горя, несчастья или смерти.

ГЛАВА XX ИНДЕЕЦ И ИЗЛИШЕСТВА ЖИЗНИ

Белая раса может многому научиться у индейцев в том, что касается излишеств жизни. Несомненно, мы - представители белой расы - прокляты привычкой к коллекционированию; нас мучает множество вещей. И что толку от многого из того, что мы собираем? Это просто хлам, накопленный для показухи; купленный без особых раздумий, просто чтобы удовлетворить мимолетную прихоть, и половину времени мы не знаем, что делать с нашими покупками, когда мы их сделали. Наши *дома* перестали *быть домами*, они превратились в заведения по продаже всякой всячины. Наши дети начинают бояться, как бы они не прикоснулись к тому или иному предмету, а наша нервная система разрушается от страха, что наша прекрасная "японская чаша", или наша элегантная "этрусская ваза", или наша изысканная "итальянская статуэтка", или "этот прекрасный индусский идол" могут быть повреждены.

Год или два назад я был гостем в доме одного выдающегося ученого, жена которого - замечательная женщина, одаренная как писательница и оратор, но дом которого до предела загроможден посторонними вещами. Однажды вечером они принимали известного автора и лектора, и хозяйка попросила его рассказать о некоторых своих интересных переживаниях. Гость был нормальным, здоровым мужчиной, мягким в движениях, но, когда говорил, несколько свободно жестикулировал. В одной из частей своего рассказа он сделал быстрое движение и мягко отодвинул свой стул. При этом он опрокинул японскую вазу, стоявшую на небольшом постаменте неподалеку. С треском, потрясшим нервы всех присутствующих, ценная вещица упала. К счастью, она не разбилась, но хозяйка с побледневшим лицом, хотя голос ее был вполне контролируемым, осторожно подняла ее. Она попыталась сгладить происшествие, но интерес автора к рассказу пропал. Он довел ее до неубедительного конца и явно вздохнул с облегчением - хотя и совершенно бессознательно, - когда его жена предположила, что "малышам может понадобиться ее присутствие дома". После их ухода я был свидетелем горя и расстройства бедной женщины, которая сокрушалась о том, что ее сокровища пострадали, и явно ценила их гораздо больше, чем комфорт и благополучие своих посетителей и гостей.

Иногда я бываю в домах, где стоит изящная полированная или эмалированная мебель. Положить книгу или руку на такую полировку - значит испортить поверхность. Хозяйка должна либо держать стол так, чтобы на него просто смотрели, и постоянно опасаться, как бы кто-нибудь не обхитрил ее бдительность и не испортил его "красоту", либо смириться с тем, что его используют и портят.

Теперь я постоянно спрашиваю себя: "А что толку? Для себя я ценю здоровье и счастье моей жены и моих детей больше, чем все эти безделушки, которые когда-либо были или будут сделаны. Нервы первых и здоровые, ничем не стесненные движения вторых стоят гораздо больше, чем несколько "дикушинок". Так же и с моими гостями. Я хочу, чтобы мои гости чувствовали себя свободно и свободно передвигались по моему дому, как это должны делать здоровые мужчины и женщины, и если что-то мешает этому, то чем скорее это будет снесено и разбито, тем больше мне это понравится. А что касается "эмалированной" мебели: если бы

я обнаружил, что в моем доме появилась такая мебель, где я постоянно подвергался опасности ее испортить, боюсь, мои "гневные страсти поднялись бы", и полированное изделие в следующий момент оказалось бы на дровяной полке. Человеческое счастье и комфорт имеют большую ценность, чем многие предметы мебели, и тот, и только тот, мудр, кто сохраняет жизнь как можно более простой и свободной от этих ненужных, создающих труд, изматывающих нервы роскошеств и излишеств жизни.

ВДОВА МАНУЭЛИТО,
ПОСЛЕДНЕГО ВЕЛИКОГО ВОЖДЯ
НАВАХОСОВ. ОДНА ИЗ
КОРОЛЕВСКИХ ЖЕНЩИН ПО ДОСТОИНСТВУ,
ГРАЦИИ И ХАРАКТЕРА
КОТОРЫХ Я КОГДА-ЛИБО ВСТРЕЧАЛ.

И в мужской, и в женской одежде тоже можно кое-что сказать по этому поводу. Тенденция века - добавлять, добавлять и добавлять, пока мы не станем обременены лишним. Женщинам нужны кружева, вышивки, подтяжки, рюши, складки и ленты; они стегают, плетут, подшивают и падают в страшной и удивительной степени, - все это добавляет труда, хлопот и забот в жизнь и лишает их времени, которое можно и нужно проводить более разумно и с пользой. Никто не любит видеть женщину или мужчину опрятнее или лучше одетым, чем я, но есть точка простоты и истинного достоинства, за которую никто не может зайти, не попав в царство ненужной, расточительной роскоши и вредного излишества. Некоторые мужчины так же плохи, как и некоторые женщины: галстуки для каждого случая и часа дня, манжеты, воротнички, жилеты, брюки в складку - все это должно быть *a la mode* и *au fait*. На мой взгляд, эти вещи показывают столько же *non compos mentis*, сколько и *a la mode*, ведь разум должен быть *и есть* выше избытка такого легкомыслия.

Роуз Вуд-Аллен Чепмен в книге "Хорошее здоровье" мудро написала на эту тему. Она хорошо сказала:

"Единственная важная вещь в жизни - это характер; ваш собственный характер, характер вашего мужа, ваших детей, ваших друзей. Обо всем остальном следует судить по тому, как оно влияет на этот важный вопрос. Вещи могут быть восхитительными сами по себе; но если они добавляют вам забот, если они являются барьером между вами и вашими близкими, если они мешают развитию высших способностей ваших детей, они становятся нежелательными, нецелесообразными и должны быть отнесены к излишествам жизни".

"Мать, которая готовит для своего малыша изящные, сделанные вручную наряды, чудесно отделанные кружевами и вышивкой, в большинстве случаев лишает ребенка личной любви и заботы, которые по праву принадлежат ему. Что ему за дело до таких изысков? Ему нужно общение матери, а для себя - полная свобода для любой деятельности. Наряжать его так, чтобы постоянно предупреждать: "Не испачкай свое платье", - значит нарушать одно из его неотъемлемых прав. Мудрая мать сделает одежду своего ребенка простой, чтобы она служила фоном для его младенческих прелестей, вместо того чтобы отвлекать внимание от него, сосредотачивая его на сложных украшениях.

"Многие домохозяйки сетуют на то, что не в состоянии поддерживать интересы своих девочек. Теперь у них нет времени играть на пианино, читать вдохновляющую литературу, вступать в клуб или заниматься филантропией. Они говорят, что чувствуют себя обделенными; а пробовали ли они когда-нибудь посмотреть, сколько домашних дел можно было бы исключить как ненужные?

"Я бывал в домах, где на каждом окне было по две, а иногда и по три пары занавесок. Эффект был богатым, но тот, чей ум пробудился к вопросу о лишних вещах, мог только подумать о дополнительной работе, которую влекли за собой такие занавески.

"А еще есть "уютные уголки", турецкие диваны, задушенные свисающими драпировками, которые мебельные магазины так стараются преподнести своим покупателям как "самый последний стиль". Такие уголки - место скопления пыли и ненужное дополнение к работе по дому.

"Тяжелые ковры на полах могут быть мягкими на ощупь, но их трудно подметать, они никогда не бывают по-настоящему чистыми, разве что после ежегодной чистки, а потому негигиеничны и обременительны.

"Подумайте, насколько меньше хлопот приходится выполнять женщине, у которой полы из твердых пород дерева или с пятнами и несколько ковров среднего размера! Ее полы можно быстро протереть влажной тряпкой, а ковры тщательно вычистить, приложив минимум усилий.

"На окнах у той же женщины будут пленочные сетчатые занавески с рюшами, которые обычно чистят, повесив на ветку, где ветер сдувает с них пыль, или легко стирают, когда требуется более тщательная чистка.

"На стенах будет несколько художественных картин, без нависающих фестонов или лент, которые будут собирать пыль и добавлять хлопот. Брик-а-брак будет бросаться в глаза своим отсутствием, фотографии будут убраны, а не покрывать комод и стены спальни. Одним словом, ее цель - сделать свой дом легким, просторным, художественно обставленным, но так, чтобы это было как можно меньшим бременем для нее и ее семьи. Мужьям и детям трудно бережно относиться к вещам, купленным напоказ. Почему бы тогда не обойтись без них и не иметь только то, что необходимо и пригодно для использования?

"Многие хозяйки научились обходиться без ненужных вещей, но все равно остаются рабами замысловатых блюд, особенно когда устраивают приемы.

"Прежде всего, следует помнить, что здоровье семьи сохраняется благодаря простоте в еде. Даже если они привыкли к большому разнообразию блюд, их можно постепенно приучить к простой диете. Не есть суп, когда есть десерт, и не есть десерт, когда есть суп - это очень хорошее правило для обеда. Второе блюдо должно состоять из заменителя мяса и только двух овощей. Для утреннего приема пищи достаточно простого завтрака с хлебом, маслом и фруктами, а столь же простой ужин должен быть вполне удовлетворительным.

"Когда приходят гости, возникает искушение сойти с пути простоты; но если мы будем помнить, что наши друзья приходят к нам, а не для того, чтобы есть нашу еду, нам будет легче сдерживать свои наклонности в этом направлении. Часто домохозяйки одержимы духом подражания, который заставляет миссис Смит чувствовать, что она должна приготовить более изысканное блюдо, чем подавала миссис Джонс, а миссис Робинсон, в свою очередь, стремится затмить миссис Смит, и в результате трапезы становятся настолько сложными, что становятся обременительными для хозяйки и почти опасными для гостей. Давайте же ограничим наши усилия тем, чтобы сделать наше простое развлечение как можно более привлекательным и придать ему такое остроумие и веселье, такую искренность и доброжелательность, чтобы наши гости почувствовали, что они приняли участие в пиршестве".

В других главах я уже комментировал некоторые из этих вещей, как они раскрываются в свете жизни индейцев. Их жизнь поневоле является образцом простоты, лишенной роскоши и излишеств. Я не собираюсь предлагать нам вернуться к их методу жить простой и не роскошной жизнью, но я всем сердцем желаю, чтобы мы могли взять у них урок и найти золотую середину между их жизнью и нашей слишком сложной и перенасыщенной излишествами жизнью. Если здоровье и счастье - это цель, которую нужно достичь в жизни, *то они*, с их грубой простотой, превзошли нас, с нашей элегантной и витиеватой сложностью. И для себя и своих близких я предпочитаю здоровье и счастье, а не все те излишества, которые может дать проклятая коммерцией, торгующая на прилавках, любящая курьезы, обожающая безделушки, показушная, никудышная цивилизация.

ГЛАВА XXI

ИНДЕЕЦ И ДУШЕВНОЕ РАВНОВЕСИЕ

Во время недавней поездки из Юмы к Солтонскому морю, вниз по течению реки Колорадо, я имел возможность наблюдать двух индейцев в сравнении с четырьмя белыми мужчинами, обладающими более чем обычным интеллектом и способностями. В некоторых важных вещах индейцы ничего не потеряли от сравнения. Более того, несколько раз я обращал внимание своих белых спутников на них и на некоторые особенности, которые ни в коем случае не присущи только им, а свойственны большинству индейцев, и призывал подражать им. Некоторые из них станут темой этой главы.

КЕМПИНГ НА ПУТИ К МОРЮ СОЛТОН.

ДЖИМ, НАШ ЛОДОЧНИК ИЗ ИНДЕЙЦЕВ ЮМЫ.

Один из членов моей группы был "преподобным" - миссионером. Это был прекрасный, открытый человек, который всем нам нравился, но время от времени - на самом деле, я должен сказать, часто - он делал индейцам предложения пойти сюда или пойти туда, что в конце концов вызывало решительный отпор (с моей стороны). Позвольте мне полностью объяснить ситуацию. Когда мы подошли к месту, где река Колорадо вышла из берегов и вошла в мескитовый лес, ее воды, естественно, сильно разделились. Поскольку мы не знали,

куда ведет каждое течение и как скоро оно распространится так, что дальнейшее продвижение наших лодок станет невозможным, ситуация требовала больших знаний, чтобы определить направление лучшего и глубокого течения, и быстрого решения; ведь поскольку нас несло среди мескитов, несколько мгновений нерешительности означали, что нас может закинуть на мескитовое дерево, где жестокие шипы не щадили никого из-за его нерешительности. Читатель, знаешь ли ты, что такое мескит? Его правильное название - "царапина". Если подойти к нему ближе чем на десять футов, кажется, что он так и тянется к вам и царапает вас. Представьте себе самый колючий розовый куст, помноженный на пятьдесят, сконцентрированный и сгущенный в одно дерево с шипами гораздо длиннее, гораздо острее и с ядом, скрывающимся на их конце, и вы получите не слишком преувеличенное представление о меските. Наш друг-миссионер постоянно кричал: "Лучше идти туда" или "Лучше идти сюда", - и это раздражало, и это было бесполезно, так что в конце концов я сказал ему, что взял с собой индейца, потому что знал, что он в тысячу раз больше знает о таком течении и о том, как пройти через эту пустыню мескита, чем я. "И, - сказал я, - что касается меня, то я считаю, что с моей стороны было бы дерзостью сделать индейцу хотя бы одно предложение. Он *знает*, где я *гадаю*, и все же, как вы знаете, у меня гораздо больше опыта в таких делах, чем у вас. Не кажется ли вам, что будет разумнее добавить к своим владениям еще немного тишины?"

Он был, как я уже сказал, человеком с королевским сердцем и принял мой упрек по-мужски, по-христиански, ибо несколько минут размышлений показали ему, что в моих словах была мудрость.

Итак, пока индейцу делались эти дикие и глупые предложения, что он делал? Мне было очень интересно наблюдать за ним. Вместо того чтобы отвечать и спорить, произнося множество пылких слов, он спокойно улыбался, смотрел на меня, чтобы убедиться, что я одобряю предложение, и, увидев мое абсолютно бесстрастное лицо, продолжал следовать своим путем. Если бы он был белым человеком - как и большинство белых людей, - он бы крикнул в ответ, что идет другим путем, или назвал своего советчика дураком, или сообщил ему, что знает свое дело, или еще что-нибудь столь же приятное.

В ЛОДКАХ, ПОД ДОЖДЕМ, НА ПУТИ К СОЛТОНСКОМУ МОРЮ.

Это спокойствие индейцев часто называют бесстрашием или непоколебимостью. Это показывает, как мало критики знают об индейцах, чтобы говорить так. Они чувствительны, как дети, иногда до болезненности, но у них хватает самообладания не показывать этого, и в подобных вопросах, когда они уверены, что их знания превосходят знания их советника, они идут дальше, гордо игнорируя критику или порицание.

Это спокойствие проявлялось и перед лицом опасности. Несколько раз мы попадали в места, где были и трудности, и опасность. У нас было три лодки. В первой были Джим (индеец) и я, искавшие дорогу; во второй - индеец Джо и мистер Луис Фрэнсис Браун (управляющий делами лекций Бертон Холмса); в третьей - его почтение и еще двое. Когда мы добирались до волнующих мест, Джим быстро усвоил, что вся ответственность ложится на него, за исключением тех случаев, когда есть время и возможность обсудить вопросы со мной, и с достойной самоотдачей делал свой выбор, а затем ждал результатов. Если они оказывались неприятными, как это часто бывало, он не роптал, не кричал, не выражал недовольства. Он принимал все как есть и извлекал из этого пользу. За ним последовала вторая лодка, и там было сказано не больше, чем в нашей лодке; но из третьей доносился постоянный гул голосов, крики с требованием сделать то или это, предупреждения, упреки и поиск недостатков. Я не мог не сравнивать поведение индейцев с поведением цивилизованных белых и желал, чтобы последние усвоили урок, столь ясно преподанный им.

Быстрота наблюдений и решений Джима была поразительной, и я хотел бы, чтобы мои дети, да и другие тоже, могли бы походить к нему в школу на год или два. Он видел, где находятся песчаные полосы, которые я не мог разглядеть; он мог определить, в какую сторону дует ветер, когда мне казалось, что он дует сразу в нескольких направлениях; он обычно мог определить, где течет наибольшее количество воды, и только два или три раза он ошибся так, что нам пришлось повернуть назад. И когда такие случаи наступали, он не роптал, не ворчал, не находил виноватых. Он принимал неприятное неизбежное так же легко и просто, как и приятное.

Эта тишина и спокойствие перед лицом раздражителей - очень приятная для меня черта индийской жизни. Что толку искать виноватых и жаловаться на неприятные вещи, с которыми ничего нельзя поделать? Только что я видел пример (и он лишь один из многих, которые приходят мне на ум) противоположного настроения, продемонстрированного одним очень гордым и надменным представителем белой расы. Мы вместе ехали в машине, приехав с Востока. Когда он в первый раз поел в вагоне-ресторане, то вернулся в ярости: цыпленок был приготовлен два-три дня назад, а для начала ему было несколько недель; все блюда были одинаково плохими, обслуживание отвратительным, а плата - позорной. Затем нарекания вызвала скорость поезда. На Нью-Йоркской центральной или Пенсильванской железных дорогах все делалось иначе (забывая о том, что эти дороги проходят через густонаселенные центры и имеют в десять раз больше пассажиров, чем западные железные дороги, проходящие через незаселенные и бесплодные районы). Затем, хотя погода была совершенно восхитительной, ему приходилось пинаться против того, что она теплая и неприятная, и так до тех пор, пока он не надоел мне, как и всем остальным в вагоне. За двадцать шесть лет общения с индейцами я не встретил ни одного такого неприятного ворчуна. Белая раса сохранила эту особенность практически для себя. Если что-то не устраивает и может быть изменено, индеец спокойно и осознанно идет на работу, чтобы изменить это. Если же они неизменны, он спокойно и молча их переносит. Это более мужественно, более приятно, более философски.

То и дело со мной в разных поездках бывали белые мужчины, которым нужно было усвоить этот простой и полезный урок. Своим нытьем, хныканьем и жалобами они делали из себя невыносимых зануд. Те из моих читателей, кто потрудится прочесть главу XV в книге "В Большом каньоне и вокруг него", а также историю британца на странице 18 и далее в книге "Индейцы пустыни Пэйнт", увидят, что я знаю, о чем говорю. И это лишь два опыта из множества подобных. Однако я снова и снова бывал с индейцами в местах бедствий, лишений и опасностей и за все время не услышал ни одного неприятного слова за полчаса. Однажды я начал исследовать ряд боковых каньонов великого Гранд-Каньона. Моим проводником был Син-и-ла, интеллигентный хавасупай. Мы проделали тяжелейший путь; у нас кончилась вода и еда; наши лошади отказали, и нам пришлось ловить, седлать и ездить на неоседланных конях, и наконец он поймал дикого мула, на которого мы взвалили вьюки. Об ужасах и мучениях этого путешествия я никогда не писал, но Син-и-ла ни разу не пожаловался, пока я не решил покинуть каньоны и отправиться через пустыню в одно место, куда он не захотел меня сопровождать. Даже тогда он просто изложил свои доводы, почти не аргументируя их, а когда я проявил упрямство, отказался сопровождать меня, и через пятнадцать минут мы расстались добрыми друзьями, он - чтобы идти своей дорогой, а я - своей.

В другой раз, как записано в моей каньонской книге, я вместе с Ва-лу-та-ма попал в мраморную ловушку, из которой, казалось, невозможно было выбраться. Спокойствие индейца было слишком сильным. Он был почти таким же покорным, как магометанин,

верящий в судьбу. И все же, хотя я и попрекал его отчаянием, в конце концов мы выбрались, я считаю, что предпочел бы храбрость отчаяния, которое смело смотрит в лицо смерти, не жалуясь и не хныча, а не поиск виноватых: "Зачем ты привел меня в такую опасность?" или "Выберусь ли я когда-нибудь из этого ужасного места?", которым предаются некоторые белые люди.

ВАЛУТАМА, МОЙ ПРОВОДНИК ИЗ ПЛЕМЕНИ ХАВАСУПАИ.

Когда во время путешествия по Солтону мы подошли к началу самого опасного участка, где, как мне сказали, мы должны пройти "пятьдесят миль за пятьдесят минут", и где было много порогов, которые могли разнести наши лодки в щепки, и где подрывные скалы высотой сорок, пятьдесят и более футов могли внезапно обрушиться в реку, упасть на нас и наши лодки и привести к мгновенной гибели; Когда я рассказал индейцу об этих опасностях, он спокойно посмотрел мне в глаза и ответил на мой вопрос: "Ты боишься идти, Джим?" встречным

вопросом: "Ты боишься?". И когда я сказал "Нет", а на его дальнейший вопрос "Ты плаваешь?" ответил "Да!", он тут же ответил: "Хорошо, я пойду".

Разумеется, я ни на секунду не хочу сказать, что эта добродетель мужества не свойственна белому человеку. За любовь к родине и стране белые люди пойдут на смерть с улыбкой на устах. Но в работе, которую мир не видит, где мужчинам просто платят два доллара в день зарплаты, встретить опасность и возможную смерть как нечто само собой разумеющееся, это я обнаружил редкость у белого человека и очень часто у индейца. Столкновение с опасностью и смертью - часть их повседневной жизни. Оно не требует проявления особых достоинств. Сильный телом, смелый умом, бесстрашный душой, долг должен быть выполнен, и выполнен безоговорочно, независимо от того, таится ли рядом опасность или смерть. Я свободно исповедую эту большую смелую веру в жизнь, и Верховный радуется меня. Человек, который всегда стремится охранять свою жизнь, который отказывается рисковать, который никогда не идет туда, где все безопасно, может быть, более удобен для жизни, но что касается меня, то я предпочитаю дух человека, который смеет и доверяет; человека, который делает небезопасные вещи, потому что это его долг, и который смотрит в лицо смерти и не думает об этом. Человек, расточающий свою силу, мужество и веру, - это человек, который их спасает. Человек, который постоянно следит за тем, чтобы не переусердствовать, который отказывается рисковать, который скорее убежит, чем решится, - это тот, кто в конце концов окажется недостаточно мужественным и достойным свершений.

Поэтому я подражаю индейцу в этих вещах и стремлюсь быть похожим на него. Эта расточительность и сила в работе требует дополнительных комментариев. Трудовые союзы совершают одну из величайших ошибок в своей карьере, ограничивая полную реализацию энергии человека. Ограничивая его ежедневную выработку, они противостоят тому, к чему должен стремиться каждый человек, а именно - духу расточительной энергии в работе. Мой индеец греб весь день, и после нескольких часов особенно тяжелой работы я спрашивал, не могу ли я его разгрузить. "Нет, мне нравится", - неизменно отвечал он. Ему нравилась его работа. Она приносила ему радость. Каков же был результат? Тело из проверенной стали; легкие, способные выдержать любую нагрузку; мышцы, отвечающие на любое напряжение; глаза, ясные как звезды; мозг, быстрый и бдительный благодаря здоровому телу, созданному и поддерживаемому тяжелым, непрерывным трудом. Нам говорят, что индейцы ленивы. Это неправда. Возможно, некоторые из них и ленивы, но индейцы Юго-Запада делают свою работу с душой и хорошо, и с такой энергией, которая для большинства белых людей столь же нова и удивительна, сколь поучительна и наглядна. Что касается меня, то я усвоил этот урок. Когда я приезжаю на станцию и у меня есть время, я иду в гостиницу пешком, не позволяя никому нести мои обычно тяжелые руки. Я стремлюсь к физическим упражнениям. Я часто устраиваю себе тяжелую исследовательскую поездку, чтобы вынудить себя к большим нагрузкам. Я знаю, что, начав, я должен продолжать, и, продолжая, хотя я очень устаю, я знаю, что развиваю силу и накапливаю здоровье, энергию и силу для будущего использования. Несколько недель назад я вместе с товарищем отправился в путь через пустыню Колорадо, по горным тропам, через безводные пустоши, преодолев несколько сотен миль. Моя часть путешествия была сокращена из-за обстоятельств, над которыми я не имел власти, но мой помощник и художник прошли весь путь, хотя он был тяжелым и изнурительным, и я завидовал им и сожалел, что не смог пойти с ними.

Еще одной вещи научили меня мои индийские помощники. Это быстрая готовность повиноваться в любой услуге, которую они согласились выполнить, или во всем, что законно возникает в ходе их работы. Они не сдерживаются, не протестуют, не находят виноватых, не кричат, что не должны были этого делать. Они выполняют работу не только без ропота, но и с

готовностью, которая восхитительна в наш век, когда каждый ожидает чаевых за малейшую услугу. Это происходит от двух вещей: сильного, здорового тела, которое охотно откликается на любые обычные требования к нему, и здорового состояния ума, который не возмущается службой и не желает оценивать каждую трату энергии в денежном эквиваленте. Мы совершаем огромную ошибку, основывая нашу современную цивилизацию на материальном богатстве. Вопрос "Что в этом для меня?" должен быть не просто вопросом, относящимся к простым деньгам. Что в нем от служения, от помощи ближнему, от здоровья, от увеличения собственной силы и мощи. Люди, на которых полагаются работодатели и вся страна, - это не те, кто эгоистично стремится к собственной денежной выгоде. Несомненно, таким искателям часто кажется, что они получают и действительно получают временное преимущество; но это не настоящее преимущество. Это карманное преимущество, полученное за счет потери мужественности, физической, умственной и духовной, а тот человек, который телом, умом и душой не стоит больше, чем его карман, никогда не сможет стать настоящим мужчиной.

КАПИТАН БУРРО И ЕГО СКВО В КАНЬОНЕ ХАВАСУ, АРИЗОНА.

ГЛАВА XXII

ИНДЕЕЦ И САМООГРАНИЧЕНИЕ

Мало кому из представителей белой расы придет в голову обращаться к индейцам за примерами самоограничения, но я могу привести им один из самых ярких примеров в истории. До появления белого человека в Америке различные племена аборигенов бродили по равнинам, горам, предгорьям и лесам и с помощью силков и ловушек, джина и лука и стрел ловили или убивали дичь, необходимую для пропитания. Эти племена часто враждовали друг с другом; они вторгались на охотничьи угодья друг друга и, как следствие, часто вступали в смертельные войны, которые едва не приводили к истреблению некоторых из них. Поэтому, как можно предположить, они не заботились о правах или потребностях

других людей, кроме них самих, на дичь, на которую они охотились; и нелепо (так говорят нам школьные учебники) предполагать, что они были предусмотрительны или заботились о сохранении дичи для будущего. Поэтому они убивали безжалостно (те же самые авторитеты, несомненно, заявляют), безразлично относясь к грядущим дням и своим будущим потребностям, просто ища пищу на сегодня и наедаясь ею до отвала. В этом случае, , школьные учебники будут неправы. За сотни и тысячи лет, что индейцы властвовали на этом огромном континенте, они ни разу не "выбили" ни одного из своих охотничьих угодий.

Когда белая раса появилась на этой земле, дичи всех видов - рыбы, мяса и птицы - было в изобилии. Трапперы и охотники ходили вверх и вниз по рекам , где жили бобры и выдры, ондатры и норки, и по лесам, где гнездились птицы и паслись олени, антилопы и другая дичь; поднимались в горы, где обитали медведи и пумы, и вечно их тюки шкур, мехов, шкур и шкурок нагружали каноэ и палубы возвращающихся судов. Это было лучшим доказательством сдержанности индейцев и их предусмотрительности на будущее, ведь белый человек нашел такое изобилие всевозможной дичи, готовой к его услугам.

Затем в дело вступил ум Астора, который ценил деньги больше, чем будущее. Какое ему было дело до того, что дичь в сотне видов исчезнет с лица земли, если он сможет сделать состояние? Какое ему было дело до того, что мужчины и женщины будут голодать в грядущие дни, лишь бы он мог накопить шкурки и продать их, чтобы пополнить свое богатство? В игру вступил современный коммерциализм, этот проклятый и проклятый дух нашей цивилизации, который не видит ничего, кроме долларов, который скорее закроет славу солнца, чем упустит десятицентовую монету, оказавшуюся под рукой. Затем пришли спортсмены и охотники за травкой из белой расы, и между ними и "Буффало Биллз", которые тысячами отстреливали бизонов для пропитания строителей трансконтинентальных железных дорог, за полпоколения они очистили прерии от миллионов благородных бизонов, которые раньше бродили огромными стадами, оставили лишь стройные группы или одиночных животных - лосей и лосих, загнав их в почти недоступные уединенные места для самосохранения, и почти лишили страну оленей, антилоп, диких индеек и шалфейных курочек. Затем они приняли законы о защите "дичи", установив закрытый сезон, так что индейцы, которые в дни своей свободы и дикости не нуждались ни в каких законах, кроме собственного здравого смысла и самоограничения, теперь не могут стрелять вообще, кроме как в те несколько дней, когда ограничения снимаются. Так что, практически говоря, у индейца теперь нет охотничьих угодий; он лишен возможности добывать дичь для пропитания себя и семьи, и все из-за адской жадности и столь же адской жестокости охотника за горшками. Вот, таким образом, национальное доказательство - ведь то, что я сказал, практически относится к каждому штату страны, - что белой расе есть чему поучиться у презируемых индейцев в плане самоограничения. Самоограничению в том, что касается жадности, - ведь до прихода белых индейцы никогда не стремились к накоплению богатства за счет или во вред своим собратьям. Это был путь белого человека, а не его! Он практиковал самоограничение, потому что индейцы знали и понимали, что если убивать животных слишком плотно, то вид скоро вымрет, и будущим поколениям, если не им самим, придется страдать.

Для большинства людей индеец - беспечное существо, довольное тем, что его живот набит сегодня, не заботящееся о будущем, а потому неразумное, непродуманное и заслуживающее осуждения. Может быть, в этой кажущейся беззаботности о будущем индеец мудрее нас, он сознательно осуществляет благотворное ограничение? Подумайте о дикой суете нашей борьбы за накопление, а затем подумайте о расходах, заботах, бесконечных хлопотах по защите того, что мы накопили. Тот, Кто намного мудрее современных мудрецов, однажды заявил, что мы должны "не думать о завтрашнем дне", и

всем Своим учением и жизнью осуждал борьбу за богатство и эгоистичную жизнь, которая приходит с его достижением.

Одним из величайших проклятий нашего века и цивилизации является любовь к легкости, тяга к роскоши, желание "хорошо провести время". Мы поклоняемся деньгам, потому что они приносят эти вещи, забывая о том, что роскошь и легкость порождают чувственность и порок, а они, в свою очередь, порождают болезни, разложение и смерть. По этой причине я против получения больших денег и не стал бы сколачивать состояние, если бы мог. Что касается того, чтобы оставить большие суммы денег своим детям, особенно сыновьям, то ничто и никогда не сможет побудить меня сделать это. Если ко мне когда-нибудь придут большие деньги, я уведомляю всех заинтересованных лиц, что потрачу их с умом и пользой, как подскажет мое лучшее суждение, как только смогу, и в любом случае избавлюсь от них, чтобы ни один мой сын не сказал, что деньги, которые я ему оставил, помогли ему встать на путь падения.

Индеец хорошо знает, что физическое здоровье достигается только путем упражнения тела, поэтому он решительно отказывается от любого образа жизни, который этому препятствует; он приветствует физический труд для себя, своей жены, своих сыновей и дочерей; он также знает, что умственное и духовное совершенствование достигается только путем упражнения умственных и духовных способностей, и он сторонится всего, что их ослабляет. Если бы он знал английский, то мог бы петь вместе с Томасом Греем:

"От труда он обретает бодрость духа,
От напряженного дня - спокойную ночь:
Богатство - от самой нужды в богатстве,
В лучших небесных сокровищах, мире и здоровье".

И он воплощает в практической жизни то, что хорошо выразил другой наш мудрец, сказав: "Занятия и упражнения - служанки чистоты и силы". Слишком часто мы просто читаем эти мудрые слова. Индеец живет ими. В этом белая раса вполне может ему подражать. Он встречает трудности и опасности с готовностью, чтобы таким образом развить в себе мужество и силу. Он берет своих сыновей и наказывает их тем, что мы должны назвать жестоким, чтобы развить в них стойкость; он посылает их в пустыню, горы и леса, чтобы там они могли встретиться и поговорить с Тем, Кто Выше. Каждый юноша или молодой человек, который надеется стать "знахарем", отправляется в такое уединенное место. Он не принимает никакой пищи, не питается ничем, постится несколько дней и ночей. Он не пьет ничего, кроме небольшого количества воды. Он спит как можно меньше. Затем, если к нему приходят духи, он должен подчиниться учениям и требованиям каждого из них. Эти учения и требования требуют подавления естественных инстинктов и желаний, а также позитивных ограничений в такой степени, что самый большой религиозный приверженец белой расы вряд ли согласился бы подчиниться. Один дух требует пить воду только раз в день, независимо от жары; другой - не принимать пищу три дня из каждой недели; третий - не делать из шкур мокасины и так далее. Таким образом, это означает жизнь в самоотречении и сдержанности, превосходящую все, что известно в цивилизации. Наши католические священники дают обет вечного целомудрия и послушания, члены религиозных орденов идут дальше и обязуются соблюдать вечную бедность, но эти индейские знахари, которые принимают помощь многих духов - десяти, двадцати и даже тридцати, - ограничивают и ограничивают свою жизнь до такой степени, которая столь же удивительна, сколь и неизвестна большинству представителей белой расы.

И хотя конкретные акты сдерживания индейцев могут не нравиться мне, *их дух* очень нужен всей нашей расе. Самоограничение, самоотречение, самоконтроль, - это оплоты духовной силы. Только тот силен духом, кто умеет владеть собой, поэтому я хотел бы, чтобы белая раса усвоила эти уроки от индейцев".

Браунинг глубоко верил в этот дух самоограничения, самопожертвования, самоконтроля. В своей книге "Рабби Бен Эзра" он проповедует сильные доктрины. В наши дни нет ничего более необходимого, чем следующие сильные и убедительные слова, воплощенные в практической повседневной жизни:

"Тогда, принимая каждый отпор
Который грубит земную гладь,
Каждый укус, который велит не сидеть, не стоять, а идти!
Пусть наши радости состоят из трех частей боли,
Стремитесь и выдерживайте дешевое напряжение,
Учись, не обращая внимания на боль; дерзай, никогда не жалея о муках!"

ГЛАВА XXIII ИНДЕЕЦ И ЖЕМАНСТВО

Большинство людей белой расы могут поучиться у индейцев в вопросах жеманства. Немногие из нас просты и естественны в своих социальных манерах. Моя семья часто подшучивает надо мной, когда, отвечая на телефонные звонки, я отвечаю тем, что они называют "нарядным тоном". На днях одна дама, чей муж - профессор колледжа, приняла меня за выдающегося восточного психолога, чья фамилия совпадает с моей. Пока она не обнаружила свою ошибку, она "мяла и корчила рожи" самым нелепым образом (как бы я хотел, чтобы она увидела себя такой, какой я ее увидел!) только потому, что считала меня выдающимся человеком в той области, в которой ее муж был более скромным представителем. Критика в адрес моего собственного "нарядного тона" совершенно справедлива. Я часто нахожу себя в состоянии "надеть стиль", потому что хочу выглядеть "на все сто". Поразмыслив, я решила признаться, что у меня, как и у большинства людей, есть множество "целлулоидных улыбок", которые я бессознательно надеваю или снимаю в зависимости от случая. Мы не просты, не естественны в наших отношениях друг с другом. Нам кажется, что мы должны "произвести впечатление", что мы должны "хорошо выглядеть". В результате мы становимся неестественными, аффектированными, часто обманчивыми и во многих случаях неприятными. Аффектация в речи и манерах всегда является признаком душевной подлости, того, что обычно называют вульгарностью, и никогда не заслуживает одобрения, но всегда подлежит осуждению.

ИНДЕЕЦ АПАЧИ, КОТОРЫЙ ОТКАЗАЛСЯ "НАДЕТЬ СТИЛЬ", ЧТОБЫ УГОДИТЬ БЕЛОМУ ЧЕЛОВЕКУ.

С другой стороны, если бы президент Соединенных Штатов посетил племя незагрязненных индейцев, таких как, например, навахо, они бы отнеслись к нему точно так же, как к самому скромному гражданину; за исключением, конечно, того, что если бы президент попросил провести пау-вау, они бы дали ему его и отнеслись к его словам с почтительным уважением. Но в общении с ним не будет никакого жеманства, никакого притворства или стиля. С откровенной, открытой прямоотой, с уважением, которое они, как правило, проявляют друг к другу, и не более, они выслушают все, что он скажет, и дадут искренний и мужественный

ответ одобрения или неодобрения. У них нет "манер компании", нет изменений в голосе, которые используются в зависимости от социального статуса слушателя. Среди них нет снобов. "Мужчина для того и мужчина", независимо от того, одет он в старую армейскую шинель и шляпу или просто в обтягивающую кожу и подтяжки.

Белая раса тоже страшно страдает от своего притворства, что знает больше, чем может знать. Нам всем стыдно сказать: "Я не знаю!". Я считаю, что это в большей степени относится к женщинам, чем к мужчинам. С эпохи женского клуба представительницы прекрасного пола дико стремятся накапливать знания, и, к сожалению, слишком часто они довольствуются *тем, чтобы казаться* обладающими знаниями, а не невежественными. Достаточно просмотреть программы десятка или сотни женских клубов, как я это недавно сделал, чтобы увидеть доказательство этого в огромном диапазоне, который многие из них принимают *в течение одного сезона*. Они впишут в часовое или двухчасовое занятие то, что ни один человек в мире не может понять менее чем за три месяца или год достаточно последовательных и упорных занятий. На одной неделе они перескакивают с "Романтической школы музыки" на "Влияние эпохи Возрождения на готическое искусство", на следующей - на "Поэтов Викторианской эпохи", на третьей глотают концентрированную пиллюлю, а на четвертой полностью осваивают все, что можно узнать о "Эпохе францисканских миссий в Калифорнии и ее влиянии на индейцев".

И пусть не думают, что я не верю в образование для женщин, женские клубы и тому подобное. Я верю во все, что *действительно помогает*. И если бы эти клубы заставляли заниматься умственными упражнениями, достаточными для того, чтобы честно изучать *один предмет в год*, они бы делали работу, приносящую неисчислимую пользу. Но эти разрозненные знания, это тонкое разбрасывание обрывков информации не питают ничьего ума, а притворство, проистекающее из предполагаемого знания, наносит уму и душе притворщика больше вреда, чем дюжина клубов может искоренить за всю жизнь. Поэтому давайте станем простодушными, как индейцы. Они "не знают", и они знают, что не знают, и готовы сказать об этом.

Есть еще одно жеманство, о котором я должен упомянуть. Мы, американцы, притворяемся демократичными, однако у нас есть каста богатства, которая более отвратительна, унизительна и деморализующа, чем касты индусов или социальная шкала европейской аристократии. Мы "кланяемся" английскому лорду, как будто он маленький бог, и кланяемся, скребемся и чеканим слова, когда вступаем в контакт с *нуворишами* нашей собственной страны, как будто они сделаны из другого материала, чем мы сами. То место, которое отводится в наших газетах самым пустяковым делам Алисы Рузвельт, как до, так и после ее замужества с конгрессменом Лонгвортом; перечисление поступков "светских" людей - Вандербильтов, Асторов, Гулдсов, Карнеги, Гарриманов, Фишей и прочих - является доказательством нашего пораженного снобизма. Я еще не достиг душевной безмятежности и спокойной философии индейца, но я стремлюсь к этому, где я буду судить обо всех мужчинах и женщинах не по их внешним обстоятельствам - богатству, положению, одежде или рождению, а по врожденному характеру, совершенству тела, силе ума и красоте души.

ГЛАВА XXIV

ИНДЕЕЦ И ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ТВОРЧЕСТВО

Даже наши художники и дизайнеры могут почерпнуть много важного у индейцев. Хотя для большинства моих читателей может оказаться неожиданностью, что я утверждаю о больших художественных способностях индейцев, никто не сможет внимательно изучить плетеные и гончарные изделия индейцев и не убедиться в полной справедливости этого утверждения. В

своей большой работе на эту [тему](#)⁵ я достаточно обсудил способности индейцев в этом отношении; и тем, кто не знает о том, какой огромный долг белая раса имеет перед аборигенными женщинами как в художественном, так и в других направлениях, я настоятельно рекомендую ознакомиться с мастерской работой добросовестного и основательного студента Отиса Т. Мейсона из Смитсоновского института, озаглавленной "Доля женщины в первобытной культуре".

5 Индейские корзины и как делать индейские и другие корзины.

Однако в отношении их корзин необходимо сделать нечто большее, чем просто беглое упоминание. Индийские ткачихи демонстрируют удивительные способности в создании формы, цвета, стежка и дизайна. Обращаясь к природе за своим оригинальным вдохновением, она не является простым копировщиком того, что сделали другие. Все ее формы основаны на полезности и поэтому отвечают первому и высшему требованию любого искусства, когда оно применяется к изделиям, которые должны служить полезной цели, а именно - приспособленности к использованию. В производстве не происходит отмены принципов, как это часто бывает с белыми рабочими, которые ценят внешний вид, так называемый орнамент, отделку и т. д., а не приспособление к цели или полезность. Там, где чему-либо позволено узурпировать место этого первичного элемента, работа обречена еще до того, как она сделана. С другой стороны, откровенность, честность, простота, прямота характеризуют изделия индейцев. Они должны служить такой-то и такой-то цели; эта цель открыто обозначена. В результате, на неискушенный взгляд, художественные произведения нетронутого индейца настолько совершенны по форме, насколько это вообще возможно. Здесь нет дикого стремления к уникальному эффекту, нет фантастических искажений для обеспечения новизны; все естественно и рационально, а значит, художественно эффективно.

ОДНА ИЗ ЛУЧШИХ КОРЗИН ИЗ ЙОКУТА.

Что касается цвета, то и здесь оригинальная работа индийских ткачей, до того как "цивилизованные" и "христианские" торговцы и миссионеры навязали им мерзкие анилиновые красители, была выше всякой критики. Старые корзины и одеяла по баснословным ценам охотно покупают самые изысканные и критически настроенные художники и знатоки из-за совершенства цветовых гармоний. В каждой хорошей коллекции можно увидеть такие образцы, которые одновременно вызывают восхищение и отчаяние у современных художников.

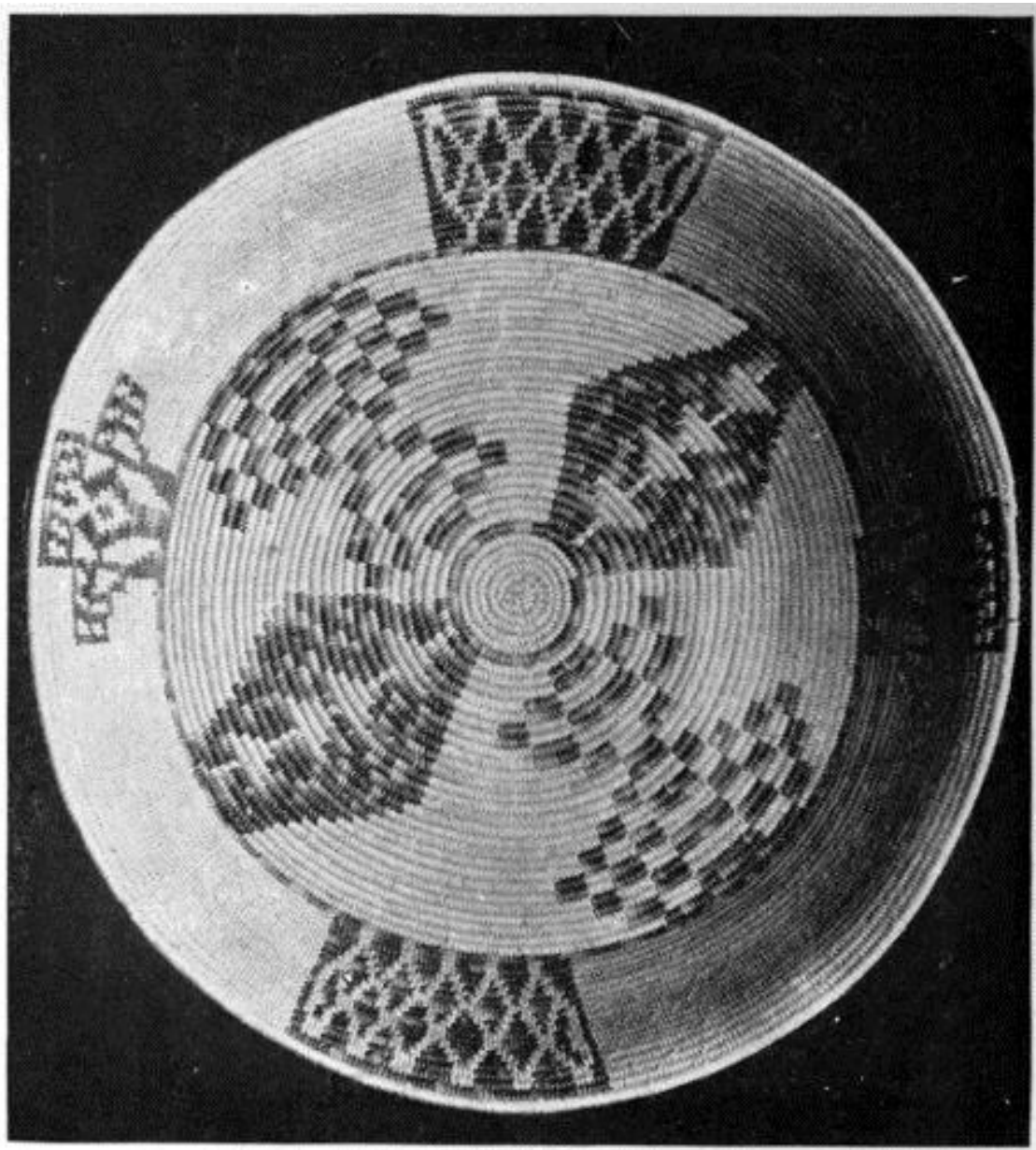
Что касается плетения, то авторитетно утверждается, что в современном искусстве нет ни одного известного плетения или стежка, который не был бы подарен нашей цивилизации аборигенами. И у них есть множество стежков, обладающих огромной эффективностью, которыми мы не воспользовались. Взять хотя бы племя пома - племя корзинщиков, живущее

в Северной Калифорнии. У них не менее четырнадцати различных стежков или плетений, некоторые из них удивительной красоты и прочности. На одной из прилагаемых фотографий изображен образец их корзин для переноски. Эта корзина вмещает большой груз семян или фруктов, и при такой загрузке требуется конструкция большой прочности, чтобы выдержать ношу. Она сплетена именно с этой целью, но при этом художественно украшена великолепно проработанным рисунком. Здесь кроется важный урок для белой расы: повседневная утварь должна быть окружена такой же красотой, как и практическая. Кухня должна доставлять столько же удовольствия глазу, как и гостиная. Кухарка и горничная нуждаются в эстетическом окружении не меньше, а даже больше, чем хозяйка и ее дети. Если общественный обычай настаивает на том, чтобы сделать слугами одну часть своих членов, другая часть должна быть готова сделать их "рабство" настолько удобным и красивым, насколько это возможно и практически осуществимо. Подумайте об этих бедных, невежественных(!) индианках, которые делают корзины для каши, корзины для переноски, дощечки для хранения еды, чаши для каши и множество других предметов, и все они красиво украшены и орнаментированы рисунками, выражающими какие-то эмоции их собственной души, какие-то амбиции, какие-то стремления или какие-то счастливые воспоминания.

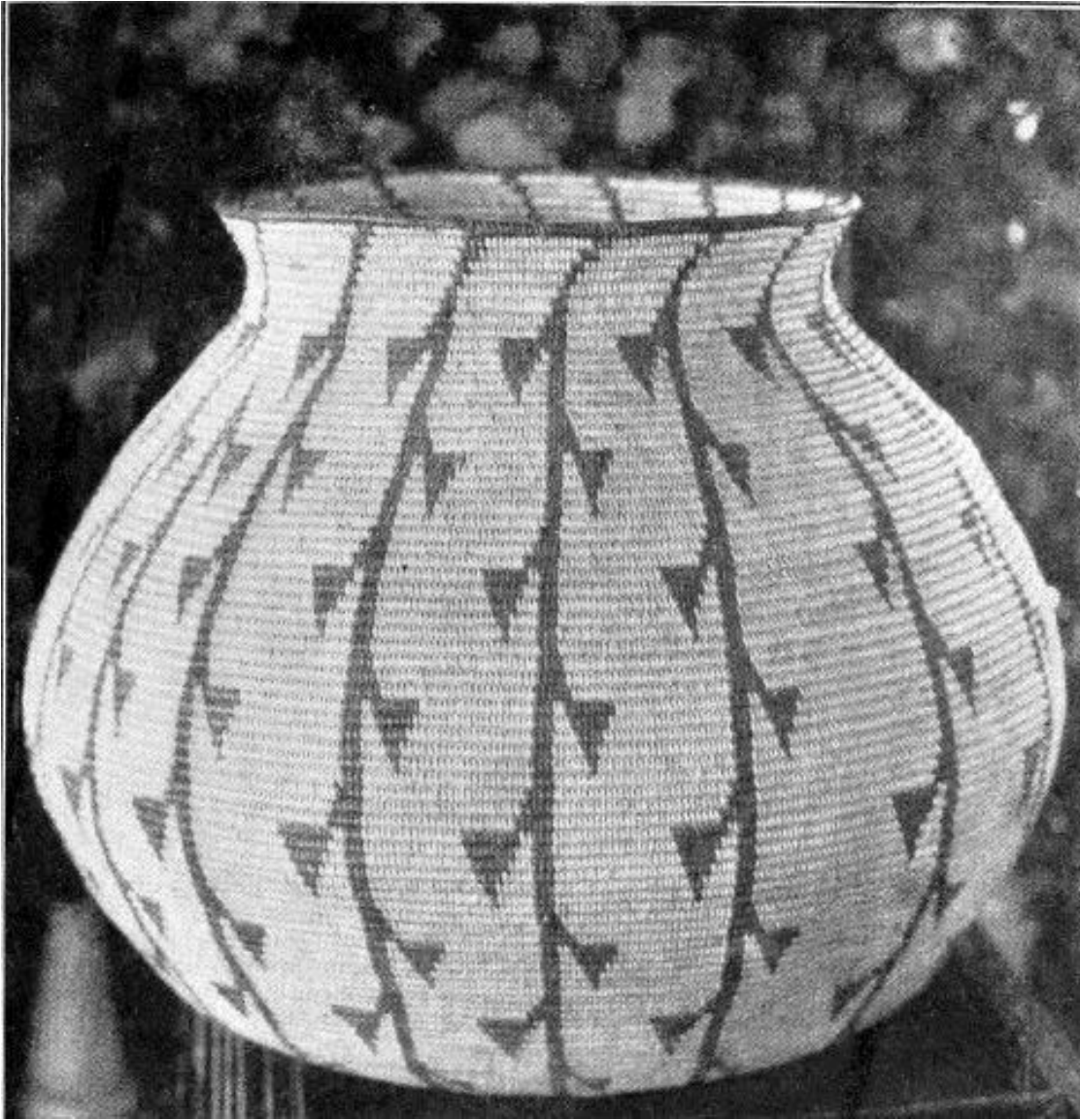
ИЗЫСКАННЫЙ УЗОР НА ПРЕКРАСНОЙ КОРЗИНЕ ИНДЕЙЦЕВ ЙОКУТ.

В том, что касается этих узоров, белая раса может многому научиться у индейцев. Иногда я смотрел на узоры и цвета наших обоев, ковров, ситцев, бязи, и особенно на шерстяные работы или вышивку некоторых женщин и был вынужден спросить себя, можно ли довести отвратительность до какого-то предела. Некоторые из узоров были абсолютным бредом безумия, - нетрадиционность изобреталась снова и снова, пока не стала непохожей ни на что в "небесах над головой, на земле под ногами и в водах под землей".

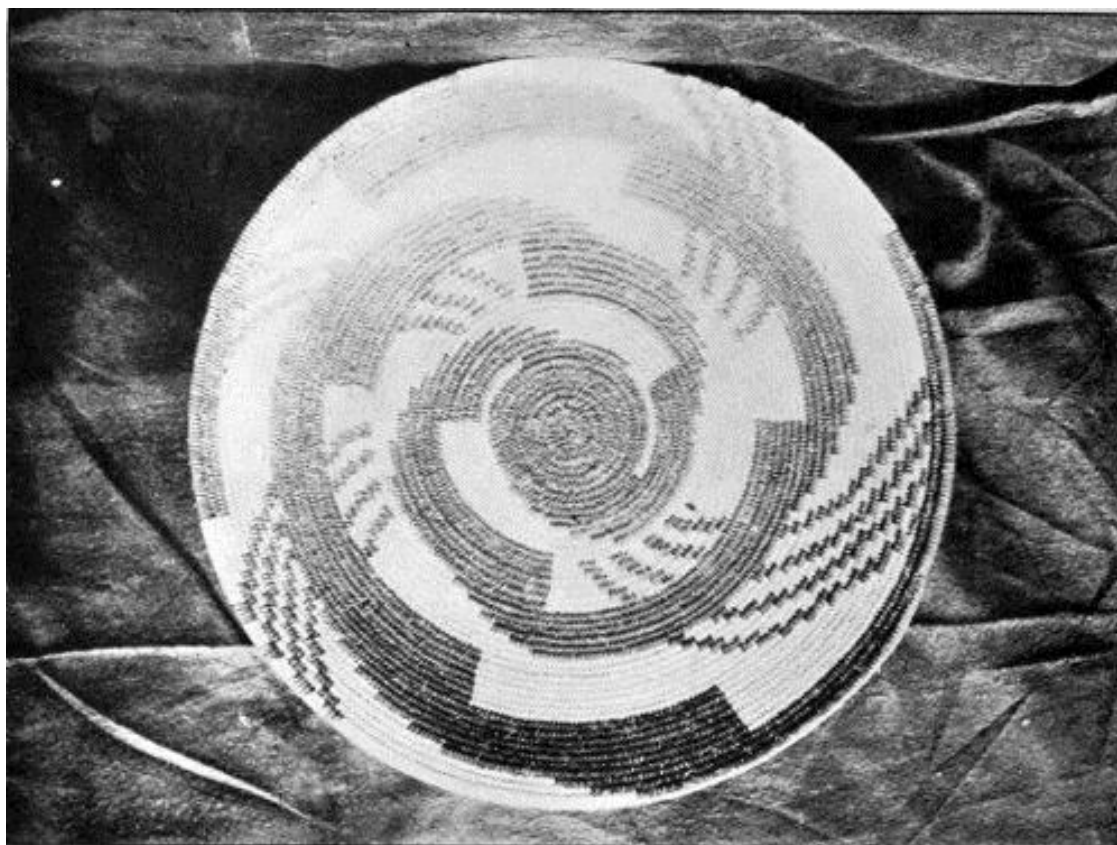
ИНДЕЙСКАЯ КОРЗИНА ХОРОШЕГО ДИЗАЙНА.

Однажды я читал лекцию "цивилизованной" и "культурной" аудитории на тему индейских узоров, которые имеют личное значение, и когда я закончил, то услышал, как один высокоцивилизованный и культурный человек с отвращением воскликнул: "Да он скоро попытается заставить нас поверить, что наши собственные узоры на обоях должны что-то значить!"

КОРЗИНА ХЕМЕХУЭВИ ПРЕКРАСНОЙ ФОРМЫ И ДИЗАЙНА.

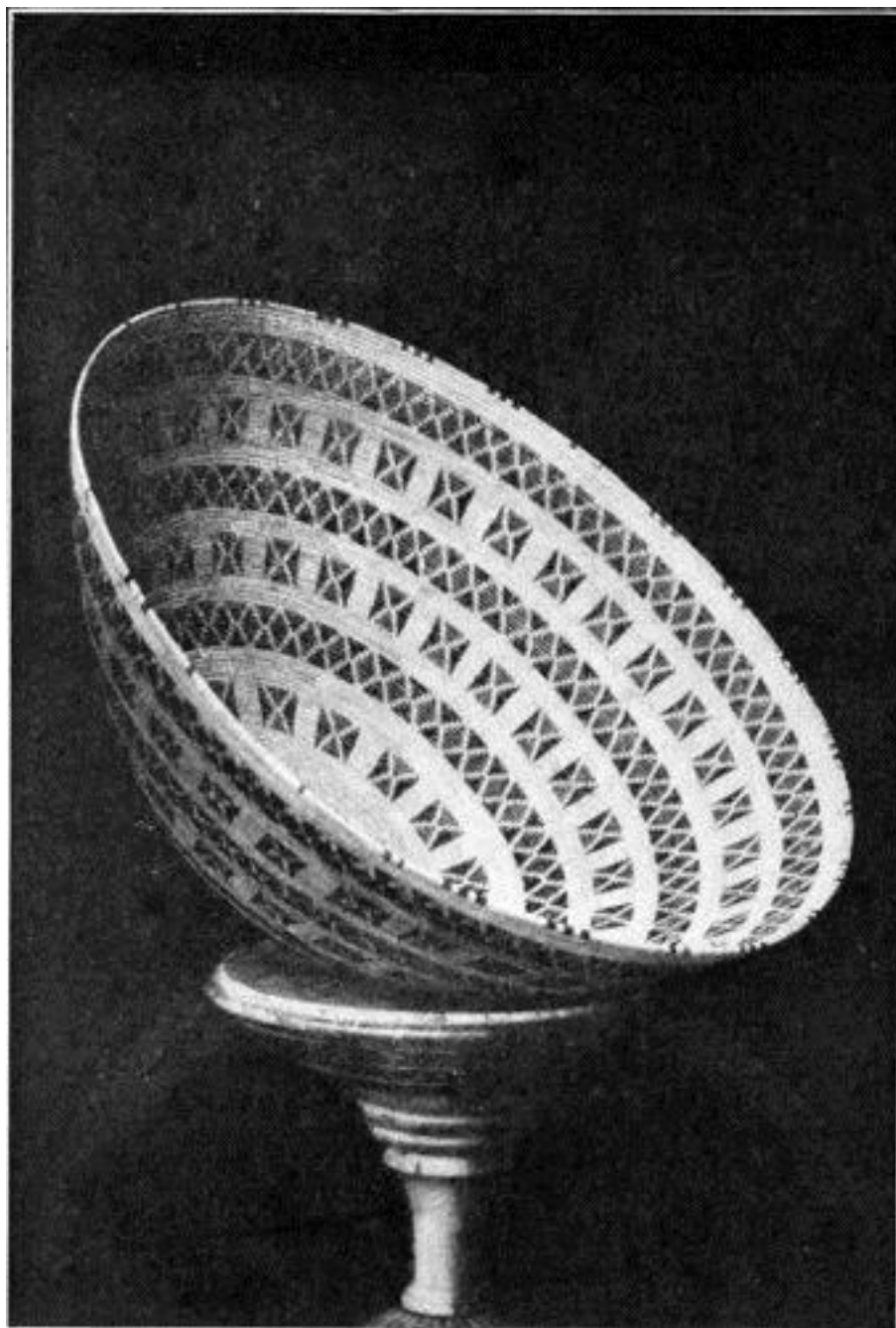
Конечно, я так и сделаю! Мысль о том, что мы, высшая, мудрая раса, используем в своих товарах узоры, которые должны быть красивыми для нас, но которые не имеют никакого значения! Какая нелепость и глупость, что наши девушки и женщины тратят часы на "модную работу" (!), узоры которой - безумное, замысловатое нечто, вызывающее скорее ужас, чем восхищение. У индейцев больше здравого смысла, чем тратить свое время на подобные глупости. Они изучили природу во всех ее разнообразных формах, и в их умах хранится тысяча и один рисунок, который они могут по желанию перенести в свои корзины, гончарные изделия или покрывала. Я имела удовольствие обучать этому основному принципу художественной работы многих белых женщин, а научилась я этому у индейцев. Одна женщина хотела получить рисунок для своих диванных подушек. Я спросил ее, нет ли у нее над крыльцом цветущей лозы. Она ответила: "Да". "Тогда скопируйте ее лист и цветок", - ответил я, и когда она сделала это и увидела красоту узора, *созданного* ею по образцу природы, ее душа наполнилась новой радостью, и она написала мне, что мало что доставляло ей больше удовольствия, чем открытие этого основного принципа.

КОРЗИНА-ЧАША, СДЕЛАННАЯ ТКАЧИХОЙ ПАЛАТИНГВА.

Подумайте о белой расе, которая делает корзины. Куда они обращаются за формами и рисунками? В тысячах случаев они берут мои собственные книги и копируют с них! Но откуда они у меня? Я не творческий художник, не изобретатель дизайна! Я получил их, "тело, душу и бриджи", от индейцев, все до единого; и все же "высшая раса" должна идти к ним, чтобы копировать, вместо того чтобы так приучить наблюдательность от природы, чтобы образцы для вышивки, для плетения, для причудливой работы всех видов содержались в их собственной памяти. Жизнь индейца тренировала эти замечательные способности к наблюдению и запоминанию. Он был вынужден наблюдать за животными, чтобы избегать опасных и ловить тех, что годятся в пищу; следить за летающими птицами, чтобы знать, когда и где их ловить и охранять их яйца; за рыбами, когда они нерестятся и вылупляются; за насекомыми, когда они скачут и роются; за растениями и деревьями, когда они растут и распускаются, цветут и сеются. Он познакомился не только с такими простыми вещами, как движение полярных созвездий и ретроградное и прямое движение планет, но и с менее известными спиральными движениями вихрей, вздымающих пески пустыни; зигзаги молний врезались в его сознание и память во время яростных бурь, которые снова и снова, темной ночью, проносились над открытой местностью, по которой он бродил; Полет птиц, грациозные движения, цвета и отметины змей, особые извивы насекомых, их следы, следы рептилий, птиц и животных на песке, снегу, грязи или твердой земле - все это вскоре стало ему знакомо. Горы и долины, вздымающиеся шпили и раскидистые ветви деревьев, тени, которые они отбрасывают, и изменения, которые они претерпевают с наступлением времени года, плывущие или закрепленные облака в их бесконечном разнообразии форм и цветов, изящные арки радуги, своеобразное образование и рассеивание туманов, триумфальные лансирования ночи великолепным огненным оружием утреннего солнца, величественное отступление царя дня с наступлением вечера, - все это и тысячу и одну другую красоту

природы индеец вскоре научился знать, и из всех этих мысленных образов он может с легкостью черпать, когда нужен дизайн.

ИЗЫСКАННАЯ ПЛЕТЕНАЯ КОРЗИНА ИЗ ЙОКУТА С ИЗОБРАЖЕНИЕМ СВ. АНДРЕЕВСКОГО КРЕСТА ИЗ АЛМАЗА ГРЕМУЧЕЙ ЗМЕИ.

Разве не хорошо, что белая раса должна научиться наблюдать за явлениями природы? У нас есть несколько писателей, пишущих о природе: Торо, Джон Берроуз, Олив Торн Миллер, Элизабет Гриннелл, Джон Мьюир, Эрнест Сетон Томпсон, Вм. Дж. Лонг и Теодор Рузвельт, но зачем нам книги о природе? У нас есть все поле природы, каждая страница открыта для нас, и необходимость в этих книгах - доказательство того, что мы не читали и не берем на себя труд читать природу самостоятельно. Индеец делает это лучше. Он - личный ученик. Он находит радость и умственное развитие в результатах собственных наблюдений, и пока белая раса не усвоит этот урок, она будет отставать от него в своей радости от природы, в своей мудрости, полученной от природы, в физическом здоровье, бодрости и силе, которые

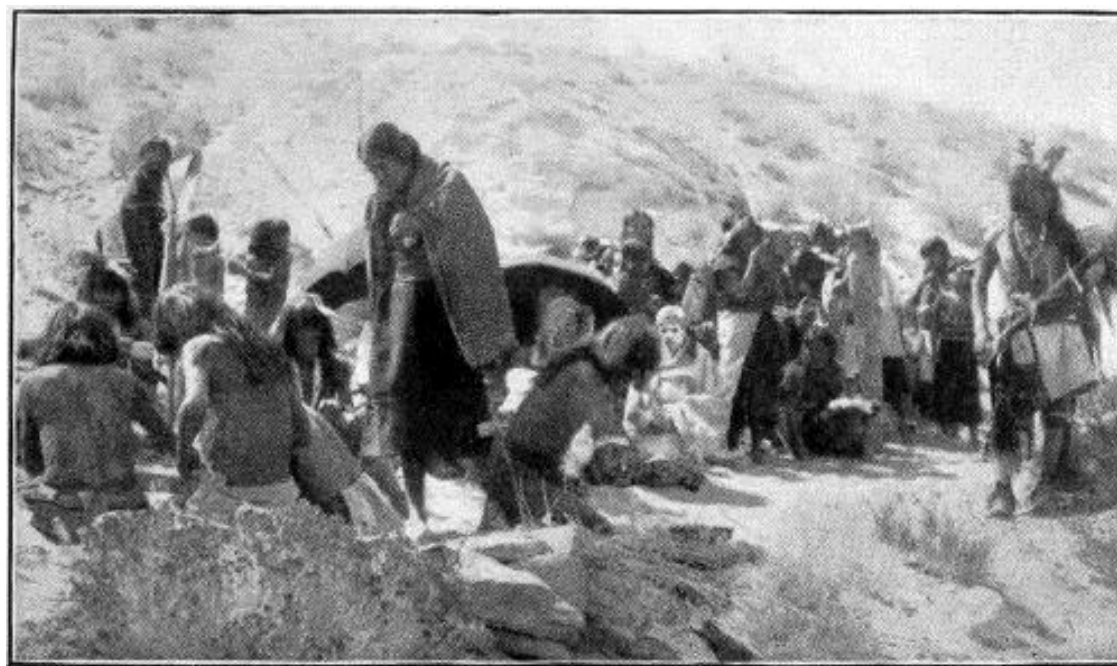
природа всегда дарит своим почитателям, и в истинном развитии искусства, которое может прийти только от знакомства с природой во всех ее изменчивых настроениях.

ГЛАВА XXV

ИНДЕЕЦ И РЕЛИГИОЗНЫЙ КУЛЬТ

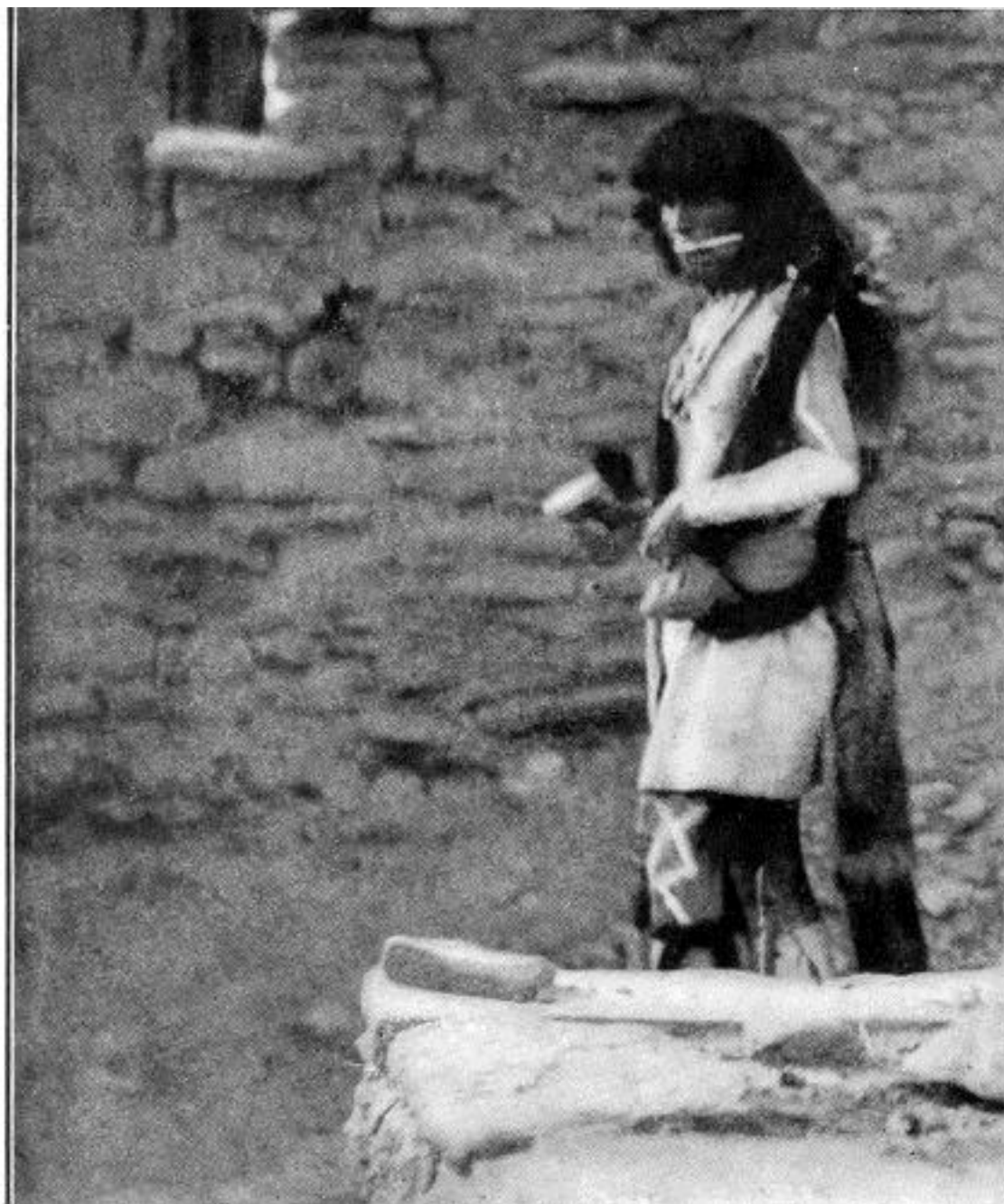
ДОСТОЙНЫЙ И ТОРЖЕСТВЕННЫЙ РЯД ЗМЕИНЫХ ЖРЕЦОВ В ЦЕРЕМОНИЯХ ЗМЕИНОГО ТАНЦА ХОПИ.

ИНДЕЙЦЫ ХОПИ НА ЦЕРЕМОНИИ ИГРЫ НА ФЛЕЙТЕ. ЭТО МОЛИТВА О ТОМ, ЧТОБЫ ВОДА ТЕКЛА В ИХ ПУСТЫННЫЕ ИСТОЧНИКИ.

Еще одна вещь, которой цивилизованные люди нашего века вполне могут научиться у индейцев, - это серьезность и искренность во всех вопросах религии. Мне больно заходить во многие из наших городских церквей. Хорошо одетые женщины, девушки и молодые люди сидят и шепчутся во время даже самых священных частей службы. Действительно, это исключение, а не правило, когда я бываю на службе и не возмущаюсь подобным проявлением грубости, дурных манер и непочтительности. Подобные вещи неизвестны индийцам. Религия - вещь серьезная. Веселье - это веселье, и когда он развлекается, то делает это с тщательностью и полнотой; но когда взывают к его религиозным инстинктам, он

отбрасывает все веселье и вступает дух праздника с благоговением и торжественностью. Именно цивилизованные люди заходят в церкви других конфессий, отличных от их собственной, и "таращат глаза", перешептываясь друг с другом по поводу странностей, которые они видят. Протестанты особенно виновны в этом серьезном пороке. Римские католики так приучены заниматься своими делами и *быть набожными* в доме Божьем, что не обращают внимания друг на друга, а вот протестанты, зайдя в католическую церковь или церковь другой конфессии, не своей собственной, ведут себя так, что я никогда не оскорбил бы индейцев, назвав их "дикарями" или "нецивилизованными". Индеец даже не ступит на вершину одной из подземных кив, где проходят религиозные церемонии одного из кланов, к которому он не принадлежит. Я не игнорирую тот факт, что эта сдержанность проистекает из суеверного страха, чтобы его не постиг какой-нибудь вред, и этот страх, возможно, нехороший. Но от страха или нет, благоговение перед священным местом и происходящими церемониями освежает и радует. Особенно после того, как я неделю за неделей вижу толпу так называемых цивилизованных молодых людей (и пожилых), которые слоняются у дверей церкви, иногда курят, делают замечания входящим в церковь людям. Я так же мало терпим к действиям этих молодых людей, которые таким эгоистичным образом лишают людей комфорта и разрушают их религиозное чувство, как и к тому, кто смеется над горем или издевается над горем убитых. Мое чувство распространяется и на служителей церкви, которые допускают такое возмутительное поведение. Церкви служат для просвещения всего народа в религиозных и высших вопросах. Как можно воспитывать молодежь в высших сферах, если на территории церкви они допускают проявления невежливости, грубости и эгоистичного пренебрежения к мыслям и правам других людей? С индейцами такие вещи никогда не происходят. Когда они смотрят на церемонии, в которых они не принимают участия, их манера поведения свидетельствует о глубочайшем уважении и почтении. Если не к самому поклонению, то к чувствам тех, кто поклоняется. В моей коллекции есть фотографии, на которых индейские юноши стоят у дверей христианской церкви, пока священник внутри читает мессу или выполняет какую-то часть назначенного ритуала. Восторженное выражение намеренной серьезности и серьезности настолько далеко от легкомысленного, безразличного, небрежного выражения и отношения многих молодых людей моей собственной расы, что я жажду, чтобы последние познали в некоторой степени чувства и благоговение первых.

ГЛАВНЫЙ ЖРЕЦ АНТИЛОП ИДЕТ НА ТАНЦЕВАЛЬНУЮ ПЛОЩАДКУ.

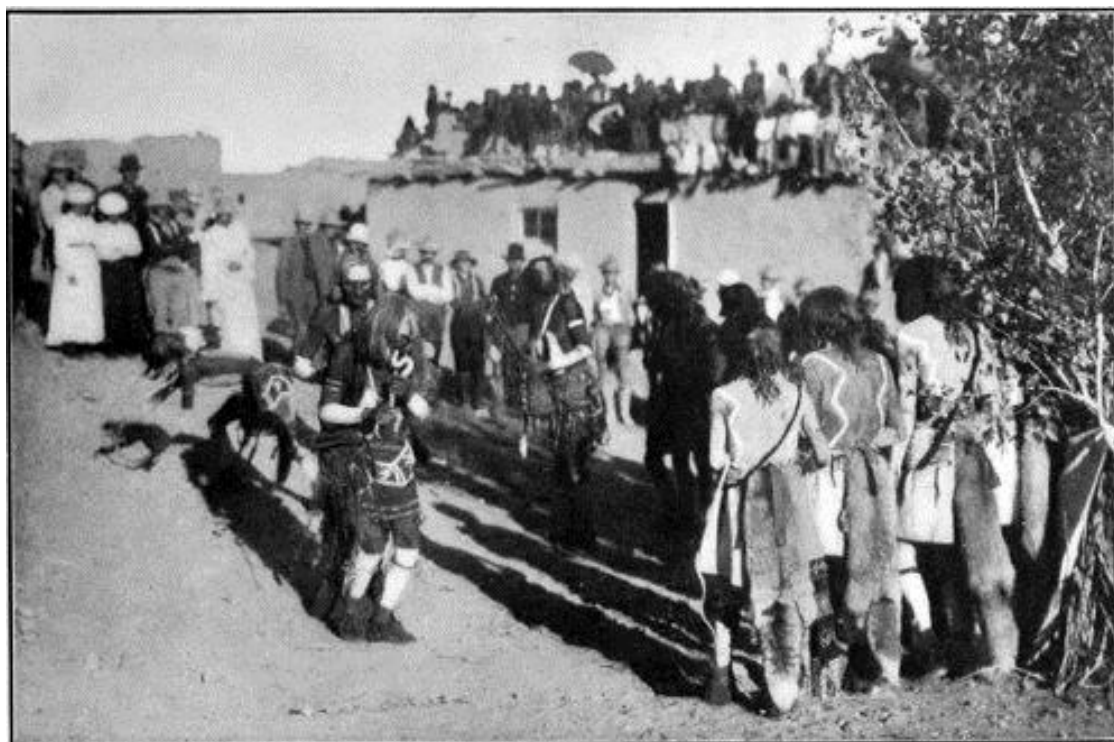

ЦЕПЬ ЖРЕЦОВ АНТИЛОП ПЕРЕД КИСИ В ТАНЦЕ ЗМЕИ ХОПИ.

**ЖРЕЦ АНТИЛОПЫ МОЛИТСЯ ПЕРЕД
СВЯТИЛИЩЕМ ТКАЧИХИ ОБЛАКОВ.**

Во время религиозных церемоний, в которых они принимают участие, их поведение поражает своей нарочитой серьезностью и искренностью. Я видел, как индейцы у своих святилищ, когда они думали, что находятся в полном одиночестве, молились с такой серьезностью и пылкостью, равной которой я никогда не видел или, по крайней мере, превосходящей ее. Жрецы Змеинового танца и Леленту (молитвы о дожде и о том, чтобы вода свободно текла в источники) так же искренни и благочестивы, как самый освященный христианский священник или священница, которых я когда-либо видел. А танцоры акома, лагуна, хопи, навахо, зуни и т. д. участвуют в этих религиозных церемониях с такой серьезностью и благоговением, которые посрамляют легкомысленные, суетливые, оглядывающиеся по сторонам, перешептывающиеся общины многих наших так называемых христианских церквей.

НОШЕНИЕ ЗМЕЙ ВО РТУ В ЗМЕИНОМ ТАНЦЕ ХОПИ.

Но и это еще не все. Повседневное отношение индейца - это благоговение перед Высшими Силами. Он все делает, помня о них. Первое, что он делает по пробуждении, - умиливляет все силы пяти или семи кардинальных точек. Когда восходит солнце, он делает подношение силам, которые стоят за ним, контролируют и направляют его, чтобы оно было благословенным в течение всего дня. Действительно, можно сказать, что каждый поступок в его жизни связан с религиозной мыслью, настолько сильно развит в нем религиозный инстинкт. Если вы предложите ему сигарету, он умиливит Силы вверху, вокруг и внизу, прежде чем предастся полному наслаждению. Однако он делает это с такой видимой беспечностью, что незнакомому человеку это и в голову не придет, даже если бы он смотрел прямо на него. Но знающий поймет. Когда он видит, как индеец спокойно пускает дым на восток, он знает, что это делается для того, чтобы напомнить добрым и злым силам, обитающим там, что курильщик желает, чтобы их доброе влияние подействовало на него, или, по крайней мере, чтобы злое влияние обошло его стороной. То же самое происходит, когда курильщик делает затяжку на север, запад, юг и сюда. Индейцы навахо верят, что именно здесь находятся силы, которые нужно умиливить, а хопи добавляют силы Сверху и Снизу, таким образом, получается семь кардинальных точек.

Тайные молитвы и обряды подземных кив, или медицинских *хоганов* хопи и навахо, - это чудеса искренности, серьезности и благоговения. На человека они производят впечатление, независимо от того, понимает он их или нет, и белый человек уходит, по крайней мере я, с таким чувством, а именно: я бы хотел, чтобы белые, если уж они вообще поклоняются, делали это с таким внешним приличием, благоговением и искренностью, которые подразумевали бы их настоящую внутреннюю веру в то, что это нечто большее, чем бессмысленная, пунктуальная церемония, через которую они должны пройти.

Еще одна примечательная вещь, которой белая раса могла бы научиться у индейцев, - это их привычка внушать жертве несчастья рождения, что его несчастье - это знак божественной благосклонности. Позвольте мне объяснить это. Горбун или карлик среди индейцев не становится объектом грубого остроумия, отвратительных шуток или жестокого обращения,

как это обычно бывает с такими людьми нашей расы, но к нему относятся с особым вниманием и добротой. Я знал одного мальчика из племени мохаве, который при рождении был горбатым. Шаман или знахарь объяснил, откуда взялось это уродство. Он был особенным ребенком, даром богов. Он пришел из Свыше сюда по изысканному пути радуги. Но, к сожалению, радуга остановилась над очень острой, изрезанной горной вершиной, которую боги не видели, и, когда ребенок скатился на землю, его бедная, маленькая, голая спинка зацепилась за острую вершину и была таким образом деформирована. С такой историей его происхождения его родители были счастливы, а когда он подрос, к нему стали относиться с добротой и вниманием его товарищи. И хотя я не хочу добиваться этой цели суеверной историей о знахаре из племени мохаве, я хотел бы, чтобы мы могли каким-то образом научить наших мальчиков с состраданием относиться к несчастьям тех, кто пострадал от рождения, или оказался неумным, или в чем-то не равен большинству.

ПИТЬЕ ЭМЕТИКА ПОСЛЕ ТАНЦА ЗМЕИ ХОПИ.

Если индеец страдает истерией или какими-либо припадками, лучше лечить его как результат его недуга, чем хуже. Слишком часто белая раса делает эти недуги причиной жестокого и безразличного обращения и добавляет горе к и без того перегруженным и расстроенным душам страдальцев.

ГЛАВА XXVI ИНДЕЕЦ И БЕССМЕРТИЕ

Для материалиста бессмертие - глупая мечта, для агностика - неоправданная человеческая жажда, для простого христианина - вера, а для трансценденталиста - уверенная надежда, но для индейца оно - такая же надежная гарантия, как и жизнь. Белая раса усложнила свою веру в будущую жизнь множеством теологических догм. Римско-католическая церковь имеет

свое чистилище, а также рай и ад; первый - место очищения за грехи, совершенные в теле и подлежащие сожжению, второй - обитель блаженных, а третий - место, в которое попадают проклятые. Адвентисты седьмого дня верят, что только те, кто спасен "кровью Христа" и послушанием Его заповедям, благословлены даром бессмертной жизни. Они утверждают, что это свободный дар как акт Божьей благодати, который не присущ душе или духу человека. Те, кто отказывается принять спасение через заместительное искупление Христа, по их мнению, будут уничтожены. Пресвитериане считают, что определенное число людей от основания мира предопределено к спасению и небесам, а другое - к проклятию и аду. Универсалист верит, что все люди в конечном итоге будут спасены и, следовательно, обретут рай, в то время как другие верят в "условное" бессмертие.

Индеец верит в бессмертие без всякой примеси сложных теологических идей. Это простая вера, которую он принимает, как принимает жизнь. Он верит, что когда он умирает, его дух отправляется в новую жизнь так же, как при рождении он пришел в эту жизнь. И он верит, что все предметы, которыми он пользовался на земле - еда, одежда, украшения, корзины, лошади, седла, одеяла - имеют жизнь духа, как и он сам. Поэтому, когда человек умирает, его друзья бросают на погребальный костер его одежду, одеяла и другие личные вещи, утварь для его комфорта, еду для его питания на пути в "подземный мир", или землю будущего, и душат его лошадь, чтобы ее дух помогал ему в пути. Когда смерть приближается, он встречает ее со спокойствием, невозмутимостью и безмятежностью. Бесстрашно и безбоязненно он ожидает прихода последнего великого врага. В сущности, он восклицает вместе с Браунингом:

"Я б ненавидел, чтоб смерть мне глаза завязала,
И запретила, и заставила меня проползти мимо.
Нет! Позвольте мне вкусить ее сполна; Погибнуть, как мои сверстники,
Герои древности".

Он не уклоняется; так же спокойно, как Сократ принял чашу рокового болиголова, индеец ждет смерти и гордо переходит к новой жизни. Те, кто остался позади, могут оплакивать свою потерю, но тот, кто уходит, не просит и не получает сочувствия.

Именно этому простому принятию смерти как естественной вещи я хотел бы научить белую расу. И все же это никогда не может стать для нас актом простой веры, как это происходит с индейцами. Наша цивилизация испортила нас в отношении "простой веры". Это практически невозможно, за исключением нескольких душ, которые, в отличие от остальных, "сохранили себя незапятнанными от мира" спекулятивной мысли или теологических догм. Это может произойти (и происходит со многими) в результате религиозного обучения, как это произошло с Браунингом и Уитменом. Какие удивительно разные умы были у этих двух людей. Один - аристократ, другой - демократ, но оба полны любви к человечеству, и каждый из них с силой и мощью учит об Отцовстве Бога, истинном братстве людей и бессмертии души. Прочтите "*Prospice*" Браунинга, часть, которую я уже цитировал, "*Evelyn Hope*", "*Abt Vogler*" и эти три строфы, которыми он открывает свой "*La Saziaz*", а в других местах называет "*Pisgah Sight*":

"Хорошо - простить:
Лучше - забыть!
Живя, мы боимся;
Умирая, мы живем.
Без лада и свободы,

Душа, хлопай своей шестерней!
Земля властвует над тобой,
Тело - над тобой!

Бродите по своему усмотрению,
День за днем, -
Бродить,
Блуждая все еще...
Душа, которая может парить!
Тело может дремать:
Body shall cumber
Душа больше не летает.

Взмах крыла души!
Что лежит выше?
Солнце и любовь,
Небо голубое и весна!
Где прячется тело?
Папоротники всех мастей,
Мхи и вереск,
Пусть будет забота твоя!"

Сравните эти изречения с грубыми и сильными словами Уитмена:

"Пассивный и неуверенный,
Слова, *мертвые*, я пишу,
Ибо живые - это мертвые,
(Возможно, единственные живые, единственные настоящие,
А я - наваждение, призрак.)".

И снова в "*Тому, кто скоро умрет*", какая триумфальная нота звучит в двух последних строках:

"Я исключая других из тебя, мне не о чем соболезновать,
Я не сочувствую, я поздравляю".

Как совершенно индийское отношение, этот отказ от сожаления и поздравления, а не сожаления. В "*Ночи в прериях*" четко выражена его совершенная уверенность в будущем, и, соизмеряя себя с великими мыслями о пространстве и вечности, которые наполняют его, когда он смотрит на мириады глобусов над головой, он восклицает:

"Теперь я впитываю бессмертие и покой, я восхищаюсь смертью.....
О, теперь я вижу, что жизнь не может показать мне все, как не может показать день,
Я вижу, что должен ждать того, что будет явлено смертью".

В одном стихотворении он говорит о том, что "ожидает смерти с совершенным хладнокровием", а в другом заявляет:

"Ты, святейший служитель Небес - ты, посланник, узилище, проводник, наконец, всех, Ты, богатый, цветистый ослабитель узла, называемого жизнью, Сладкая, мирная, желанная Смерть".

А причина всего этого спокойствия в отношении смерти и будущего выражена в его заверениях:

"Я не сомневаюсь, что страстно оплакиваемые смерти молодых мужчин предусмотрены, и что предусмотрены смерти молодых женщин и маленьких детей". (А вы думали, что жизнь так хорошо предусмотрена, а смерть, цель всей жизни, не предусмотрена?)

Я не сомневаюсь, что крушения на море, какими бы ужасами они ни сопровождались, чья бы жена, ребенок, муж, отец, любовник ни пошли ко дну, предусмотрены до мельчайших подробностей.

Я не сомневаюсь, что все, что может случиться в любом месте и в любое время, предусмотрено в небытии вещей.

Я не думаю, что Жизнь обеспечивает все, и Время, и Пространство, но я верю, что Небесная Смерть обеспечивает все".

Так что, читатель, мне все равно, как это войдет в твою душу, лишь бы она у тебя была, богатое и драгоценное достояние, эта живая, активная, потенциальная вера в бессмертие. Если вы знаете, что *вы есть* сейчас и что вы никогда не закончитесь, вы обнаружите, что сама жизнь становится более обширной и достойной. Вы не будете довольствоваться лишь земными целями, не будете довольствоваться простым добыванием денег, а, осознав безграничность своих возможностей и сил, потянетесь к вечным вещам, к тем реалиям, которые пребывают вечно. Ведь Хоакин Миллер никогда не писал более верных слов, чем его слова:

"Все, что ты можешь удержать в своей мертвой холодной руке, это то, что ты отдал".

Это навсегда избавляет вдумчивого человека от представления о простом приобретательстве. Подобные сборища недостойны души, которая чувствует и знает свое бессмертие. Ей нужна более масштабная цель, более достойный объект.

В связи с тем, что мы называем смертью, белая раса вполне может поучиться у индейцев. Как часто пресса и кафедра тратят силы на поиск превосходных слов для пышных восхвалений умерших, которые, пока были живы, не сделали ничего, чтобы завоевать любовь своих братьев. Такие панегирики неизвестны среди индейцев. Проповедник индейской похоронной проповеди не осмелится несправедливо хвалить или восхвалять своего подопечного, равно как и ложно порицать его. Он должен говорить правду, всю правду и ничего, кроме правды, и хотя его не призывают подробно описывать проступки, недостатки или слабости своего подопечного, он не должен произносить ни одного слова похвалы, которое не было бы справедливо заслуженным и строго правдивым.

Если бы этот закон был применен к белой расе, какие разные похоронные проповеди и оратории мы бы слышали и читали; и какие разные надписи мы бы читали на надгробных плитах, найденных в наших могильных дворах.

ГЛАВА XXVII В ГОСТЯХ У ИНДЕЙЦЕВ

Иногда я встречаюсь с людьми, которые хотели бы посетить настоящих индейцев в их настоящих домах, а не переодетых индейцев в искусственных домах, как на площади Мидуэй Всемирной ярмарки или в шоу "Дикий Запад", и они спрашивают меня, как они могут это сделать. Обычному современному путешественнику, которому нужны все удобства пульмана и вагона-ресторана и который не готов отказаться от них ради тягот путешествия в кемпинге, я советую не делать этого, хотя тягот больше на словах, чем на деле. Если вы любите старую одежду, свежий воздух, большую природу, много солнца, пустынные дороги и еду *на свежем воздухе*, а ночью спите под звездами, то эта страна как раз подходит для таких вещей. Хорошая команда, внимательный водитель, умеющий готовить "по-фронтирски", и приятный попутчик - и вы получите новые острые ощущения, независимо от погоды. Пять долларов в день на человека покроют среднюю стоимость снаряжения; питание оплачивается дополнительно.

И все же есть индейцы, которых можно увидеть, не покидая роскоши нашей современной цивилизации. Две большие железнодорожные системы на юго-западе страны проходят через регионы, где живут индейцы, о которых я рассказывал на предыдущих страницах. Они известны как "Санта-Фе" и "Саузерн Пасифик".

Пересекая континент от Чикаго до Тихоокеанского побережья по маршруту Санта-Фе, вы попадаете в "страну индейцев", о которой я говорю, примерно за полдня до Альбукерке, штат Нью-Мексико. Здесь находится то, что можно назвать "сердцем страны индейцев пуэбло". Слово "пуэбло" по-испански означает "город", так что это название означает лишь индейцев, живущих в городах, в отличие от кочевых или бродячих племен, обитающих на больших плоскогорьях.

В Альбукерке в коллекции Фреда Харви в депо, построенном в стиле Миссии, можно увидеть редкое и ценное собрание индейских корзин, одеял, серебряных изделий и т. д., которое является одним из лучших на Западе. Она стоит в одном ряду с самыми высокими, и в основном была собрана и размещена под личным руководством доктора Джорджа А. Дорси, выдающегося этнолога из Колумбийского музея Филда. Почти до всех пуэбло можно добраться из этого города, хотя Таос и индейские поселения на севере долины Рио-Гранде более доступны из Санта-Фе. Ислета и Лагуна находятся в нескольких милях к западу. В трех часах езды от Лагуны, через Зачарованную Месу, вы попадете в небесный город Акома. Зуни находится в одном дне пути на поезде к югу от Гэллапа, штат Нью-Мексико. В Уинслоу или Каньоне Дьябло, штат Аризона, можно сойти с железной дороги и проехать 70 или 90 миль по нарисованной пустыне до места обитания хопи, индейцев, танцующих на змеях, о которых я уже не раз упоминал. В Уильямсе, чуть дальше на запад, на ветке, ведущей к Большому каньону, можно посетить хавасупаев, а в Кингмане - валлапаев. В Нидлсе, на реке Колорадо, границе между Аризоной и Калифорнией, можно увидеть мохавов, а на реке, куда можно добраться на лодке из Нидлса, примерно в сорока милях ниже, живут хемехуэви. В Калифорнии, на ветке Санта-Фе, ведущей в Сан-Диего, можно добраться до различных деревень индейцев Миссии; Пала, Ринкон и некоторые другие - из Оушенсайда; Сан-Исабель, Меса-Гранде, Лос-Койотс и т. д., из Сан-Диего на поезде до ранчо Уорнера. До Сабобы можно добраться по ветке Сан-Хасинто, а до Темекулы - по ветке Темекула.

Пассажирский отдел Санта-Фе издает прекрасно иллюстрированную и хорошо написанную книгу об индейцах Юго-Запада, и за ее экземпляр стоит выслать пятьдесят центов в их главный офис в Чикаго.

Южная Тихоокеанская железная дорога также проходит через страну, где проживает много индейцев. До апачей можно добраться с нескольких станций в Аризоне, а до пима и марикопы - из Феникса. В Ацтеке можно добраться до Паломаса, где можно увидеть интересную группу апачей. Резервация индейцев юма находится через железнодорожный мост в Зуме, а из Мекки, расположенной у моря Солтон, можно добраться до деревень индейцев пустыни Мартинес, Агуа-Дульсе, Санта-Роза и т. д. В пяти милях от него находится станция индейцев Палм-Спрингс, а в Портервилле, к северу от Лос-Анджелеса, можно отправиться к йокутам и другим индейцам, занимающимся плетением корзин.

Эта краткая глава не претендует на полное описание. Это всего лишь предложение помощи тем, кто хочет отправиться за индейцем к его настоящему дому.

ГЛАВА XXVIII ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В предыдущих главах я попытался изложить в полезной форме идеи, которые постепенно проникали в мое сознание по мере того, как мое общение с индейцами становилось все менее формальным и сдержанным. В моем случае "знакомство" не "породило презрение". Я усвоил много важных для меня уроков. В спешке и круговороте нашего века, помешанного на деньгах, и нашей цивилизации, управляемой машинами, у нас почти не остается времени, чтобы спокойно посидеть и поразмыслить над чем-либо, поэтому я искренне призываю вернуться к простым вещам, к отдыху на природе, к спокойному довольству индейца. Несомненно, я часто говорю грубо и резко, но я могу честно утверждать, что никогда не хотел быть грубым, хотя я не столько забочусь о том, чтобы мои высказывания были отшлифованы и изысканы, сколько о том, чтобы они нашли отклик в искренних сердцах.

Для тех, кто честно и искренне желает извлечь пользу из того, что я сказал, недостатки в моей работе будут великодушно пропущены мимо ушей и благосклонно проигнорированы. При написании некоторых из этих глав я испытывал слишком сильные чувства, чтобы судить о написанном по холодному, критическому стандарту ратора. Я научился у индейцев, что истинная цель ораторского искусства - проникнуть мыслью в ум и сердце другого человека, чтобы она повлияла на его действия. Это и было моей целью при написании этих страниц; итак, в заключение,

Я благодарю тебя, сумрачный брат равнин, гор, лесов и каньонов, за этот урок и все другие уроки, которые ты мне преподавал. Я благодарен за уроки высшей цивилизации. Я ценю и дорожу ими, но в равной степени я обязан тебе, краснокожий, за то, что ты напомнил мне о некоторых первобытных принципах, которые цивилизация игнорирует на свой страх и риск".

Примечание переводчика:

Несоответствующее написание и дефис - как в оригинале.